

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000037265652

Татьяна Москвина

нт Коломбо
енант?

нт Коломбо
я забыла?

нт Коломбо
чего нет. А я?

ира. Вы?

Лейтенант Коломбо. Мэм...
ись стать моей женой?

Кира. Повторите, лейтенант.

Лейтенант Коломбо. Вы не
ать моей женой?

Кира. А как же миссис Коломбо?

Элла. Да, парень, ты женат!

Лейтенант Коломбо. Откуда в

Элла. Сам говорил.

Лейтенант Коломбо. Вот имен
ный мужчина, Кира Викторовна, об

то они не женаты, а я врал, что ж
ира. Зачем?

Лейтенант Коломбо. Такой
манёвр... И потом, женатому полице

а. Мэм, уверяю вас, я не женат и ник
ира. А почему именно я?

Лейтенант Коломбо. Видит
тся, что вы и есть моя жена. Вы -

мая, которую я придумал и о котор
ывал. Добрая, чуть вздорная, надё

женщина. Вы мне бесумно нравитесь

ЖЕНА ЛЕЙТЕНАНТА КО ЛОМ БО

RH

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Татьяна Москвина

ЖЕНА
ЛЕЙТЕНАНТА
КОЛОМБО

РАССКАЗЫ В ЛИЦАХ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

УДК 82-2
ББК 84 (2Рос-Рус)6
КТК 623
М81

*Издание выпущено при поддержке Комитета
по печати и взаимодействию со средствами
массовой информации
Правительства Санкт-Петербурга*

Москвина Т.

М81 Жена лейтенанта Коломбо : рассказы в лицах. – СПб.,
2018. – 400 с.

Книга «Жена лейтенанта Коломбо» – сборник пьес, часть которых написана в форме актёрского монолога, что делает их практически неотличимыми от исповедальной прозы. Несмотря на то, что пьесы Москвиной с успехом идут на петербургских и московских сценах и хорошо известны театрам, большинство представленных в сборнике драматургических произведений публикуется впервые. Москвину, как Островского и Чехова, можно и нужно читать «глазами» – сочный и колоритный язык её пьес ценен уже сам по себе, без сценической подпорки. В чём теперь каждый имеет возможность убедиться.

ISBN 978-5-8370-0861-0

© Т. Москвина, 2018
© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2018
© А. Веселов, оформление, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге собраны мои драматические сочинения разной судьбы. Есть пьеса-удачница – «Па-де-де», её играли в столицах и в провинции, дважды случились радиопостановки и даже вышел фильм «Не делайте бисквиты в плохом настроении» по третьей новелле. Время от времени я встречаю сообщения, что вот, в таком-то театре снова поставили «Па-де-де» и вздыхаю: ладно. Хоть бы пригласили... Автор-то жив. Ведь это положительно невероятно!

А есть сочинение, которое ещё никто не читал – такое оно заветное. «Изобретение женщины». Оно посвящено А. П. Чехову и ждёт своего воплощения. «Русские монологи» – зажили на сцене Санкт-Петербургского драматического театра на Литейном, но под именем «КотАвасия». «Проклятая любовь» идёт в театре на Васильевском, «Жена лейтенанта Коломбо» состоялась на «Радио России – Санкт-Петербург»... Но, в общем, конечно, я испытываю недостаток в публике. Когда идут спектакли, чувствую: она не дура, она меня понимает. Волнуется, хохочет, замирает... И досада берёт: отчего

между мной и зрителями стоит это неповоротливое тело, современный театр!

Давайте обойдёмся без него, ага? На что нам вечер, чаёк с мёдом и лимоном и – воображение! И не надо никуда тащиться, и я с вами...

Я с вами, а вы со мной. Вы, люди. Я подслушивала вас, я думала о вас, я сочиняла вас. Вы мне нужны – и как же я надеюсь, что нужна вам!

Татьяна Москвина

РУССКИЕ МОНОЛОГИ

ФЕРДЫЩЕНКО

Сочинение по мотивам романа

Ф. М. Достоевского

«Идиот»

Фердыщенко – второстепенный персонаж романа «Идиот» – появляется перед зрителем не вдруг. Минутка у нас есть, чтобы разглядеть пространство, в котором он будет фигурировать во время действия. Автор сочинения мечтает о том, чтобы художник спектакля понял своеобразие нашего героя, и уж во всяком случае просит считаться с необходимостью присутствия: графина с водочкой, разнообразных изданий романа «Идиот» и – портрета женщины. Настасьи Филипповны, как вы понимаете...

Скрип двери. Появляется Фердыщенко.

Фердыщенко. Фердыщенко. Фамилия моя – Фердыщенко. А?

Разве можно жить с фамилией Фердыщенко? Нельзя. А я живу. О, нас таких миллионы... С дикими, уродскими фамилиями, которые чёрт его знает откуда и взялись на белом свете. Да, чёрт и знает! У русского чёрта известно вам, какая фамилия? Я точно знаю – Гоголь.

Вот нужно обозвать человека, действующее-то лицо, да так, чтоб посмешить читателя – обязательно дай ему дурацкую фамилию. Земляника, Перерепенко, Собакевич... Хи-хи-хи. И мой автор – туда же. Героев-то настоящих, которые с идеями, с любовями, как зовут? Иволгин,

Епанчин, Рогожин, Терентьев... Даже этим ничтожествам, что вокруг князя-идиота крутились, и тем отпустил приличные фамилии – Лебедев, Келлер, Бурдонский. А меня заклеил навеки, не просто фамилию дал – а придумал такого человека, который всю свою жизнь вывел из своей фамилии, сам лично, вот нарочно, назло под неё подлюю и подстроился. Раздавлен фамилией. Приговорён...

А начинается так благородно – Ферд... Фердинанд, ферма, фер лямур... Европа какая-то брезжит солидная и романтичная, с королями, с традициями, с вековыми порядочками... И тут это кошмарное «Ы!». Ыыыыыы. Сидит европеец, умывшись, кофе накушался и талеры свои считает и вдруг ему в окно, доверчиво открытое, это «ЫЫЫЫЫЫ»... ФердЫЫЫЫЫ... Это грязная рогатая Азия свою морду просунула. Но тут не просто одно только скотское мычание, о нет, если бы так! Тут ещё ужас подземный, чёрная мистика, тупой и ужасный вой природЫЫЫЫ...

И после этой трагической встречи европейского Ферда и азиатского ЫЫЫЫ – идёт какая-то ерунда, какой-то скотный двор, визг и писк, щенки и кошки драные... ФердЫ-щенко! То есть ничем не закончилось наше столкновение, наше бодание-то с Европой – всё расплылось в чушь и дурь, в щепки и тряпки. В это презрительное «щенко». И каков должен быть человек, рождённый с такой фамилией? Ходячий парадокс, шут гороховый. Он ведь с детства привыкает – называешь свою фамилию, и на тебя как-то особенно смотрят. Точно вот чего-то ждут... Уже заранее что-то знают про тебя...

Например, совершенно невозможно, чтоб такой человек, с фамилией-то Фердыщенко, и водки вдруг не пил.

(Наливает себе из графинчика.) Невероятно! Фердыщенко – и не пьёт! Фердыщенко обязан пить, и не по-мещански, со вздохами, рюмочки пропускать, а по-настоящему пить, с размахом, соразмерно своей родине и сообразно фамилии, скотски, залихватски, можно сказать – профессионально пить. Про меня автор изволил во второй части своего сочинения написать следующее... (Ищет место в книге, листает.) Чёрт, это китайское издание... это на немецком... это что? Шведский, что ли? Нечего сказать, прославил на весь мир... А, вот порусски... «Фердыщенко съехал куда-то три дня спустя после приключения у Настасьи Филипповны и довольно скоро пропал, так что о нём и всякий слух затих; говорили, что где-то пьёт, но не утвердительно».

Это и значит – пить профессионально, когда на вопрос – «а что он делает?» – люди уверенно отвечают: «пьёт». Но хотя бы не оболгал человека совершенно, указал – «говорили, что где-то пьёт, но НЕ УТВЕРДИТЕЛЬНО»... Как меня зовут, как моё имя родовое, автор не написал, а вот что говорят про меня – счёл нужным обозначить в точности. Какая забота! Какой человеческий попался мне автор! (Выпивает стопочку.) Выпиваю я умеренно, кстати, чаще всего за компанию да по случаю, в запоях не бывал и до такого безобразия, как генерал покойный Иволгин, не доходил... Ну, мы не князья, не генералы, убожество наше ничем не прикрыто. Мы Фердыщенко! Вот – чисты и откровенны, и как на ладони Божьей сидим и отвечаем.

Нам слово дали – вот что удивительно. Раньше-то, в текстах-то, которые господа писали, всё больше князья да генералы рассуждали, и вдруг Фердыщенко разрешили

говорить! И правильно, и верно! Князей да генералов не много на свете, а Фердыщенко-то мильёны. И когда нам всем разрешат говорить, о, какой правдой зальётся тогда мир – настоящей, густой, вонючей правдой, а не фантазиями этого идиота... Потому что он ведь был настоящий идиот.

Мне ли не знать. Я сразу тогда написал в донесении – идиот чистых кровей, вредного образа мыслей и непредсказуем. Я был полицейский агент и на своём участке знал всех жильцов, и о новых лицах обязан был докладывать в часть незамедлительно. Жалованье платили. На это и жил, как выгнанный со службы и не имеющий иного дохода. На взятке меня повязали, а давали-то не мне, а при мне, товарищу моему, а я тогда не донёс. Взятка была подложная, столоначальник новый подчинённых своих проверял, а я и был ему подчинённый... Места я лишился, и дело на меня завели по доносу, пустое дело, дескать, я и раньше брал, потому и смолчал... Я запил, буянил, в участок попал, а там-то, в полиции, они возьми да и предложи, что-то смекнули они тогда, на меня глядя – вот Фердыщенко, шут и пьяница, на него никто не подумает, полезный будет агент. И дело моё растаяло, зажил я королём испанским!

Но недолго. Раскусили Фердыщенко, раскрыли Фердыщенко... Шептались про меня. «При этом при господине, дескать, нельзя ВСЕГО говорить». Чего ВСЕГО? Кому эти насекомые людишки вообще нужны были, кроме меня и полиции? И что обидно – ведь это генерал Иволгин, сумасшедший и безобразный, ляпнул просто так, чтоб меня обгадить, а Лебедев, чиновник, подхватил и разнёс, подхватил и разнёс, как злобная муха. А я ничем себя не выдал – кто ж мог угадать, что этот фантастический гене-

рал ткнул пальцем в небо и взял да попал! Не поверили, но не выгнали. На другой участок перевели, потом, уже после всего... Ну, после того... Когда Настасья Филипповна... Когда Настасью Филипповну... Когда Настасьи Филипповны... не стало...

Я тогда жил в Петербурге, на квартире Иволгиных. Там мамаша комнаты сдавала жильцам, у неё дочь была, Варвара, сердитая такая девица крысиного вида, сыночек Гаврила, Ганя по-домашнему, глядел Наполеоном, а помоему, просто неудачник озлобленный и без никаких талантов, потом мальчишка болтливый, Коля. И генерал наш, Ардалион, красноречее чудовище, нахал и врун, каких свет не видывал. И ещё про меня осмеливались говорить, что я пью, когда генерал Иволгин, от горя, что разжаловали и только что под суд не отдали, пожалели за семью и преклонный возраст, пил два года без продыху, каждый Божий день. Он растратчик был, казённые деньги на одну вдову спустил, и с этой вдовой, капитаншей Терентьевой, продолжал якшаться, и ночевал у неё, и все знали. Сынок этой самой капитанши, Ипполит Терентьев, ядовитый юноша, потом целую исповедь сочинил и читал нам под липами, в Павловске, когда мы все у князя сошлись... Ипполит этот чахоточный – нахал, и дурак, и лгун, и весь обшит претензиями к мирозданию: как это, дескать, я, такой прекрасный, умирать должен, а всем плевать! Застрелиться хотел, при нас прямо, на глазах у князя, а капсюля в пистолетик забыл положить. Смех один!

Что его мамаша пьяного дурака генерала обирает, а он на эти деньги живёт – ему плевать. А что его высочество Ипполит Терентьев умрёт, как всем тварям положено – тут мы бунтуем и пишем тетради протеста. Да

что с того, что ты умрёшь? Тебе, может, и родиться-то не стоило вовсе. Царь Соломон умер, Христос умер, Наполеон умер – и ничего, никаких исповедей не писали и перед мирозданием протестных танцев не исполняли. Тварь своё место знать обязана. Я знаю. Мне от рождения сама судьба ткнула в голову: ты – Фердыщенко. Ферд-ы-щенко. Я тварь. И нет про меня никакого замысла. Дунул Господь в глину – а дыхание мимо прошло и в меня не попало. Ну, может, крошка какая-то. Может быть... Так что теперь, письма Ему писать? Как хотите, а это наглость. Я перед людьми нахал, а перед Богом – смиренная тварь. Мне нравится быть тварью...

Выпивает стопочку.

А зовут меня Пётр Петрович. Да... В конце ноября... двадцать седьмого числа. Приводит Ганя Иволгин к нам домой этого князя, и шепотком сообщает, что приехал из Швейцарии залеченный идиот, молодой, нищий, фамилия Мышкин, в доме у Епанчиных был и понравился там девицам и генеральше. Дальний родственник их какой-то. Сказал, что князь, может, и не идиот вовсе, а плут и проходимец. Мышкин, идиот! Я даже расположился к нему – фамилия, хоть не такая комедийная, как у меня, но всё-таки смешная. Детская какая-то.

Я так себе представил: войду и скажу – «Фердыщенко». А он ответит: «Мышкин». И мы оба, может, засмеёмся. Как будто равные... Может, подружмся потом. Всякое бывает! По крайней мере, он начнёт болтать, будет что написать в донесении. Швейцария! Шутка сказать, там одни анархисты да террористы засели, им наши миллионщики напукнули шато да шале, дворцов и зам-

ков по-русски, чтоб, значит, не забыли в революцию всех порезать, а их пощадить. Анархисты по горам голыми бегают, вместе со своими распутными дамочками, и псалмы революционные поют. Приближают бурю... Что это вдруг князь какой-то на голову Епанчиным свалился? Не иначе, как по заданию. Может, мне премию за этого идиота дадут...

«Я Фердыщенко. – А я Мышкин!» Ха-ха. Я когда Настасье Филипповне представлялся, так и вышло. Я ей – «Фердыщенко моя фамилия. Разве можно жить с фамилией Фердыщенко?» А она засмеялась и отвечает: почему нельзя, я вот – Барашкова. И стала у себя принимать. Тут генерал Епанчин сидит, Афанасий Иванович Тоцкий, большой барин, сидит, и – вот он я сижу! Вообразить невозможно! Вот оттого и принимала, что – вообразить невозможно. Я у неё как символ свободы был, что ли. Так она свою волю заявляла: захочу – и Фердыщенко рядом с вами сядет и шампанское будет пить. Voila! Перед ней, как перед Богом, все оказывались равны...

Что, думаете, я влюблён в неё был, как все? Ничего такого. Я никогда ничего такого не чувствовал. Конечно, смотреть на неё хотелось. И ужасно было приятно, как она всех князей и генералов третировала, как будто любые звания да титулы ей безразличны, понастоящему безразличны, не притворялась она никогда. Но – я любви не имею. Не действуют на меня чары никакие. Я всегда всех вижу ясно-ясно, как будто на душу мне очки надеты, да что там очки – микроскоп! Вижу всё. Какая тут любовь. Ходил я тогда к одной торговке, у неё своя лавочка была на Сенной, и краденое сбывала, всё полиции боялась, я прикрывал. Баба как баба, из

Окуловки, бывшая крепостная. Крепость только-только отменили, шесть годов как прошло, бабы сразу осмелели. Марфуша моя батистовое бельё завела, кофе стала пить... из квасной кружки. От эдакая бадья! Она, конечно, говорила «кофий»... «Пётр Петрович, кофию откушать!» Ей моя фамилия нравилась, громкая, говорит, фамилия, военная. С чего взяла... Сама-то Иванова была... Гитару мне купила... Прилягу, бывало, у неё, чижик в клетке верещит, кот шляется... серый, полосатый, бока что твои бочки с капустой, от такие бока... тихо... занавесочки белые чуть шевелятся... вот точно ты умер, а вместе с тем жив... Повязали мою Марфушу, не доглядел я... Всю шайку взяли... Дали четыре года. На каторге и померла.

Выпивает стопочку.

Вот такой я человек – и у Марфуши на перинах валяюсь, и в гостиной у Настасьи Филипповны преспокойно расхаживаю, и ничего! И свободно! Начальник мой, квартальный, на меня дивился – куда ты только, грит, Фердыщенко, не пролезешь. Меня к нему к самому пускали с докладами...

А в тот день я сразу решил этого князя Мышкина прощупать, чем он дышит. Вхожу. Сразу масочку надел... Человеку, когда он не один, без маски нельзя! Это как будто голому войти. Один ты перед Богом, какой есть и кривляться тогда нечего. А завелся рядом другой – маску, маску поскорей. Роль играть. Нельзя перед другими со своим лицом! Потому что – не знаем мы, что у нас за лицо, сами себя мы не понимаем и не поймём никогда. Вот ещё совет глупости космической – будь, дескать, самим собой.

Да это невозможно совсем, ни в какой стране, ни в какое время даже, ни с каким человеком, потому что мы... чёрт знает что такое мы. Когда кухарка суп варит, и пихает в бульон кореньев и овоща всякого, то понятно в конце концов, что варево это как-то называется и его можно сожрать. А мы – наверчено такого, что и назвать нельзя, и съесть... хм. Пожалуй, что съесть можно. Хм... это я не додумал... Я только хотел сказать, что маска у меня под рукой всегда, маска моя шутовская, где рожа весёлая и будто бы моя – намалёвана. С глазком таким подмигивающим. Мол, вот он я каков!

Без всяких экивоков. Вошёл и сразу в лоб ему, этому князю Мышкину: Фердыщенко!

Там комнатка была тёмная, дрянь комната, кровать железная, стол... Мебель-то Иволгины у чиновника одного, что съезжал, у пьяницы, купили по случаю. Когда мамаша решила жильцов пускать. Чтоб еще хуже, чем они сами, нищих найти и любоваться. На всяких Фердыщенко любоваться. А раньше-то в бельэтаже ведь жилали, генеральская семейка!

Он сидит на кровати, узелочек свой швейцарский развязал, там бельишко, трубочка. Он трубочку набивал, охота была покурить, значит. Белёсый такой, глаза светлые... совсем. И смотрит. Как будто давний приятель или друг даже мой, так весело смотрит. И ведём мы с ним такой диалог.

Я говорю – «Фердыщенко!»

Князь отвечает – «Так что же?»

Я тогда понял, что он действительно и в самом деле натуральный князь. Это их повадки. Их кто-то должен представить, или они сами представляются, а если к ним просто

так подойти и назвать себя – они только будут улыбаться да щуриться. Это уж такая порода выведена подлая. Это они благородством называют.

Я говорю ему про себя – «Жилец».

Князь отвечает – «Хотите познакомиться?»

Ткнул меня носом в неприличие моего поведения, значит. Учтиво и вежливо. Я должен был постучать, войти, поздороваться и отрекомендовать себя. А я вошёл без пARDону и бряк – фамилию. А он ничего не чувствует! И не сказал просто, по-человечески, как я мечтал: «Фердыщенко? А я Мышкин»...

И мы бы рассмеялись. И я бы ему многое рассказал про семейку Иволгиных, да и про Настасью Филипповну имел в запасе, уж я бы его подготовил и не шлёпался бы он всякий раз на каждом шагу в лужу.

Я рассердился. «Э-эх!» – говорю. Сел. Ну, думаю, надо забрать покруче, чтоб спесь с него сбить княжескую, чтоб изумить его до основанья. Так-то он мне понравился, правду сказать. Мягкий, нежный, как шарфик шёлковый. Голоса не повышает и смотрит ласково. Сразу видно, что идиот. Маски у него не было, понимаете – было своё лицо. А зачем идиоту маска? Что ему скрывать? Ведь этого ничего не скроешь.

Я его спрашиваю про главное – «У вас деньги есть?»

Он отвечает как идиот – «Немного».

«Сколько именно?»

«Двадцать пять рублей».

Слушайте, кто ж так отвечает! Разве может взрослый вменяемый человек взять и ответить первому встречному, сколько денег у него в кошельке. Я не поверил сначала. Говорю – «Покажите-ка».

А он вынимает из жилетного кармана бумажку в двадцать пять рублей и даёт мне в руки, спокойно, как будто соседу по обеду салфетку передал – губы обтереть. Я таких людей ещё не видывал и Бог даст – и не увижу никогда. Хватит с меня князя Льва Николаевича по гроб жизни. Я, Фердыщенко, шут и пьяница, отставной чиновник, сожитель Марфуши Ивановой, которая краденым на Сенной торговала, полицейский агент-осведомитель по кличке «Испанец» (они меня Фердинандом, королём испанским всё дразнили), битый мачехой, отцом сечёный, потасканный как старый башмак, а мне тогда тридцать пять всего было – я, я, я... растерялся!

Дал он эту бумажку, а за каким она мне шишом? Себе в карман не положишь, мы не в подворотне. Да я и не вор... по крайней мере, у безумных князей на своей квартире не вор. Верчу я бумажку и мелю всякий вздор. «Довольно странно, – говорю, – отчего бы им буреть? Эти двадцатипятирублёвые иногда ужасно буреют, а другие, напротив, совсем линяют...» Это я хотел показать, что в таких бумажках-то, в двадцатипятирублёвых-то, знаю толк, видал-перевидал я ваши бумажки... А всё врал, больше пяти целковых у меня в ту пору и не бывало... И с чего им, двадцатипятирублёвым царским лебедям, буреть али напротив того, линять? Князю-то, разумеется, ничего такого знать в Швейцарии не полагалось. Он и не знал. Да и знал бы, промолчал. Не тем его голова идиотская была занята – он же приехал мир перестраивать, рай тут обустроить небесный...

Вернул я бумажку. Князь молчит. Надо что-то объяснить – думаю. «Я пришёл, – говорю, – вас предупредить: во-первых, мне денег взаймы не давать, потому что я непременно буду просить...»

Князь на это изволил молвить коротко и ясно, прямо как Христос: «Хорошо», – говорит. Одно слово: хорошо!

– «Вы платить здесь намерены?»

– «Намерен»

– «А я не намерен; спасибо. Я здесь от вас направо первая дверь, видели? Ко мне постарайтесь не очень часто жаловать; к вам я приду, не беспокойтесь. Генерала видели?»

– «Нет»

– «И не слышали?»

– «Конечно, нет»

– «Ну, так увидите и услышите; да к тому же он даже у меня просит денег взаймы! *Avis au lecteur*». – Это я ввернул по-французски, «предупреждение», значит, чтоб он понял – я тоже... я учился... одним словом, сам не знаю, зачем ввернул, выставиться хотел перед князем! Сознаю подлость. Но это всё в маске, в маске...

Сказал «прощайте» и стал уходить. Что ж, думаю, так и расстанемся, что ли! Он всё смотрит ласково, но как будто уже и с насмешкой... Или мне показалось?

– «Разве можно жить с фамилией Фердыщенко? А?» – спрашиваю.

– «Отчего же нет?» – удивился князь.

Нашёл кого спрашивать. Он ведь не прикидывался, он в самом деле не понимал, ему всё было неважно – то, что нам, нормальным здоровым людям, важно, что составляет главную заботу, да что там – самую суть нашей жизни. Вот я Фердыщенко – а ему всё равно. Ничего не значит. Деньги есть? И он из кармана вынимает и отдаёт. Я тогда понял: это страшный человек, это опасный человек, и страшнее этого человека быть не может. Он всех нас погубит.

Сидит такая овца швейцарская, в штиблетишках, трубочку раскуривает, смотрит на тебя так... вот так смотрит... как на этом свете не смотрят! Тут запрещено ТАК смотреть! Я с ним пяти минут не пробыл, а ушёл весь в поту, хорошо, генерал Иволгин выручил – припёрся, так я и смылся с форсом – вот, дескать, предупредил тебя, князь, стало быть, не зря визит. Визитик мой. Между прочим, визит вежливости, от жильца жильцу, если без княжеских штучек. Раз ты жилец, то на одной ноге со мной, а я не обязан знать, кто ты такой. Он мне даже и не представился!

У себя я тогда заперся и выходить не хотел. Слышу – галдят, орут... Это каждый Божий день такие сцены были, но тут что-то меня стукнуло... Слышу – голосов что-то больно много. Я и сунулся в гостиную, а там... Настасья Филипповна.

Я и не слышал, как она приехала. У нас колокольчик тогда оборвался, а починить было некому – у нас ведь все генералы жили да Наполеоны... липовые. Хаос неприличнейший. Совсем невозможно было Настасье Филипповне приезжать в эту квартиру, нищую квартиру подлеца Ганьки Иволгина, которого ей генерал Епанчин присватал. За семьдесят пять тысяч. Хотел приданое дать, чтоб подлец Ганька женился, а потом свою жену... ему, генералу, и передал. Такую выдумал комбинацию, и верил, что все по его генеральской прихоти выйдет, как всегда все и выходило.

А тут не вышло. Съел гриб генерал! Как она над ним посмеялась! И над всеми... Смотрит по сторонам – вы что, говорит, жильцов пускаете? Где ж тут еще и жильцов держать? Хохотала. Генерал наш, Ардалион, во всей красе

ввалился, и князь тут же путается и во всё мешается, словно он уже родственник. И как-то они сразу поглядели друг на друга странно. Князь и Настасья Филипповна. Первый раз встретились.

Он мимо прихожей шёл и услышал оборванный колокольчик. Отпер дверь – а там она. Приняла его за лакея, шубу на руки скинула! Я ей потом шепнул, что – это князь, идиот, из Швейцарии... Она удивилась: что ж князь не признался, смолчал, что он не лакей, а я-то уж ничему после той двадцатипятирублёвой бумажки не удивлялся. Это нормальный человек обижается, если его за лакея примут, в спор вступит, покраснеет, закричит... я вам не лакей! А этому – какая разница? Приняли за лакея – так что же? Отчего же нет? Он вообще не чувствовал унижения, как будто его невозможно унижить. Ничем.

Понять этого нельзя, но это было так. Я-то всю жизнь страдал от унижений и маску надел как броню, чтоб самому себя унижать и не дожидаться, когда другие это сделают, потому что желающих тьма тьмушая. Всегда. Которые в каретах разъезжают, тем не понять... Но их тоже можно унижить, пусть не воображают, найдётся вышестоящее лицо, да и над тем лицом сыщется другое вышестоящее... всё выше и выше, и выше... и над самым-самым вышестоящим из вышестоящих всё равно стоит – Судьба. А не судьба, так Смерть-матушка! О, найдётся кому ткнуть твоё гордое лицо в дерьмо, в самую жижу...

Но это наши законы. А ему они были не писаны. Он и не понимал, что быть принятым за лакея – унижительно, обидно! Он даже не понимал, что быть лакеем – обидно. Он с лакеями разговаривал так же учтиво и вежливо, как с нашими генералами. Чёртов демократ! И он совершенно

не верил в судьбу! И не боялся смерти – нисколько... Он эту сволочь Парфёна Рогожина, который на него с ножом бросался, считал братом...

Да что там вилять, скажу начистоту: в него все влюблялись с первого взгляда, с первого слова. Посмотрит в глаза – и всё кончено, душа вздрогнула и запела, точно птица на рассвете, когда солнце показалось и зазвучало на небе... Генерал Епанчин, тупая говядина, колода корявая, отпетый карьерист, дубина, жулик, аферист и взяточник – и тот попался! В глаза князю посмотрел – и был сражён навеки, и другом стал в ту же минуту, и должность предложил, деньги стал пихать в карман, к жене и дочкам повёл... Да что там, когда даже я вздрогнул! Вздрогнул, но не влюбился. Нет, не влюбился. Испугался я его, вот это точно... Дрожь меня пробирала его слушать...

Выпивает стопочку.

Я помню, тогда, у Иволгиных, Настасья Филипповна спрашивает нашу Мышку: «Скажите, почему же вы не разуверили меня давеча, когда я так ужасно... в вас ошиблась?»

Тот бормочет, дескать, удивился, увидя вас так вдруг.

– «А как вы узнали, что это я? Где вы меня видели прежде? Что это, в самом деле, я как будто его где-то видела? И позвольте вас спросить, почему вы давеча остолбенели на месте? Что во мне такого остолбняющего?»

Я так и взвился – «Ну же, ну! Да ну же! О, господи, каких бы я вещей на такой вопрос насказал! Да ну же... Пентюх же ты, князь, после этого!»

Я дрожал весь внутри, но я же был в маске, в маске, а в маске всё возможно, ведь знают меня как человека

развязного, может быть, даже и немножко хама, может, и не очень-то немножко, но это и прекрасно. Для живости в обществе так и надо! А что они стоят столбами и друг на друга смотрят, как привидения! Где они могли видеться раньше, понятно – на том свете где-нибудь. Или в прошлой жизни, как индусы говорят, где-нибудь в цепи перерождений, когда я валялся свиньёй или рыскал жуком по навозу... Он был, например, её рыцарь бедный и верный, господний паладин, а она какая-нибудь дама из свиты Девы Марии. Они давно были знакомы, я никогда в том и не сомневался...

Князь посмотрел на меня – посмотрел, в глаза мне глянул! – засмеялся. «Да и я бы насказал на вашем месте...» И к ней, к ней повернулся. «Давеча меня ваш портрет поразила очень, потом я с Епанчинными про вас говорил... а рано утром, ещё до въезда в Петербург, на железной дороге, рассказывал мне много про вас Парфён Рогожин. И в ту самую минуту, как я вам дверь отворил, я о вас тоже думал, а тут вдруг и вы».

- «А как же вы меня узнали, что это я?»
- «По портрету и...»
- «И ещё?»
- «И ещё потому, что такую вас именно и воображал... Я вас тоже будто видел где-то...»
- «Где? Где?»
- «Я ваши глаза точно где-то видел... да этого быть не может! Это я так... Я здесь никогда и не был. Может быть, во сне...»

Ай да князь! Я заорал, чтоб сбить всю эту мистику, а то напустили туману... «Ай да князь! Впрочем... впрочем, ведь это он всё от невинности»... добавил я как бы

с глубоким сожалением. Ловко выделанным сожалением, что вот, жалею я нашу Мышку, нашего больного, который от невинности так красиво и мило врёт. Как записной ловелас и совсем в рыцарском духе – видел Даму во сне, ах-ах.

На моих глазах приготовлялась трагедия, на моих глазах. Тут генерал Иволгин начал выступать с коронными своими номерами... Он был помешан на своём значении, на своей роли в истории... Обыкновенное дело. Где найдёшь такое ничтожество на Руси, чтоб себя Наполеоном не воображало? Разве что я. И уже по одному этому я – не ничтожество. Фердыщенко плут, Фердыщенко шут, но не пустота. Фердыщенко – это уже что-то!

И тут ввалилась эта сволочь. Рогожин. Какой гадиной было это купеческое отродье! Начнём с того, что он выглядел отвратней меня. Курчавый, плотный, нос толстый, глазки крошечные, весь как будто сальный какой-то. Ходил раскорякой. Одевался в тулупы, в сюртуки немыслимые! Я не знаю, мылся ли он вообще! Невежа. Ничего не знал, совсем ничего, не учился никогда, папаша его изверг, из раскольников был. Наживали мильёны и прятали под задницу свою чугунную. С этими деньжищами своими, из-под мёртвой папашинной задницы вынутыми, Рогожин и притащился – Настасью Филипповну покупать.

Целая шайка их ввалилась, в приличный дом, потому что Иволгины всё-таки были приличные люди из общества, хоть и падшие по обстоятельствам, но уж не чета Рогожину и его банде. Кричал – восемнадцать тысяч, сорок тысяч! И потом сто тысяч обещал дать. Так ему прихотилось, а спроси его, с чего он завёлся? Ведь он червяк, а она царица. Ему Катюку с Лиговки в самый раз, а не

Настасью Филипповну. Так ему охота показать, что всё на свете купить можно. Женщину, благородную женщину, прилюдно сторговать хотел. При всех. Ну, разве не червяк? Таких давить надо, вот так, ногой, чтоб кожа подлая лопнула и кишочки наружу полезли. Я бы раздавил! Но я был в маске, в маске... Я только смеялся и шумел со всеми.

И тогда ещё Ганька князю пощёчину дал, не специально, а так получилось – он на сестру замахнулся, а князь встал между ними: «Её не дам!» Стерпел пощёчину. Только прошептал «О, как вы будете стыдиться своего поступка!» Это Ганьке-подлецу. Я тогда понял, кто это... Кто к нам пожаловал... Кто это мог – пощёчину стерпеть, самому не ударить, промолчать и в глаза обидчику только поглядеть...

Ах вот ты кто... Не ждали. Теперь – не ждали... Да и никогда не ждали, по совести говоря...

И я к нему в апостолы-то и не пошёл! И никто не пошёл! Мы тут крепко, как репки, в земле, в матушке, сидим. Вам, ваше сиятельство – или как вас прикажете величать? – надо к нищим, к мытарям, к разбойникам, к публичным девкам, и к прочей всякой-разной падали, какую вы любите... или вот ещё извольте прогуляться к рыбакам, что на Мойке да на Фонтанке рыбку смердящую ловят. Петруша-пропойца да Андрюша-босьяк, да? Помните? Вот к ним пожалуйста! А вы забрались к генералам в бельэтажи, да к грязным купцам, что на мильёнах сидят, да к барам в шёлковом белье, да к подлецам-Ганькам, что спят и видят – наконец-то столько удалось им своровать и нажулить, что они круче царей Иудейских и полиция перед ними на цыпочках гарцует. Вот это все их

мечты! Вот они тут со всеми своими потрошками. И ныне, и присно, и во веки веков!

Никогда человек ничем другим не был и не будет никогда. На том стою. Повидал достаточно. Агент Фердыщенко, король испанский...

Зачем пожаловали? Столица наша приглянулась? Санкт-Петербург –дохлый батюшка, гниль да изморозь, туман да чахотка? И к чему вы здесь? Тут ваш враг извечный правит бал, а вы, извините, ваше сиятельство, ни к чему-с! Ни к селу-с, ни к городу-с! Говорю со словоерсами в шутку, ибо никогда сей унижительной манеры не держал-с!

И ничего из этого я ему не сказал... Портрет её тайком взял. Тот портрет, что она Гане прислала, тот, что князь у Епанчина видел, а Ганька потом домой притащил, к мамаше и сестре. Валялась в гостиной моя Настасья Филипповна позабытая, а я забрал, а никто и не спохватился. Вот он, и сейчас со мной, я его в рамку... Убили мою царицу, зарезали. Я когда узнал, тоже хотел... Потом отошло. Что уж тут... Да и кто я...

Выпивает стопочку.

Вечером того дня приглашён был к ней. Веселить общество, потому как господа сами по себе скучали и куксились, и развлекать себя без французских актрис и канкана не умели совершенно. Шампанское и канкан – тогда их гнилая кровь начинала немножко двигаться. Ну, ещё учтите известное напряжение: все вождедеют к Настасье Филипповне, даже старичок-учитель, так что ревность, злость и свирепые взоры. А я в сторонке, я в масочке – как без такого человека обойтись! Нужен, значит...

Она у Пяти Углов жила, квартира великолепнейшая, мебель, статуи – всё роскошным образом и без изъяну. Афанасий Иванович Тоцкий позаботился – он ведь её содержал. Обязан был, как развратитель девицы Барашковой. Он её деточкой взял, сироткой, в деревне у себя держал для утешки любовной, а потом, как подросла, возьми да заявись наша Настя Барашкова в Петербург. В первейшую красавицу надменную вдруг обратясь из обиженной сиротки – неизвестным образом, то есть как это одни женщины умеют... И жила тут открыто, гостей принимала самых разных. Она тоже как наша Мышка, наш князюшка, демократка была. Учителей каких-то бедненьких принимала, ростовщика Птицына, жениха Вари Иволгиной, крысы, – принимала, меня принимала... И притом ни с кем не путалась и никаких денег не брала. Точно, что они с князем из одной сумасшедшей вселенной были и глаза друг у дружки потому и помнили.

Князь в тот вечер к ней заявляется. Без приглашения, чего в свете не бывает! Да и в полусвете так не принято. Да что там, даже моя Марфуша на Сенной – и та бы дверь захлопнула, заявись к ней сдуру кто незваный. Генерал Епанчин тут, Тоцкий Афанасий Иванович тут, ну, Ганя, куда без него, барыньки, учительшки, старичок один приятный, лет под сто... И князь заваливается – но мы ему нужны как чёрту ладан, он ведь напрямик к ней, к ней, только её и видит... Ну, тут же у нас два демократа, двое сумасшедших с одной Луны свалившись, наконец сошлись! Он и она. Я бормочу, что князь в уплату за нахальство должен спеть модный романс, а сам дрожу. А сам дрожу – понимаю, сейчас начнётся... Тут бойкая одна барыня и брякнула – «Хорошо, говорит, в пети-жё какое-нибудь сыграть...»

Пети-жѐ, маленькая игра. Я только и ждал! У меня припасено было.

«Господа! Господа! Я знаю одно великолепнейшее и новое пети-жѐ, по крайней мере, такое, что однажды только и происходило на свете, да и то не удалось. Нас однажды компания собралась, ну и подпили, это правда, и вдруг кто-то сделал предложение, чтобы каждый из нас, не вставая из-за стола, рассказал что-нибудь про себя вслух, но такое, что сам он, по искренней совести, считает самым дурным из всех своих дурных поступков в продолжение всей своей жизни; но с тем, чтоб искренно, главное, чтоб было искренно, не лгать!»

Они зашевелились, эти господа, Афанасий Иванович хмыкнул – «Смешная мысль, а впрочем, понятная: хвастовство особого рода». Он фанфаронишка был, Тоцкий-то, пустая душа, но не глуп. А она – о, она одна поняла меня: Настасья Филипповна всё-таки. Царица мира... Хорошо, говорит, ужасно оригинально...

Повелела моя царица! Давайте ваши жребии, господа, барыни увольняются, но только увольняются; собственное вдохновение с признательностью допускается. Давайте ваши жребии, господа, сюда, ко мне, в шляпу, князь будет вынимать. Задача самая простая, самый дурной поступок из всей своей жизни рассказать, – это ужасно легко, господа! Вот вы увидите!

Первый жребий мне и выпал. Второй – Птицына, третий – генерала, четвёртый – Афанасия Ивановича, пятый – князя самого, шестой – Гане и так далее...

Я был в ударе. Я им говорю – «О Боже, какое несчастье! Более всего жалею в настоящую минуту, что я так ничтожен и ничем не замечателен, даже чин на мне самый

премаленький; ну, что в самом деле интересного, в том, что Фердыщенко сделал скверный поступок? Да и какой мой самый дурной поступок? Тут *embarras de richesse!* То есть затруднение от избытка...»

Царица моя рассердилась, она была так нервна, так раздражительна в последнее время – «Начинайте, Фердыщенко, вы ужасно много болтаете лишнего!»

– «Остроумия нет, Настасья Филипповна, оттого и болтаю лишнее!»

Я был в маске, но обратился прямо к князю и сказал главное. Я хотел ответа, жаждал ответа всеми изгибами своей душонки. Я для того всё и затеял...

– «Князь, позвольте вас спросить...»

Никто, кстати, не удивился, почему я именно князя, едва мне известного, об этом спрашиваю, он в одну минуту стал для всех лучший приятель и добрый знакомец. Точно мы две тысячи лет его знали – а мы не знали Его две тысячи лет, мы знали о Нём две тысячи лет, скажу между прочим...

– «Князь, позвольте вас спросить, как вы думаете, мне вот всё кажется, что на свете гораздо больше воров, чем неворов, и что нет даже такого самого честного человека, который бы хоть раз в жизни чего-нибудь не украл. Это моя мысль, из чего, впрочем, я вовсе не заключаю, что все сплошь одни воры, хотя, ей-богу, ужасно бы хотелось иногда и это заключить. Как же вы думаете?»

И вот тут Он пронзил меня, сразил наповал... Он покраснел. Он что-то вспомнил из своей жизни! Он тихо сказал – «Мне кажется, что вы говорите правду, но только очень преувеличиваете...»

Тогда я понял окончательно, что это – Он. Потому что если Господь воплощается в человека, в грязный смердя-

щий прах, то безгрешным абсолютно он быть... просто не имеет права. Иначе всё ложь и дьяволов водевиль. Если кто-то изображает безгрешного – это фарисей, лицемер, Тартюф, хитрая зверюга. Именем Бога прикрывает он своё мохнатое жадное туловище... Да, я на том стоял и стоять буду. А Мышка моя – покраснел... И вспоминая что-то, наверное, глупое, детское, потому что не в силах дитя чего-нибудь да не стащить, просто не зная ещё, как это дурно и грешно, Он, настоящий Он, и должен был покраснеть как ребёнок...

Хорошоохонько и прекрасненько, мой князюшка, пришёл к нам – терпи. Я рассказываю свою историю. Всё правда, и глупей не придумаешь. Просто и скверно. Самое скверное, что было в жизни, честное слово...

«Уверяю вас, что я не вор, украл же не знаю как. На даче у Семёна Ивановича Ищенко, в воскресенье. У него обедали гости. После обеда мужчины остались за вином. Мне вздумалось попросить Марию Сергеевну, дочку Ищенко, барышню, что-нибудь на фортепьяно сыграть. Прохожу через угловую комнату, на рабочем столике у Марьи Ивановны три рубля лежат, зелёная бумажка: вынула, чтобы выдать для чего-то по хозяйству. В комнате никошошеньки. Я взял бумажку и положил в карман, для чего – не знаю. Что на меня нашло – не понимаю. Только я поскорей воротился и сел за стол. Я всё сидел и ждал, в довольно сильном волнении, болтал без умолку, анекдоты рассказывал, смеялся; подсел потом к барыням. Через полчаса примерно хватились и стали спрашивать у служанок. Дарью-служанку заподозрили. Я выказал необыкновенное любопытство и участие и помню даже, когда Дарья совсем потерялась, стал убеждать её, чтоб она повинилась,

головой ручаясь за доброту Марьи Ивановны, и это вслух и при всех. Все глядели, а я необыкновенное удовольствие ощущал именно оттого, что я проповедую, а бумажка-то у меня в кармане лежит.

Эти три целковых я в тот же вечер пропил в ресторане. Вошёл и спросил бутылку лафиту; никогда до того я не спрашивал так одну бутылку, без ничего; захотелось поскорее истратить. Особенного угрызения совести я ни тогда, ни потом не чувствовал. Другой раз наверное не повторил бы; этому верьте или нет, как угодно, я не интересуюсь. Ну-с, и всё. Да, а служанку согнали на другой же день, разумеется. Это строгий был дом...»

Как я не умер там же, у неё в гостиной, прямо на полу, не знаю, как смог докончить, и ведь врал я всем вначале, что когда-то уже рассказывал эту историю – никогда никому не рассказывал, жил с ней, зубами скрипел и сердце своё поедом грыз – но никому... А им как Богу рассказал. Ей и ему. Они мои Боги были, перед ними я в прах-то и рассыпался. Они посмотрели с отвращением, как на грязь. Я совсем упал, навеки. Эти глаза – одни чёрные, другие светлые – глядели на меня сердито и брезгливо... Не поняли! Пропал Фердыщенко!

Я озлобился. «Мало ли что, – говорю, – мало ли что снаружи блестит и добродетелью хочет казаться, потому что своя карета есть... Мало ли кто свою карету имеет... И какими способами...»

Так она даже вздрогнула от гнева и убила глазами. Я похолодел... Всё было кончено.

Я ставил на честность, на исповедь без утайки. Ведь я сам, я сам этот поступок считаю самым скверным за всю жизнь и, стало быть, очиститься хочу, мелкую гадость рас-

сказываю, про три рубля! Боже мой. Три рубля! Генерал Епанчин взятки по три тысячи брал преспокойно... Тоцкий девочек развращал, подлец Ганька за рубль удавить был готов – а они меня за эту поганую бумажку глазами своими казнят, убивают...

А всё именно потому, что три рубля. Будь это три миллиона, они бы иначе глядели, да, иначе! Без уважения, конечно, дождёшься от этих сумасшедших уважения, но хотя бы с интересом. Вот ведь, думали, шут, а сколько смог украсть. Что-то в нём такое, значит, есть... Проглядели мы!

Замолчал я, казнённый и похороненный, и слушаю, как генерал и Тоцкий распинаются, вздор мелют, красуются перед нею под видом что про скверные поступки рассказывают. Врут. Надувают Фердыщенко! Я один, я один про себя правду рассказал, а они намолотили гороху... Генерал курлыкает, как он на мёртвую старуху накричал, а потом так стыдно стало, что пришлось богадельню открывать, Тоцкий про камелии какие-то... стыдно слушать, какая чепуха пошла из этих лживых барских ротиков, а она слушает, а она слушает! И князь. Она слушает, а смотрит только на него... И вдруг прямо так и спрашивает: «Князь, как вы думаете, выходить мне замуж иль нет? Как скажете, так и сделаю. За Гаврилу Ардалионовича Иволгина...»

Знал бы Ганька, кого днём по роже бил... Пощечина-то чем ему обернулась! Князь, конечно, помолчал для приличия, да и отвечает – «Н-нет... не выходите!»

Тут всё смешалось и вихрем понеслось – ввалился к нам сызнова господин хаос, Рогожин сволочь с бандитами своими, и сто тысяч с ним, в пачке. В газету завернуты. Дальше как во сне... Про меня забыли намертво. Как не было ничего.

Украл дурак три рубля... И не потому дурак, что украл, а потому, что не постыдился рассказать на людях... Вылез. Поверил! Думал, поймут, оценят, простят... А они сморщились брезгливо, да и вон меня из головы. Великую тайну мою освистали...

Наливает стопочку.

Я одного не понимаю – как он посмел тогда её замуж позвать? Князь-то наш Мышкин? Возьму, говорит, как есть, без ничего. Я вас люблю, Настасья Филипповна и за вас умру, Настасья Филипповна. Слова никому не позволю сказать про вас, Настасья Филипповна... Так и твердил, как пономарь: Настасья Филипповна, Настасья Филипповна... Умел душу вывернуть, ничего не скажешь, а тут ещё наследство кстати подвернулось – наша Мышка, оказывается, был богачом, письмо про свои наследственные мильёны с утра в кармане носил и никому не показывал... Это я понимаю. С таким человеком и должны происходить такие чудеса, человек небывалый и даже будто бы не человек вовсе... Но он же ненормальный был, он был больной мальчик, ему нельзя было жениться ни на ком, никогда! Он что думал – они за руки возьмутся и смотреть будут в глаза друг дружке цельными сутками, месяцами, крутой год? Он что с ней вообще делать собирался? С девочкой, которая с опытным развратником, с Тоцким, с шестнадцати лет хороводилась, с красавицей невозможной, психованной, полупомешанной, у которой в лице даже все нервы прыгали и дрожали, которая собой не владела, надрывами жила, сама себя искала, как потерянная, мучилась от любого слова, от всякого косого взгляда? Спаситель нашёлся! Себя спасай, спаситель...

Рогожин тут завыл зверем – «Отступись!» князю кричал. Да ничего не надо было кричать, царица моя сама всё поняла, на князя глядя... Не буду, говорит, младенцев губить, это Афанасию Ивановичу впору, это он младенцев любит... Где ему жениться, ему самому ещё няньку надо...

Нет, говорит, лучше простимся по-доброму. Рогожин, давай свою пачку! Смотри, Ганя! Брошу я её всю сейчас в камин, а ты полезай в огонь и тащи пачку из огня! Сто тысяч, подумай! А я полюбуюсь, как ты за моими деньгами в огонь полезешь. И мне командует – «Фердыщенко, поправьте огонь!» Точно я у неё теперь специалист по всяким денежным гадостям. «Руки не поднимаются», – говорю, и правду говорю, в тумане я был, ни руками, ни ногами своими не владел. Сто тысяч! И ведь бросила! И загорелось!

А Ганя проклятый стоит и улыбается. Как истукан. Что на него нашло-то, не понимаю! Я его бил, пинал – полезай, фанфаронишка, полезай, проклятый, сгорит! Всё сгорит!

Оттолкнул меня и к дверям пошёл, да не дошёл: хлоп в обморок! Грохнулся об пол. Это в него, значит, Наполеон Бонапарт вселился, в ту минуту, гордый-то полководец и деспот, не дал подлецу в огонь полезть за рогожинскими деньжищами.

Царица наша щипцами каминными тогда пачку выхватила, развернула – деньги были целы, хорошо их Рогожин обернул, в тройной газетный лист. Оставила Ганьке. Отдаю в собственность, говорит. Приказала!

И уехали все. Настасья Филипповна в Екатерингоф с Рогожиным, а князь за ними метнулся, не знаю, чего он хотел, зачем стал под ногами путаться...

А я запил. Первый раз в жизни, да... Признаю. Всю сцену тогда же в донесении точнёхонько описал, кроме пети

жѐ, ни к чему это, сдал как положено – и запил. В лихорадке был месяц...

Потом я её уже издали только видел. Не принимала. Разочаровалась она во мне, что ли. Не знаю. Погиб я за три рубля, можно сказать! И Марфу мою как назло тогда же и повязали...

А князь меня принимал – потом, в Павловске, в июне, на даче у Лебедева, под деревьями. Запутался он совершенно. Себя запутал и всех кругом погубил. Ведь сказано: не от мира сего твоѐ царство. Князь-христосик юродивый, иже еси на небеси? ну и еси на свои небеси... Как все злились на него! За Аглаей Епанчиной зачем-то стал ухаживать, а девице двадцать лет и приданое генерал давал огромное. Но ведь князю начихать было на приданое, он что-то себе воображал, бедный мальчик. Метался, всех разом спасти хотел. На небо к себе забрать. А мы его хотели забрать – к себе, на землю... И чтоб каждому по кусочку досталось. Чтоб он всё смотрел на нас и сожалел, и понимал, и говорил так ласково, как только он один и умел. Потому что ему жалко нас было. Даже генерала Иволгина. Даже Ганьку. Даже меня... Он в Швейцарии теперь, в клинике, с ума сошёл, когда Рогожин... когда Настасью Филипповну...

Ничего я не знал, в газетах прочёл. Не помню... Как-то выпал из головы целый год, наверное... Что-то я делал, где-то я был? Пил, что ли?

На меня как на кучку дерьма смотрели за три-то моих украденных рубля, а он её зарезал – и он у них герой трагедии. Рогожин. Дрянная мужицкая фамилия, и что в ней трагического? Жил как скотина и царицу мою зарезал как барашка. Настю Барашкову как барашка зарезал грязный

мужик Рогожин. Из подлой ревности самодурной. Князь её зарезанную-то увидел и с ума сошёл, которого у него и не было. Идиот. Шёл бы в монахи сразу...

Я зубы скалил на него, а знал в душе, что лучшего ничего не встречу, сколько ни проживу, а я долго проживу. Вот зачем-то я это знаю. Зачем я это знаю и зачем мне долго жить? Совсем незачем, а буду.

Выпивает стопочку.

Буду жить! Буду! Назло всем буду! Про меня шепчутся, при мне за карман держатся – пошли, поползли слушки, что я вор, с того самого проклятого пети-жё и поползли, а я масочку надел, и хожу весело, и насвистываю! Сколько же лет прошло?.. Я полицию оставил, сославшись на хроническое пьянство – не могу исполнять! Болтаю лишнее в зверином образе! Опять на службу поступил, меня Ганька-подлец к себе пристроил. У него своя контора теперь... Жиреет подлец, богатеет подлец, скоро скажут: «Вот идёт Иволгин, король Иудейский», как он мечтал сколько лет... А сколько лет прошло с тех пор – кажется, двадцать? Князь ещё жив, но молчит, иногда мычит только... ЫЫЫЫЫ... Так бывает, что без сознания люди ужасно подолгу живут... Аглая Епанчина писала про него – не мне, Коле Иволгину...

Я однажды князя одного застал, утром, роса на траве... Когда так тихо и чисто на Божьем свете и душа не болит, совсем не болит. Бывает. Лев Николаевич оказался один-одинёшенек, как-то рассосались все его вампиры, кровососы поганые, Лебедев и вся компания... Я спросил его про тот случай... Зачем я взял эти три рубля. Потому что это единственный случай, а те четыреста рублей, что

пропали в Павловске у Лебедева, так генерал Иволгин меня оклеветал перед всеми. Известно, что он сам и украл и от стыда умер... Я спросил князя, что он думает про ту, про настоящую мою историю, пусть за мошку и таракана меня считает, но чтоб сказал. Потому что я сам понять не могу...

«Что вы, Фердыщенко, такое говорите – я вас за таракана никогда не считал. Вы просто такую роль странную себе взяли, будто вы шут и нахал, а зачем взяли... Я думаю, вы себя плохо знаете и собой не владеете. Так бывает, и очень часто, у русских людей – совсем не владеют собой, и это при уме остром, при силах могучих в душе, и воспитание получили, и знания имеют, а вот... Возьмут и украдут, и сами не понимают, как такое случилось. Но ведь вы тогда не хвастать хотели, а муку принять, чтоб душа ваша поболела, да и зажила, правда, я угадал? Ну, и сделайте что-нибудь для души, побалуйте вашу птицу...» Вот что-то такое он говорил. Идиотское.

Я-то себя не знаю? Я собой не владею? Я себя знаю. Я украл, потому что большое удовольствие потом получил – не от лафита, плевал я на лафит, я на свои деньги ящик лафита мог купить... Я счастлив был, что совершил наконец поступок. Гадкий. Дрянной. Но поступок! Стал на минутку вором – но не шутком, не ничтожеством, не пустым местом, не сожителем Марфуши, торговли краденым, не доносчиком на жалованье. Чем-то стал. Фердыщенко – вор! Звучит...

Я вообще не знаю, чего мы стыдимся. Кто посмел нас, которых всех в землю закопают как падаль, которые никого не просили нас рожать, обременить стыдом! Знаю, что придёт такое время, что стыда не будет. Придёт на-

стоящий Фердыщенко, придёт не один, а миллионами рыл – рядами, полками, колоннами, и не будет ему конца! И будет Фердыщенко справедлив и милосерден, и разрешит всех от стыда несправедного! Фердыщенко, да приидет царствие твое! да будет воля твоя и ныне, и присно...

Осекается, спотыкается, падает, приходит в себя.

Пью и не закусываю. Сам с собой говорю... С ума бы не сойти. Завтра в контору... Что я сейчас говорил? А?
Надо и Настасье Филипповне стопочку налить...

Наливает стопочку, ставит перед портретом.

Нет, она при жизни водки не пила. А сейчас странности такие завелись... Я ей вечером водочки налью – а утром стаканчик-то пустой... Хе-хе... Стаканчик-то пустой...

Приходит, значит, ко мне... Теперь – не брезгует, ноздри-то не раздувает... Видит, кто её... кто верным-то оказался...

Удаляется, оборачивается в зал, смеётся.

Поняла теперь...

ДАРЮ ТЕБЕ ПЛАТОЧЕК

Действующие лица

Маша.

Маша (*неведомо кому*). Ты кто будешь? Писатель? О дела! Неужто книжки сам сочиняешь?

Чего ж мне не знать – не читать! Это мне теперь доля кабацкая досталась, и не переменишь ничего, а я грамоту знаю, у матушки попадьи Олимпиады Иосифовны выучилась. В родном селе, в Горюшках. Купи, добрый господин, водочки, всё и расскажу. Не годится женщинам водку пить? Да ну. А сам пьёшь. Раз тебе тепло – хорошо, так и другим тепло – хорошо, нет? Ты радости ищешь, и я радости ищу. А что я в кабаке, так неужто Господь меня в кабаке не разыщет? Разыщет. Я ему песенку тихонько спою прямо в ухо его мохнатое, он меня к себе и заберёт. Ему кто полюбится, он того сразу... Да, пою песенки, меня хозяин за то и держит.

Выпьешь со мной, не побрезгуешь? Я ничем дурным не хвораю, с кем попало не треплюсь. Я тут особенная. Про меня слава бежит, не слышал? А, слышал! Нарочно ко мне пришёл? Ах ты голубь мой, да какой ты беленький да чистенький, даром что бородатенький, а с лица прямо дитяtko непорченное. Чего ж я тебе, мил друг, не расскажу – всё тебе расскажу.

Я лучше Анны пою.

Спорить не буду – она мастерица. С детства как заголосила, так все и закивали, как сговорившись: Анна, Анна, Анна. Свадьба – Анна, похороны – Анна. Бабушка Ракушка, Ракитина Марья Петровна, хвасталась, что помнит сто сотен песен. А ведь и впрямь однажды зимой мы с девками считать стали, дак со счёту сбились. Она Анне всё передала, вроде как в наследство. Лучшей песеннице села Горюшки напела свои песни бабушка Ракушка, не сто сотен, а сотни две успела. Да под сотню Анна сама помнила – петь не перепеть. До смерти завывать может, и что деньжищ наживёт!

У нас в Горюшках песню уважают. У кого голос колокольцем звенит да память без дырок, гребни золото лопатой. В саму Самару могут позвать голосить. (Мы от Самары в тридцати верстах вверх по матушке по Волге.)

У нас что-то бабы всё поют, а мужики так, орут по праздникам. В Новодевичьем, в девяти верстах, дьякон отличался. Духовное пел. А наши любят про Стеньку про Разина, как он ходил-гулял да княжну персицкую утопил, душегуб окаянный. Всю ночь тешился, а потом дружки его подбили княжну за борт бросить, как ветошку какую, это подумать только – живого человека, царя персицкого дочку нежную, красавицу!

Андрюша Луков из Костромы добрую песню раз привёз. Моё сердечко стонет, как осенний лист дрожит. Извела меня кручина, подколотная змея, догорай, моя лучина – знаешь? Не знаешь? Муштинская песня, мужик поёт, не житьё ему без милой. Не, наши засмеяли, говорят, нечего про всяких-разных слабаков петь. А разве мужчина по своей милой уж и заплакать не может? У деда Михайлы

когда жёнка померла, он всю зиму чёрный ходил. Раз у тебя сердца нет, так ты, что ли, шибко сильный выходишь? Али, может, выходишь ты чурбан?

Чурбан, на котором дрова колют. Стоит себе, не колышется. А посмотреть кругом – так всё на белом свете колышется да трепещется. Ветерок дунет – на берёзке да на осинке листочки задрожат, по воде рябь побежит, песчинки закрутятся. Малая букашка полезет по травинке – та закачается! Как будто все друг дружку слушают и на всё отзываются, и птица любая поёт – и знает, что её слушают и радуются, дерево слушает, на котором она сидит, а на дереве – все-все веточки, и со всею живностью, червяк по листу ползёт, и он слушает. А у нас в душе почему не так? Разве Господь снаружи людей живёт?

У меня вот и внутри, как снаружи – всё трепещется. Скажешь мне ласковое слово – и сердечко прыгает, обругаешь – я неделю реветь буду, ей-богу. Я тогда с мая до жатвы каждый день плакала, перед сном. Это сколько дён выходит? Ни один не пропустила. Когда тогда? А ты не торопись, мил дружок.

Значит, всю жизнь слышу я, как-де Анна хорошо поёт. А чего хорошего?

Чем ей петь?

Родителей дом зажиточный, пятнадцати лет замуж выдали за Васю Курихина, живёт не тужит. Нынче-то ей уж за тридцать будет, а в девках красавица была. Трех родила, раздобрела маленько. Коровья задница, груди с полпуда будут, щёки – яблоки, одно загляденье. У нас таких любят. Ладно бы на свадьбах вопить – нет, она страдания взялась петь, а какие там страдания, что она знать-то знает про страдания?

Страдания! Страдания петь, так надо, чтоб тебе душу разодрали, а ты обратно склеила, да недоклеила. Вот тогда звук пойдёт с трещиной, с дребезгой, с такой завойкой, чтоб глиняных да деревянных прожгло, каменные сердца пробило.

Село наше большое, торговое, тридцать сотен христиан наберётся. Мы под крепостью-то не были. Народ вольный, озорной, поди его пройми бабскими причитаниями. «Ой, грусть-тоска, уехал милый». Грусть-тоска, хрусть доска. Они только в бороду ухмыльнутся – а что, взял да уехал, обычное дело, сама виновата, нечего уши разевать да враньё наше слушать. А так-то вообще любо, когда баба страдает. Вроде как был ты глиняный-деревянный, а стал золотой-серебряный, раз по тебе так убиваются красиво. Приедешь, дескать, милый, стукни в стену – а я выйду, тебя встрену, а нет тебя – сердце стонет, солнце меркнет, дождик землю прибивает. Чего дивиться, что наши мужики ходят к небу нос задравши.

Я страдания один раз всего и спела, когда дед Михайла Курихин, он Анне свёкор, пустил меня в общую избу на святках посидеть. Дай ему Господь долгих дней, сам велел – «спой, Маша». Он случаем слышал, как я пою. Не знаю, как я осмелилась! Как смогла! Охрипла сначала от страху, а потом в охотку пошло, разгорелось. Тихо в избе стало, перестали гадеть, смолкли и на меня смотрят.

У девок слёзки набежали, ох ты Матерь Пресвятая Богородица. А дед Михайла глядит так непонятно, вот будто я ему дочь родная и он за меня загордился.

Он мне потом и говорит – осенью, когда конец работам, сделаем большие посиделки в общей избе, ты приходи, выбирать будем лучшую песенницу.

Ты что, говорю, Михайла Михалыч, чего там выбирать, когда Анна твоя лучшая песенница который год на Горюшках. Правда, говорит, так ведь надо и другим попеть-покрасоваться, тёмно время провести, так ты, Маша, приходи. (Я Маша Туркина.) Большой души человек Михайла Михалыч, всё наше село к нему в душу помещается, всё-то он об людях думает, изба-то общая – его изба, на курихинской земле построена, правда, деньги миром собирали, но Михайла крупней других положил, все знают. Чего у нас друг про друга не знают? Чего скроешь?

Я вот и скрыла бы, да как струсилось со мной – в один день все в селе прознали.

Уж четыре года миновало.

Отец мой, Иван Иванович, плотник потомственный, знатный мастер, топором бьёт – как иголкой шьёт. Конька на крышу, медведика детишкам обладать, крыльцо починить, всё запросто, ни от какой работы не бегал. Раз позвал его родственник по мачехе (мать моя рано померла), ейный дядя, Ерофей Садовников, в Самару. Пристройка у него во дворе новая – резьбу хотел, по перилам, по окошкам, чтоб краше было. Знает – Иван Иванович мой непьющий и лишнего не запросит. Только сказал, девчонку свою Машку прихвачу. Да что не взять – бери, перин в доме завались. А у него, у Ерофея, ещё и другой дом с лавкой, к Волге поближе, там в лавке два сына сидят. Куда одному пузу-то два дома? Сам из простых.

В мае было, перед Николой Вешним. За три дня, что ли. Мне месяц как семнадцать стукнуло, уж отец давно мне жениха вроде как приглядывал, да только не торопился – я одна у него, им Господь с мачехой детей не дал. А я наших-то парней дичилась – что они всё «гыы» да

«гыы». Живи с таким озорником до гробовой доски. Чего в бабе смешного нашли, чего гыгыкать?

Приехали, хожу я по саду, всё у них как у нас, слива да вишенье, ничего сверх обыкновения нет.

Хорошо, бусы красные, любимые, догадалась надеть и рубашку шитую. А юбка будняя была, что в дороге, не успела переменить. В сундуке внизу лежала, а мне в сад охота! Я ж не знала.

Чего не знала – парень там ходит. Волос тёмный, вьётся прям в кольцо, глаз карий, и всё-то он улыбается, а на небе ни облачка и жарит, как в июле.

– Сударыня, – говорит.

Сударыня!

– Вы Иван Иваныча дочка будете?

Киваю, а голос нейдёт. Онемела.

– Первый раз у нас в Самаре?

– Почему это первый, – отвечаю. – Бывала.

Тоненький голос вылез, как вот кошку за хвост крутят.

– А я, – говорит, – вашему отцу тёзка буду, а Ерофею Матвейчу племянник. Вас как звать-величать?

Я думаю – что, Машей сказываться? А какая я ему Маша? Я Марья Ивановна Туркина. Так и назвалась.

Ему что – знай себе улыбается. Лицо чистое (а у Ерофея оба сына рябые). Ресницы как у девки длиннющие и загибаются, главное дело, будто завитые.

– Вы, – говорит, – Машенька, не стесняйтесь, я сам деревенский, из Отрадного села буду, вот к дяде на ученье приехал.

На ученье-то он приехал, а из лавки чуть не каждый день убегал. Тётка Матрёна, Ерофея супружница, ему потакала. Зато если Ваня наш за прилавком – выручка

в три раза поболее будет. Девки-прислужницы нарочно нужду в доме выдумывали, чтоб к Ванечке в лавочку лишний раз заглянуть.

Поговорили мы тогда и разошлись. А в одном доме живём.

Ты, что ли, голубь, таких историй не знаешь? Как молодец с молодой, в теплынь, под вишнёвым цветом, сходятся? В саду всё было, да. Тайком встречались, никто в доме и не заметил.

Ласковый был парень, ничего не скажу. Стишки знал чувствительные, обхождение понимал. Я думала, вернусь домой, он сватов пришлёт, всё честь по чести. Все ж свои, не чужую какую девку спортил.

А он накануне как нам уезжать с отцом, вызывает меня в сад да и говорит:

«Меня, Машенька, через неделю Ерофей Матвейч в Москву посылает, к родственнику, в большом магазине знаменитом мне место будет. Прости ты меня, милая моя, не судьба нам видеться с тобой. Ничего тут не поделаешь, прощай, Машенька, до свидания!»

Потом уже прознала, что в Москву его от позора отсылали, больно лих на девок оказался, и когда только успевал.

Денег мне сунул, десять рублей, небось, в лавке украл, а то где ему взять.

Я стою тогда столбом и денежку эту в кулаке держу, думаю, порвать её, что ли, али в лицо ему бросить...

И что надо говорить на такой случай? Адью, Ваня? Это я сейчас разъясню, к чему приплела.

У нас в Горюшках дед Василий живёт, нам родня дальняя. Он в солдатах был, с французом воевал, в их столицу

Паришь дошёл. И была у него любовь с французинкой паришьской Мари. Восемь десятков лет деду Василию – а помнит он ту Мари паришьскую и об сю пору вздыхает. Что ж, говорю, хороша была? Что, лучше наших волжских, да быть того не может. Коса у неё, что ли, длинше, круче бока, голос звончее?

Да нет, бает дед Василий. Волос у неё был тонкий, недлинный, сама невеличка, тощенькая, быстроногая, вёрткая такая. Голос журчавый, негромкий, и всё будто со смешком пополам. А глазами стрижёт, бреет и кровь отворяет!

– А по-каковски вы с ней разговоры-то разговаривали? – спрашиваю.

– Дак я пока воевал, маленько стал понимать, да и она немножко выучилась, смышлёная такая была. Сама-то портнишка, иголочница, платъишки шила, только всё больше перешивала, но гордая была – чисто королева. У нас только барыни чванятся, а в той стороне и торговки рыбные важничают, будто княгини какие.

Что ж, говорю, тут доброго?

Доброго, отвечает дед, ничего нет, да только занятно, что бабы – они там ля фам называются – себя держат, будто они леденцы на ярмарке. Ты им по-простому, мол, не желаете ли, а они на тебя посмотрят как приценятся, усмехнутся, плечиком дёрнут и дальше пошли улички паришьские подметать. Платъишки у них нежные, а что под платъишками, вот на чём люди сидят, то у них так и вертится, так ходуном и ходит! Видала, как рыбу сетью ловят али бабочек в сачок? Вот так этих ляфамочек поймать охота.

И не помню, чтоб моя Мари загрустила, слёзку пустила когда. Весёлая как птичка, и всё-то она работает, всё пор-

хает. И охорашиваться любила, пёрышки чистить. То платочек поменяет, то шляпку. И в зеркальце смотрит и сама себе улыбается. А ласкалась так, что во всю жизнь не забыть. Думал – любит она меня.

Прихожу к ней напоследок, так и так, уходит мой полк, с утра зайду попрощаться насовсем. Прими, не обессудь – и серёжки ей с голубыми камушками. Смеётся, серёжки мои нацепила, перед зеркалом повертелась – ой, ой, Ваня, она меня Ваней называла, говорит, мне со двора идти пора, моя маман маляд, болеет, значит. Утром приходи.

Утром захожу, она кофий пьёт. Чуть голову в мою сторону повернула. Адью, Ваня! Я-то думал, на прощанье любовь у нас будет, а она мне ручкой машет, и вся любовь.

Подумай, три месяца прожили равно как муж с женой. Адью, Ваня!

Наша-то баба выла бы целый день. Да какой там день, она бы за неделю перед разлукой уже выть начала, и через месяц опосля закончила. А у французинок такого не принято. Пришёл – хорошо, ушёл – ещё лучше.

Задело меня. Выходит, дуры мы дешёвые супротив тех ля фам.

– А что, спрашиваю, дед Василий, в той войне, я подзабыла, кто победил?

– Как это кто победил, одолели мы французов, – отвечает Василий.

– Может, потому и одолели, что бабы наши по своим мужикам выли? А не ручкой им делали – адью, Ваня?

Может, и так, отвечал мне дед Василий. Да и наверно так. А только надо всё ж таки себя помнить. Каку-никаку гордость соблюдать. Уважение тогда больше будет, ну и цена подымется.

Запомнила я тот разговор обидный, только зря меня дед учил.

Как сказал мне Ваня тогда – «До свиданья, Машенька», так внутри всё оборвалось и по тому обрыву сердце моё прямо в Волгу и покатилося.

Ревмя ревела, обнимала, в ногах у него валялась. Ох, стыд какой. Но никому из старших ничего не сказала, да только отец сам догадался. Домой вернулись, я топиться бегала, ей-богу – проследил меня батя. В бане запер. Не знаю, сколько я там просидела, да только раз поутру выбила я окошко и пешим ходом в Самару. Тридцать вёрст.

Чего говоришь? Что ж никто красну девицу не подвёз? Были подводы по дороге, забоялась я. Зачем пошла? Слушай, дружок, кто ж это сказать может, зачем я шла. Думала – увижу его. Думала – скажу ему. Я не в уме тогда была. Сами ноги несли.

Днём гроза собиралась, потемнело, а как я до Самары дошла, тут и хлынуло. Бегаю взад-вперёд по улице, где Садовников дом, нитки на мне сухой нет, и думаю: хорошо бы молоньёй сейчас прибило, смерть моя тогда без греха будет и всем родным облегченье.

А тётка Матрёна меня из окна заметила и в дом зашла, ну причитать. Уехал, говорит, вчера злодей, душу всю из нас вытряс, и что мы денег перевели девкам платить за позор. Ты, говорит, Машута, не реви, мы тебе жениха найдём грех венцом прикрыть, ты девица видная, Иван Иванович человек известный, Ерофей мужик добрый, приданое справим первый сорт. Что ж тут поделаешь, от сотворения мира такая история тянется, ходят эти кудрявые нам на погибель.

Я и не ревела. Закоченела я как-то. Приехал батя за мной, а я молчу всю дорогу. Так и промолчала с месяц, а потом...

А потом, голубь, Господь мне спасение послал. Стала я про себя петь тихонечко, и сердцу облегчение вышло. В огороде хожу – пою, на Волге на бережку сижу – пою. И главное дело, что я пою-то! Случилась у меня тайна великая, для меня великая, а так-то она маленькая тайна, мне по росту – вишь, я кроха какая. Никому я своей тайны не говорю, а внутри-то распирает, потому как не может эта моя тайна в тишине жить, никак не может. Одначе кому сказать?

Я тогда в селе не показывалась совсем, разве в церковь схожу – и домой. Кто я теперь, ни баба, ни девица. Будут за спиной гыгыкать, а без них тошно. Зашёл к нам раз по общим делам дед Михайла, я минутку улучила и шепчу ему – Михайла Михалыч, поговорить надоть. В сад его увела, в самый дальний угол, где мама покойная дубочек посадила, а он уж тень густую даёт, летом в той тени спать можно запросто. Сели мы с ним под тем дубочком.

– Михайла Михалыч, говорю, ты меня петь позвал на посиделки, а я вот не знаю, как тебе и сказать...

– Да скажи уж как-нибудь, – смеётся. – Али боишься? Не бойсь, никто тебя не обидит, подумаешь, беда какая. Хуже бывает, Машенька.

– Нет, тут не то, Михайла Михалыч. Я... песню придумала. Нашло на меня. Сама песню придумала.

– Какую такую песню?

– Страдания.

Он и говорит: а ну-ка напой.

Я духу набрала и начинаю. Обычно страдания длинные выходят, а у меня всего-то четыре куплета, да только больше не надо.

Мне казалось, он смеётся,
А он навек расстаётся.
Люди добрые, поверьте,
Расставание хуже смерти...

Я когда пела, глаза от страху зажмурила, а жуть как хочется лицо деда Михайлы увидеть, как он слушает мою песню... Мою!

Зачем было сердце вынуть,
Полюбить, потом покинуть.
О разлуке если бы знала,
Никогда б я не страдала.

Подсматриваю я, значит, за ним, и вижу – у Михайлы-то обычно глаза с прищуром, а тут раскрылись и блестят, вот будто он плакать собрался или уже отплакал.

А тут кто хочешь заплачет, у меня такой напев коварный. Я одно коленце с одних страданий взяла, другое – с других, а потом по-своему и вывернула. Первый и третий куплет поются одинаково, а второй и четвёртый – иначе, те с наскоком, а эти с оттяжкой.

А в прощальный наш денёчек
Я дарю тебе платочек.
На платочке – сини поймы,
Возьмёшь в руки – меня вспомни.

Я схитрила немножко. Подрубила жизнь под песню. Платочек-то был на самом деле, я, когда в доме у Ерофея жила, взяла с собой работу, платок разукрасить, красным по белому. Цветами.

А потом я этот платок на четыре части разрежала и по-другому вышила, чтоб вроде как для мужчины, носы-усы обтирать, вышло. Петушков пустила, уточек. И в уголках маленькие букочки «МТ» вывела, Маша Туркина, стало быть. Все четыре платочка я ему подарила, да только не в прощальный денёчек. Если б я про такую его подлость знала, так сраной тряпки бы не дала! Ну, а для песни другое нужно.

Петь надо про чистое, про хорошее. Ты вот мне сердце разбил, а я тебе платочек дарю на память. Я выхожу молодчина, да и ты через меня герой, такой, что в песню тебя не стыдно вставить. Мало ли, куда ты поехал! Может, служба такая. В песне про то не поётся.

До свиданья, милый скажет,
А на сердце камень ляжет.
До свиданья, до свиданья,
Не забудь ты моё страдание.

Спела и обмерла. Жду, как дед Михайла приговорит. Я-то цену своей песне знаю, а людей разве разберёшь.

А он непонятно как-то крякнул, головой покачал, и говорит:

- Эх, жизнь наша! Эх, Маша-Маша! Знала бы ты, как я свою жену-покойницу любил! Да. Жену любил, а была одна женщина в Самаре, на Никольской улице жила...

Совсем не то говорит, мне про песню надо, а он про жену! Что ж, говорю, песня-то моя, дед Михайла, как тебе песня?

Он уж наладился мне про свою зазнобу с Никольской улицы рассказывать. И даже будто не понимает, что я спрашиваю.

– Я сама придумала – и слова, и напев. Страдания мои – понравились тебе? – говорю.

– Сама придумала, да... не верится что-то, хотя я таких страданий не слышал, – отвечает. – Ты меня прости, Маша, я знаю, что ты меня обманывать не будешь, только я ещё не встречал человека, который вот – песню сочинил. Вроде знаю, что такие бывают, но во всю жизнь не видал, понимаешь? Песни – они будто сами собой приходят, как дожди. Будто их сама Волга сочиняет или трава, или тёмный лес, или дорога... Не дергай губками-то, верю, что твои это страдания, только ты когда пела – это будто не ты была, а незнамо кто. Меня, человека бывалого, дрожь пробрала! Ты знаешь что, ты в избе не сказывай, что сама придумала. Говори – слышала в Самаре, поверят.

Знаешь, мил человек, огорчилась я. Думала, похвалит, а совсем не то вышло. И как-то душа повернулась против этих посиделок в общей-то избе. Если уж дед Михайла не понял, так там и подавно не поймут. Одначе пошла...

Зачем пошла, голубь? Поплакать на миру захотелось, чтоб знали, чтоб пожалели, чтоб сердца ихнии наружу вылезли. Дак они и вылезли, чтоб их черти съели.

Я в ту пору как хмельная ходила – песни меня одолели. Я ещё три штуки придумала! Одну жалостную, две смешные. Про хорошую любовь, без обиды.

На окошке два цветочка,
Голубой да синенький,

Никто любви нашей не знает,
Только я да миленький.

Так и было поначалу-то у нас с Ваней, весело было, мы всё хохотали с ним.

Я тебе, мой дорогой,
Да подарю платок с каймой,
Платочек всем показывай,
Про любовь не сказывай!

Опять этот платочек, дался мне платочек. Не знаю, чего он сызнова в мою песню просунулся. Правда, этот платочек радостный, а тот грустный был. Так и выходит, что разные это платочки.

Три вечера мы тогда в избе просидели. Спервоначалу, все бабы, что с голосом, по одной песне напели, а дед Михайла и ещё трое мужичков выбирали тех, кто получше. Пятерых выбрали. Я в тот вечер не свою песню пела, а знакомую – «Летят утки и два гуся», и не во весь опор летела, а так, вполноги. А всё равно отобрали меня.

Второй вечер всякое пела, и свою спела, «На окошке два цветочка», народ смеялся, ногами подтопывал, в пляс просился.

Тут уж мы двое прошли дальше, я и Анна...

Что молчу, дружок? Дак вспоминать неохота. Я деда Михайлу не послушалась, призналась миру, что придумала сама песню-страдание. Как я спела? А так не поют. Что толку-то, всё равно Анну лучшей песенницей признали.

Я потом деда Михайлу спрашивала, как такое может быть. Я когда отпела, тишина стояла, и слышно было, как

у народа сердце тукает. Это разве бывает? Только один дурак потом в избе крикнул – «Это Машка об себе страдает!», и они загыгыкали...

Михайла Михальгч мне разъяснил – опешили люди, понимаешь. Они к другому привыкли. Так, знаешь, чтоб песенкой почесало немного в приятном месте. А ты душу рвёшь. Ты погоди, они обвыкнутся, залюбят тебя больше Анны.

Не стала я годить, голубь мой бородатенький! Что-то моркотно мне в селе моём сделалось, и в один прекрасный день ушла я в Самару, и уж чураться чужих подвод не стала, и села к мужикам в телегу, чего беречь сокровище-то, которого нету.

Вот сюда и прибилась. Тут, во втором дворе, в левом флигеле, комнатка моя, хочешь – заходи. Пою когда? Да каждый вечер пою, коли просят.

Я росла и расцветала
До семнадцати годов,
А семнадцати годов
Кружит девушку любовь.
Ой Самара-городок, беспокойная я,
Беспокойная я, успокой ты меня!

Слышал, что ли? Моя. Рублёвика, чай, не жалко за такую песню? Ох ты, миленький ты мой, пятишницу отвалил. Я ж теперь помадку себе куплю, конфеток шоколатных. Платочек? Платочка я себе, голубь, покупать не стану, не люблю я энтих платочков, пущай им девицы голову покрывают да бабы кутаются. А я теперь незнамо кто. Была я Маша Туркина, а стала волжской волной,

травкой расту и ветерком над всеми вами вею. Помру я скоро, так думаю.

Знал бы ты, как это хорошо. Да ничего ты не знаешь, писатель.

Отец? Папашка мой в прошлом году Богу душу отдал. Поплакала я немножко, как весть получила, денёк, наверно. Я уж реветь как прежде не умею. Вроде жалко, а только вся та жизнь для меня теперь как на другом берегу и в тумане не разглядишь её вовсе.

Ещё чего расскажу, дед-то Михайла, хрен старьёй, на другой день опосля того, как мы с бабами в общей избе перед ним выкомаривались, свататься ко мне припёрся.

Вот насмешил так насмешил!

«МАМОЧКА, РАПОРТУЮ!»

Кладбище. Старый, заброшенный уголок. Появляется Женщина, в поношенном плаще, с волосами, стянутыми аптечной резинкой, со стёртым, усталым лицом давно и безрадостно пьющего человека. Женщина толкает перед собой детскую коляску (лежачую), в поддоне которой разместились авоська с пустыми бутылками. Она подвозит коляску к одному из крестов и садится на ветхую скамеечку.

Ж е н щ и н а. Нашла я тебя все-таки, Татьяна Ивановна. Как это меня черти заморочили. Полтора часа хожу. *(Вынимает бутылку водки.)* Вчера вдруг стукнуло – пятнадцать лет. Ты, когда умирала – как раз Горбачев генсеком стал... Он тебе нравился, помнишь? Ты всё говорила – молодой, культурный, вежливый... жаль, что маленький. Ты говорила – вот не доверяю я маленьким мужчинам. Ну, как в воду и глядела. У тебя, мамочка, глаз – алмаз. Мамочка-а!!! *(Падает на могилку, плачет быстро, потом встает и оглядывается.)* Людей-то нет, люди не видали... Давай, мамочка, выпьем с тобой. А у Михал Сергеевича, знаешь, жена-то, Раиса, умерла. И деньги, и врачи навороченные, в Германии, ничего не помогло. Я думаю – так на черта туда лезть, наверх, когда один чёрт. Я стаканчика-то два взяла, налью тебе и себе, по старой памяти. Я помню, как ты мне

нальёшь, и строго так: Лариска! Знай меру! Ты женщина! Женщина... наказал Бог черепаху. *(Пьёт.)* Псковская, дешёвка, дрянь... да без разницы. Я, мамочка, всё пью. Но – только на свои. Только на свои. Я не побираюсь, как некоторые. Мы, конечно, люди простые, всё больше со шваброй, но пьём на свои. Если ты недовольна про памятник и про что ограду покрасить могла бы, то это не ко мне. Не ко мне. Мне красить не на что и цветы ещё сажать когда. Я в пяти местах сразу. Булочная, магазин мясной, общежитие плюс школа. Я пластом лежу, пластом. Зубы не вставить, ничего, а то бы отложила, на зубы, деньги бывают. У меня Катька твоя драгоценная вот что. Вот, полюбуйся, правнук твой Митя. Тебе привезла. Смотреть не на что. Задохлик куриный. Голос только наш, фамильный, как заорёт – в Киеве слышно. *(Как назло, ребёнок начинает пищать.)* О, начал, новое дело. *(Качает, напевает.)* Спи, мой ангел, спи, мой чиж, мать уехала в Париж. Бабку из меня сделали в сорок два года. Я сама ещё могу. Я, мамочка, вся в тебя – климакса нет и не предвидится. О силища! Помнишь, ты в пятьдесят с чем-то залетела? От сантехника? Он ещё двадцать рублей принёс, в бумажку завёрнутые, говорил – уважаю мать-природу, но не смею рисковать. А я тогда всё поняла, а ты стыдилась меня, как я Катьку потом. А чего мы всю жизнь стыдились, мамочка, ты не знаешь? А потом уж я так, без стыда... *(Встаёт.)* Ну, посмотри на меня, Татьяна Ивановна. Это я, твоя дочь Лариса. Узнаёшь? Нравится? Знаю, что не нравится. Да и не узнала бы ты меня. Мамочка, рапортую: из меня ничего не вышло! Я – дерьмо на палочке! Это у нас в детстве такое ругательство было. Про дерьмо на палочке. Я когда шваброй оруду, вспоминаю. Вот палочка, вот дерьмо. Ненавижу убор-

ку. Идиотское занятие. Как будто в этом дело. Как будто вымыл полы – и жизнь хороша. Мам... что мне делать, а? Я просвета не вижу. *(Ребенок запищал.)* Тихо, крысёнок, лежи тихо. На бутылочки на твои пока хватит, а там уж – не знаю. Катьку еле подняла... Гуляет Катька. С такими ходит... если вот мне скажут, что они человека сварили и съели – я, знаешь, не удивлюсь, нет. С ребёночком я сижу, а когда на работу – соседку прошу, Валентину Михайловну, помнишь? Мы же всё там же и живём, на Лахтинской улице, двадцать два метра, там, всё там... А Валя всех скоронила, представляешь, обеих девочек... то есть им под пятьдесят было. Замуж не вышли, как-то не тянули они к себе мужиков, ну никак. Не то что мы, да, мамочка? Ну вот, Валя тоже болеет, но она ещё о-го-го. Я вообще как посмотрю – которые бабульки по девяносто, по восемьдесят пять отмахали – они живут и живут, и крепкие такие, и маразма никакого. Это они ещё при царе родились, тогда представляешь какая была силища в природе. Ни заводов этих дурных, ни станций атомных. Вот они и живут, всё пережили. А мы все, которым вот пятьдесят там, сорок – мы чистая дохлятина. Отравлены мы. Так что я, мама, сама скоро к тебе... Ну, Валя в двух комнатах одна, и я, конечно, так прямо не говорю... но помогаю, помогаю, когда есть чем. Она говорит: мама, твоя Катька поселится и погубит жилплощадь. А я что, Валя говорит, ты, Лара, бросай пить. Говорит, Катька твоя не сегодня-завтра сядет, ты её выпишывай и внука себе забирай и пусть как хочет. Тогда – Валя говорит – тебе завещаю всю жилплощадь, по закону имею право. Да, вот новые новости, Валентина Михайловна, с чего это Катька сядет, что вы говорите... а может, мамочка, так и будет. Чёрт его знает, с кем она, на что живёт...

Смеётся. Пей, говорит, мамаша, не вникай. Я тебе не мешаю, и ты мне, говорит, не мешай. Я на тебя зла не держу, от тебя, говорит, ни вреда, ни пользы не было, ты, говорит, спьяну добрая, а трезвой я тебя раза два видела в жизни. И это вранье, мама, как это, я работаю, я всё по дому, всегда... Пришла с животом уже, лежала три месяца и молчит. Только плачет. Один раз, ночью, стала кричать – я, мама, такое видела, я человека убила, я в аду была и чертей кормила. Ничего не понять. Я её обняла, что ты, доченька, давай вместе жить, куда ты ходишь, не ходи, на хлеб заработаем, я тебя в магазин могу пристроить. Нет, говорит, мама, я из такой жизни выпала и мне уже не попасть. Мама, золотая мама, что мы говорим. Мама, ты хотела такой вещи, я помню, – я хочу сказать, ты думала, я к жизни хорошей прибьюсь. Я, мамочка, болею, слаба я на хорошую жизнь. Вот, а чем тоже плохая у меня жизнь – работаю, сама свой хлеб работаю, да. Ты говорила: какой город, какой красивый город, надо красиво жить в нем. Гуляла со мной, я помню. Архитектор Воронихин, да. Архитектура в порядке, да. Мамочка, мы-то не подходим к ихней архитектуре, мы-то – мусор, если нас всех убрать – этот город только обрадуется. Я там мела, мыла, в архитектуре. Пристроилась один раз, на Стрелке, где Биржа, в Военно-морском музее унитазы чистила, зимой лёд колола, всё путем. И – чувствую, не могу. Прихожу к этим ступеням, к этим колоннам, а они на меня глядят, вот... как на вошь. Я хотела, знаешь, так ласково, я вот к вам, чтоб чистенько, а крутом такое молчание и презрение – ты дрянь, ты пьяница, ты и мыть-то не умеешь, ничего не умеешь, дерьмо пролетарское, вообразили, вши, что они хозяйева, всякий труд у нас почетен. Ха-ха. Ходите теперь в своем дерьме, как вам и полагается, теперь-

то вы на месте, которое вам положено. И так мне всегда тошно было, мамочка, ездить на эту стрелку, таким я себя насекомым считала, что запила, выгнали... у нас ведь все пьют, кто убирается, не знаю, чего так. В других странах, говорят, всё иначе – работа как работа, а у нас обязательно... трезвый дворник – кто его видел. А что унижительно – чистоту наводить, ничего, хорошее дело, всегда нужно, а никак не получается, почему так, мама, что мы будто на самом низу и хуже нас нет. Кто сказал? Никто не говорил. Мы сами, что ли, такие больные, я не знаю, мам. Я никогда не говорю, кем работаю, если не знают. «В коммунальном хозяйстве», – говорю. Стыдно, что уборщица. Да почему, мам, что такого стыдного, а? Ну, я небольшой человек. Злоупотребляю, бывает. Ну, и что, я же тут живу, я вообще... избиратель, имею дочь, работаю, я не ворую, как некоторые – уж видела, уж мыла в магазинах, да! Бесстыжие там твари, а не люди, есть, конечно, люди, но мало, я добрый человек, да, добрый, и нищим всегда подаю, любим, пусть они и жулики, а мне чего – моё дело дать в протянутую руку, а там куда они денут – их грех, их ответ. Знаешь, мам, я тебе расскажу – я лечиться ходила. От алкоголя. Прочитала объявление – пошла. Накопила семьсот рублей. Мне сказали по телефону, что семьсот, я три месяца копила. Медицинский центр, называется. Копила, да, не ворую, где я возьму. Я бы и воровала, да ты меня замучила со своей совестью, всё учила – нельзя, нельзя, я и не могу, не идет. Всё тебя вижу, как ты очки на нос, и книжку читаешь мне. Прихожу – к врачу сидит очередь, небольшая, человек пять, и всё мамаша со своими сыновьями синенькими. Тем уже под сорок, джинсы застиранные и в глазах туман. Женщин-алкоголиц нету, женщинам стыдно, и некому с ними

ходить лечиться – мужиков-то жёны и мамыши волокут сдаваться, а нас вести некому, нужны мы тоже, вши, мусор. Зашла к врачу, он приятный, любезный, за деньги все любезные, как да что. Ну что размазывать – пью. Он говорит – я бы вам посоветовал вот такой метод, и назвал, не помню, какая-то лакация. Не пить пять дней, и к ним. Не пила, мама! Прихожу, опять очередь, уже на лакацию. Заходят мужики, сидят там с полчаса, выходят – и вид у них такой, мама, знаешь... дымчатый. Захожу сама, и так мне страшно, хуже, чем на аборт первый было. Они – да, так-так, ложитесь на кушетку, и что-то один из них, усатый, росту огромного, мне начинает говорить. Я – проваливаюсь, они мне ещё вкололи что-то. Понимаю – наркоз, гипноз, что-то в голову вбивают. Очнулась, а эти врачи-убийцы и говорят – а теперь, Лариса Ивановна, попробуйте капельку водки, чтоб запомнить свою реакцию. Я пробую... и, мама, умираю. Остановка сердца. Нет дыхания, рот пялю, как рыба. Они сами испугались, забегали, массируют мне сердце, кричат – Дыши! Дыши! А я – не дышу. Они же мне ввели в голову: пить нельзя. А я наполовину ничего не делаю, нельзя – так я и помираю. Еле-еле откачали, смотрят с тревогой: какая-то у вас, говорят, сильная реакция. Врут. У всех что-то вроде этого – недаром выходили такие люди дымчатые. Но меня никто не предупредил, что такое будет, я же взяла кота в мешке, чуть не сдохла, мама, это разве законно? Я даже хотела в суд подать на моральный ущерб, как в кино видела, в американском, конечно. Не стала – на суде-то надо всё рассказывать, что пришла лечиться от алкоголизма, а мне, знаешь, ну как-то неловко, ещё в газеты попадет, ославлюсь совсем, я вообще больше тайком пью, чтоб никто не видел. Ну, мам, на полгода я делала это

колдовство, и полгода длилось мучение. Протрезвела я, и что? Увидела рожу свою, как есть, комнату свою, из которой выхода не предвидится, дочь свою увидела, шалаву, дуру, грязюку двадцать четыре часа в сутки убирать – и без наркоза, ублюдков кругом, и город, город! Красивый, правда, мама, и без всякой жалости, без всякой милости к человеку – пропадай, как знаешь! Водочки-то нет больше, не выпить мне с тобой, мама. Да, через полгода запила я обратно, да ещё пуще. Заболею я скоро, и плохо, мам, заболею – и никому не будет дела до меня, и буду я от одного врача с глазами стеклянными к другому ходить. И никто за меня даже свечки не поставит, никто за здравие не запишет – буду валяться на койке в больничке, в палате на двадцать человек, в углу, и судна не допрошусь. Что я, таких, которые уже в сорок пять старухи, не видела? Видела, мамочка. И я из них. Мамочка, ты помоги мне оттуда, сделай что-нибудь, иначе хана мне. Я ведь верю, там что-то есть. Верю. Только в милость Божью не верю – некогда ему, много уж нас очень развелось, не хватает заботы на всех. А свои, сродственные, которые раньше померли – они на самом деле похлопотать могут. Помоги, мама! (*Ребёнок опять запищал.*) Ради него – помоги. Ведь – глухо, ведь никто, ведь одна я, мам, одна я, одна... О, пищит. На памперсы-то денег нет, в марле лежит, описался, котенок милый. Ну, я пошла мам. Ну, ты меня поняла, правда? Я надеюсь, мамочка, Танечка, дорогая, я за тебя всегда молюсь, ты знаешь, мам, ну, мы договорились, хорошо? Ну, так я надеюсь, ладно? Слушай (*уходя*), а эта Алевтина Кизилова, что рядом с тобой – у неё вообще, что ли, никого нет? Совсем всю ободрали могилку, вот тоже судьба, а у тебя, мамочка, любимая доченька есть, Лариска твоя, ты, мамочка, счастливая...

ЧТО-НИБУДЬ НОВЕНЬКОЕ

Вначале автор требует темноты и тишины. В этой глубокой и чем-то чреватой темноте и тишине звонит, тонко, но важно, как первый тенор, первый телефон. За ним второй, побасистей, поувесистей. А за ним и третий. К ним присоединяются четвёртый, пятый – у каждого свой норов, свой голос. Ещё, ещё... А вот и радиотелефоны подтянулись со своей идиотически-жизнерадостной булькающей музыкой – тут и Бах, и Бетховен, и Моцарт, да тут целый оркестр из телефонов, вся планета гудит, звенит, спешит на свидание! «Это я, я, я, я!»... И опять тишина.

Номер в провинциальной гостинице. Утро. Здесь мы видим женщину средних лет. На полу валяется раскрытый чемодан, а на столике стоит старый, выдавший виды телефон.

Ж е н щ и н а (разбирая чемодан). Господи. Зачем я столько платьев притащила. Куда это, не понимаю. Правда, я в такой лихорадке была, покидала всё подряд в чемодан – и бегом на поезд. (Смеется.) Да, девушка, весёлую жизнь ты себе испекла! Это в тридцать семь лет – бегом на поезд! А куда же он мчит нас, этот поезд, где пассажиры кушают картошечку, а кому повезло, тот и варёную курочку... а одна пассажирка ничего не кушает, на вопросы не отвечает, а едет себе в город по имени Славск? А мчит нас поезд навстречу судьбе!

Сколько во мне до сих пор дури-то сидит. Когда ж я успокоюсь. (*Разглядывает телефон.*) Какой телефон противный. Это шестидесятых годов дизайн. Пластмасса «под слоновую кость». Из неё ещё ручки у ножей-вилок делали. На радиоприёмниках тоже... В старой квартире у меня был телефон – «под слоновую кость». И ничего хорошего по нему не звонило. Слоны – не помогли... А тут радио есть? Не работает. Господи, а вдруг телефон тоже не работает! (*Бросается, снимает трубку.*) Вроде гудит. Какое всё-таки убожество эта гостиница. Ну, впрочем, не всё ли равно.

Нет, не всё равно. Давит на меня убожество. Кажется, даже стены презирают меня, точно старые полинявшие тётки. И телефон похож на дряхлого злого пса. Словно говорят они мне: а, попалась птичка. Да. Птичка попалась. Птичка загремела под фанфары. (*Смеется.*) Ну и что? Какое ваше дело? Что вы тоску на меня нагоняете – дескать, видели мы, видели, видели-перевидели. Таких птичек вы ещё не видели! (*Кружится по номеру, напевая.*)

Надо же, надо же, надо ж такому случиться,
 Надо же, надо же, надо ж так было влюбиться.
 Надо бы, надо бы, надо бы остановиться,
 Но не могу, не могу, не могу, не могу...
 Не могу и не хочу...

Да, вот уж правда так правда – не могу и не хочу... Значит, в три часа. В три часа. Он сказал – позвоню в три часа. Я думаю, что вот, значит, если я как-нибудь сильно так нагрешу... хотя сильно разве у меня получится? Ну, допустим, вдруг получится. Я, значит, попаду в ад. Буду я в аду, вот в таком я буду аду: буду сидеть и ждать, когда он позвонит. Какой-нибудь он. Или именно этот он?

Наверное, я всегда любила одного и того же человека, только он менял имена и обличья. А потом исчезал... То есть я думала, что это он, а потом оказывалось – нет, совсем не он. Потому что он... настоящий, правильный он – он не мог бы меня так предавать. Нет. Никогда. Нет. Я верю в это – или всё трин-трава. А человек не имеет права думать, что всё трин-трава, иначе у него душа покрывается мхом, а глаза зарастают болотной тиной, тяжёлой, угрюмой тиной... нет, есть и весельчаки в этом роде... дзинь-ля-ля, трин-трава... Ошибки быть не может. Это он. Наконец-то – он. Увидела и поняла. «Вспомнила тебя душа моя!» Кто это сказал? Кто из мудрецов земли? Они всегда предупреждали нас, этот мир – что-то вроде зоны, исправительно-трудового лагеря для заблудших душ. Но я, наверное, исправилась. Я нашла его. Я сразу подумала: он. А он подумал: она. В одно мгновение.

Женщины любят перебирать свои воспоминания, точно драгоценности. Или безделушки. Я и умирать буду – прикажу подать мне это моё воспоминание. Как мы стояли среди пьяных бездельников, и говорить даже не могли. Нет, конечно, мы что-то говорили, но по-настоящему мы говорили не о том, о чём говорили. Настоящий наш разговор был такой: «Это ты, что ли?» – «Да, это я». – «Господи, что теперь делать!» Смешно, я ведь не хотела идти, я ж не ходок по всем этим презентациям. Ленка уговорила. Такая, значит, компания, такие мужики, ты что, на себе крест поставила, самый возраст... Ленка, Ленка ты моя неугомонная, есть же на свете люди – лёгкие, как снежинки. Хорошо им, наверное, и с ними хорошо. Ленка, по гроб жизни тебе обязана.

В три часа, в три часа, в три часа. А сейчас – десять. Это, значит – пять часов еще. Накраситься, одеться – на всё про всё полтора часа за глаза и за уши. Пять часов! Я свихнусь, точно. Как в девяносто третьем году. Нет, девяносто третий надо забыть, совсем забыть, никогда не вспоминать. Сколько я тогда курила, ужас. Почернела вся. И зачем так распадаться, не понимаю! Кому нужна обезумевшая баба, которая на всех орет от воспалённых нервов, вечно в дыму, в чаду... А как бы оно было чудесно: вот влюбился сдуру, и – воспарил. У Шварца, в пьесе «Обыкновенное чудо» волшебник утверждает: «влюбляться полезно». Значит, начинаешь бегать по утрам, пить морковный сок, учить немецкий язык... само-усовершенствуешься! Ага. Полезно. Счас. Одна и та же петрушка: рыдания, стоны, «я не могу без него жить!», носишься по квартире, надоедаешь всем друзьям, пьёшь, разумеется, никакой не морковный сок... как же мне это все надоело-то... Нет, больше этого не будет. Вот же я два часа на ногах – и ни одной сигареты. Никакого распада! Глаза на восток! Там заря новой жизни!

В три часа. Так. Надо чем-то заняться. Так. Что же мне надеть? Вопрос серьёзен. Вопрос страшен, вопрос грозен.

Может, серое платье? *(Надевает серое платье.)* Строго, прилично. Интеллигентная дама в поисках счастья, но без претензий. «Как здоровье ваших родителей?»... «Где вы отдыхали в прошлом году?»... «О, я понимаю...» И тут скромный нежный смех *(Смеётся.)* Что-то не очень скромный получается. *(Смеётся.)* Разве так попробовать... Нет. Серое платье невезучее. Серое я сделала в девяносто шестом, а в девяносто шестом... Так, девяносто шестой надо забыть, забыть и не вспоминать...

Тогда синее, да, лучше всего синее. Синее платье везучее. *(Надевает синее.)* Я в нём тогда, на презентации-то и была. Хотя, может, не стоит в одном платье всю дорогу выступать? Правда, мужчины обычно не очень-то обращают внимание на одежду. Только если уж что-нибудь выдающееся по безобразию. Чёрт их знает, на что они обращают внимание. Зло берёт иногда: да почему это я и душа моя бессмертная должны зависеть от чьего-то внимания? Пропади оно пропадом. Всё равно живешь-то внутри себя, сам с собой. Главным образом. Не обращают внимания – и на здоровье. Конечно, мне грех жаловаться. Помню, мне один старичок смешно сказал: «Вы – забываемая женщина!» Правда, это десять лет назад было.

Значит, синее. Романтично, завлекающе. «Я, право, не ожидала...» «Пожалуй, мне хочется моря. Моря – и тишины»... «Разве... разве это возможно?» – и опустить глаза. В глазах должен быть тайный жар. Явный жар может оттолкнуть. А если... взять да и рискнуть, а? Взять да и надеть – красное! Красное-прекрасное. *(Надевает красное.)* Да, это сильно. Сильно и тревожно. Будто вызов или призыв. Вот она я! Бери меня насовсем и навсегда! Хочешь такую? «Ты сам знаешь, почему»... «Я не умею ждать!»... «Да, да, да, чёрт возьми, да!!!»

Да, а он возьмет и перепугается. Подумает, блядь какая-то навязалась. Подумает, хлопот с нею не оберёшься. Тоже, подумает, пожар в сумасшедшем доме эта дамочка. На пенсию скоро, а она в поезда прыгает. Лягушка-путешественница. Нет, только не красное. Потом разве. Сейчас нельзя. Нет, синее, синее, решительно – синее. Один раз повезло – может, опять вывезет. *(Переодевается в синее.)* И к нему платочек, синенький скромный

платочек. Падал с опущенных плеч. Ты говорила, что не забудешь... Жуть, какой противный телефон. Господи, работает он? (*Бросается к телефону.*) Гудит.

Совершенно не понимаю, что такое телефон. И как они так все устроены... какие-то провода, мембраны, порошки... набираешь цифры, и вдруг – голос. Ничего не понимаю! И про электричество я ничего не понимаю. Что такое за зверь это электричество. И почему машины едут, и самолёты летают, ничего... совсем ничего... мне уж и объясняли, и сама училась кой-чему... и всё мимо, мимо... Живу в мире, который абсолютно не понимаю. Да что там мир! Вот у меня там внутри есть сердце, печень, желудок... туча всякой всячины... я разве понимаю, что это такое и как оно работает? А ведь это – я. Это – моё устройство. А душа? Где она живёт? В каком месте? Как выглядит? Откуда взялась? Куда потом денется?

Господи, прости меня, я маленькая глупая женщина. Ничего не знаю и ничего не понимаю.

Я понимаю только, что сейчас без пятнадцати одиннадцать, и я до трёх часов сойду с ума. Зачем столько мучений, кто бы мне объяснил. Ну, в чём я виновата? Чего я такого преступного, запретного, невероятного хочу? Хорошо, я влюбилась. Ну и это преступление, что ли? Кому я мешаю? Прогрессивному человечеству? Да ему нет до меня никакого дела. А мне до него. Я просто женщина. Обыкновенная. Влюблённая. Нужно это кому-нибудь, наконец!

Так сидеть и себя заводить – это точно, до санитаров дело дойдет. Сочиним пока макияж. О-хо-хо. (*Достаёт косметичку.*) Честно скажем, мы оттягивали этот момент. Мы не очень готовы туда смотреть. Мы смелые

люди, но наш бронепоезд так давно на запасном пути... Ну, вот и ты, моё лицо.

Здравствуй, лицо.

Когда я хочу увидеть себя – я всегда почему-то вижу тебя. А кто ты? Разве ты – это я? Ты друг мне или посторонний чужак? Я всё знаю о тебе – а ты, что ты знаешь обо мне? Нет, конечно, знаешь... ну, так и знай про себя. Не выдавай меня никому. Не говори, сколько я плакала, от чего страдала, когда болела, что пила, что ела... будь моей крепостью, моим войском, сбереги меня, сохрани меня, спрячь... Все и всё на свете против нас с тобой, моё лицо. Что будет, если и ты предашь меня? (*Осторожно наносит краску.*) Я немного, немножечко... глаза поярче, цвет лица поздоровей... я знаю, я, наверное, замучила тебя. Я слишком много хочу от тебя, да? Я обижаю тебя недоверием? Жаль, что лица нельзя менять как платья. Иногда так хочется... что-нибудь новенькое... Ты сделаешь то, о чём я тебя попрошу? Пожалуйста, слушайся меня. Пропусти меня к нему, пропусти мой свет, мою радость, моё желание... ну, то, что ещё осталось от моего света. Потому что ты иной раз вот берёшь и так опускаешься... я, значит, стараюсь, болтаю, смеюсь, глядь – а в зеркале усталая пожилая женщина. Ты не делай этого сегодня. Ты сегодня мне помоги. Ты ведь – то, что видит он. Ты мой посол, мой министр иностранных дел, мой полномочный представитель в страшной стране – знаешь, как называется эта страна? «Жизнь другого человека». Ничего не знаю опасней, чем она...

Когда-то давно один умный человек мне сказал: «Понимаешь, мужчины в определенном возрасте боятся сильных чувств». Как это было, вспомнить точно, как это было. Он

задумался... но страха никакого не было в нём. «Я завтра уезжаю по делам, на месяц, в город Славск...» А я ему сразу: «Хочешь, я приеду к тебе?» И что-то прошло по его лицу, такая нервная, острая волна. Какое у него лицо... невыносимое. Столько гордости, страдания – в глазах. Наверное, его кто-то предал однажды, а он так и не смог этого забыть. И, по-моему, он не очень-то добр. Нервному человеку трудно быть добрым. Умом-то всё понимаешь, а вот выползет кто-нибудь утром в кухню, когда ты пытаешься свою личность собрать из ночных осколков – и задушил бы голыми руками, это близких-то, заветных, любимых, за которых жизнь отдашь... а он очень нервный. А при этом такой весёлый, смешной... и темперамент явно имеется. Интересно, а если... кто его знает, на что мы решимся... может быть... нет, ну, нет, не здесь, только не здесь. Жалкий, облезлый номер. Таракан вон ползёт. Я не боюсь, но противно же. Тут любовь, а тут вдруг таракан. Господи, а картина-то, картина! И откуда у них эта идея, что на стене должны быть картины? Тоже мне, эстеты юрского периода. В буфете грязь, прокисшие салаты, колбаса аж вся скукожилась от горя – и вот-те нате, на столах – кружевные салфеточки. Из резины. Такая уж русская патологическая страсть к прекрасному. Они все думают, если в кучку дерьма воткнуть розу – выйдет икебана... Нет, здесь нельзя... А с другой стороны, где тогда? В лесу, что ли? У меня один раз было в лесу, летом, гроза началась... Восемьдесят седьмой год. О, нет, восемьдесят седьмой надо забыть, забыть и не вспоминать.

Не вспоминать. А что ещё делать. Три с половиной часа осталось. Читать не могу, есть не в состоянии. Классические симптомы, знакомы до слёз. Было, было, было... Я думаю,

моя душа, если сделать её видимой, вся в шрамах, с выбитым глазом, обе ноги поломаны, полжелудка отсутствует и в голове дырка. У души есть голова? Или что?

Я точно с ума сойду. Которого нет. «Ты приехала? Приехала?» – не знал, что и сказать. Задышался от волнения. Да, да, я же слышала, я не могла ошибиться. Я совершенно вменяема. У меня никогда не было психических расстройств. Я адекватна любой ситуации. Я полностью вменяема. Я не знаю, что такое галлюцинации. Так задышались, так кричат в трубку те, кто ждут, те, кто любят. Господи, неужели он меня любит. Этого же... не может быть. Я люблю его. Он любит меня. Ничего такого не бывает. А! Я, наверное, уже умерла. Это мой добрый Бог решил меня наградить. Это такой мираж перед вечным покоем. Последняя сказка о земной жизни... кстати, о земной жизни. Может, чёрное платье надеть? Чёрное – самое эффектное. Чёрное – о! Это перл создания! Помню, я пришла к Мартыненко и говорю ей: Мартыненко, ты кто была бы без меня? Портниха в ателье. Кто тебя в люди вывел? Кто наплёл, что ты великий модельер? Я? А тогда сделай мне что-нибудь... что-нибудь новенькое! Сделай мне такое платье, чтоб мой единственный и неповторимый сразу понял: это – я. Я царица Севера! Повелительница стихий! *(Переодевается в чёрное.)* Тихо, дети, хозяйка пришла. Да, и Мартыненко превзошла себя. Здорово. Без всяких преувеличений. Приколоть эту мою брошку с хрусталём, и всё. «Чёрная роза – эмблема печали, царила разлука...» – нет, почему разлука. «Первая встреча, последняя встреча»... опять что-то грустное. Есть какой-нибудь обнадеживающий русский романс? «Мы странно встретились, и странно разойдёмся»... господи, снова тоска. «Но-

чью нас никто не встретит, мы простимся на мосту». Я ещё не встретила, не хочу прощаться. «Только раз бывают в жизни встречи, только раз судьбою рвётся нить...» – а, вот это ничего. Но почему «только раз». «Эх, раз, ещё раз, ещё много-много раз...» (*Отплясывает.*) «На горе стоит ольха, а под горою вишня...» Ох, но очень уж это платье декольте. Полбюста видать. Он может подумать, что я женщина легкомысленная. И всем подряд бюст кажу. И хочу его заманить в ловушку. Что это, с двух слов она как декабристка на всё готова. Может, я каждый месяц за мужиками вдогонку бросаюсь. Это он так может подумать. Тоже, здравствуйте вам, царица Севера. Вона, двух зубов нет, волосы крашенные. Видала виды бабулька. Точно, что не вчера из девушек, ой не вчера. Он же про меня ничего не знает. Мы один раз всего и говорили!

А может, так и лучше. Вот, говорят, надо «узнать человека». «Узнать человека!» Всё хорошее о человеке узнаешь в первые два часа знакомства. А потом десять лет уходят на то, чтобы выяснить, что он: храпит по ночам, за копейку удавится... и тому подобные увлекательные детали. И не хочу я совсем ничего про него знать. Нет, так тоже нельзя. Информация – мать стратегии. Надо будет его изучить – вкусы, привычки. С кем он дружит. Кого ненавидит...

Как странно, что для меня это так важно. По-моему, никому не было очень уж интересно, какие у меня привычки. Никто так в меня не въезжал, как я в них въезжала. Может, я какой-то недоделанный человек, если так нуждаюсь в других людях? Может, это ущербность такая, или даже болезнь? Почему мне не хватает самой себя? Что я ищу в чужих глазах? То, что нашла в нём? А что я искала?

О господи, что это будет, когда мы встретимся, я себе не представляю... У меня сердце, наверное, разорвётся. «И всё же внешним чувствам не дано, ни всем пяти, ни каждому отдельно, уверить сердце бедное моё, что это рабство для него смертельно...» Сердце бедное моё... Организм разваливается. Слишком много психики. Слишком много лирики. И я совершенно не понимаю, что мне надеть. Значит, ясно – джинсы и чёрный свитер. Это, значит, такой сигнал – я ни во что не одета и ни на что, ни на что не претендую. (*Переодевается.*) Ну, пожилая такая пионерка. В буднях великих строек, в веселом грохоте, в огнях и звонах. Я вышла погулять. А тут вы навстречу. А можно, я вас провожу?

Выпить, что ли, чуточку. Ой, нет, нельзя. Он подумает ещё, что я алкоголичка. И так ни одного плюса нет. Тридцать семь лет, ребенок на руках, не фотомодель, нервы ни к черту, имущества ноль, да ещё и попивает. Ничего себе принцесса Грёза. Это как в анекдоте, когда еврея спрашивают, да есть ли в вас что-нибудь положительное, а он отвечает: «Да, реакция Вассермана».

Сашенька-то как плакал, когда я уезжала. Я ему говорю, зайнька моя, да я всего-то на пять дней, я тебе подарки привезу. А что ему подарки, да и какие тут подарки откопашь, в этой дыре. Впрочем, зачем так зло говорить, городок как городок, а может, вдруг тут счастье... Это старый мой друг любил повторять. «Зачем я туда иду? Ой, оставьте. Вы не знаете. Может, придёшь – а там счастье...» Так и проходил всю жизнь... Сашенька мой. Совсем не может без меня дитятко, совсем. Серые мои глазки, как вы там – без меня. И ведь вот как уеду – обязательно с ним что-нибудь случается. В позапрошлом году руку порезал. А прошлым летом всего-то на

неделю в Крым поехала, чего поехала, дура, а он заболел ветрянкой... приезжаю – весь в сыпи и зелёной намазан, я ему говорю – ты мой леопардик. Какая страшная связка у меня с ним. Что тут рассуждать – надо, не надо, хорошо, плохо – если по-другому не будет. Ну вот, сынок, свихнулась у тебя мамаша. Ты там русский-английский учишь, маму зовёшь, а мама сидит у чёрта на рогах в капкане с тараканами и ждёт звонка от какого-то хрена.

А как Лариса Петровна изволила на меня посмотреть! Дескать, знаем мы ваши командировки. Тоже мне бабушка называется. Не может пять дней с внуком посидеть. Чем это она таким государственно важным занята, министр без портфеля. Вся их сучья порода такая. И сынка такого же вырастила, у которого на глазах помирать будешь – а он через тебя перешагнёт и пойдёт по своим делам. Ох ты, сколько у нас дел! Всё важнее меня! Всё! Всегда! Было важнее меня!

Как с детьми хорошо, честно – ты их любишь, они тебя. А у взрослых одна морока. Если в квартире нет света – люди тревожатся, чинят что-то, налаживают – знают, что без света никак нельзя. А если в душе, в жизни нет света – плевать, и так сойдёт. Я же пыталась. Я держалась до последнего. Я всегда держусь до черты – но когда вижу черту, всё, конец. Дальше распад, когда перестаёшь уважать себя, когда начинается жизнь абы как, день да ночь – сутки прочь. Когда видишь, что для человека ты вроде мебели – стул, шкаф, жена. Он поэтому так удивлялся, когда я кричала – мебель, и вдруг кричит. Ну, и катись ты к своим делам.

Да может, и этот такой же. С чего они другими вдруг станут. Взял и уехал «по делам». Когда я спросила:

«Хочешь, я приеду?» – конечно, он испугался. Просто ему неловко было... и потом я ему, наверное, понравилась, так зачем сразу нет. Приехала. А ещё неизвестно, что здесь будет. Может, ничего доброго не будет.

Может, он вообще не позвонит. Почему, если он меня любит, сразу не приехал? Сразу, немедленно. «Позвоню в три часа». Он прекрасно знает – не может он не знать! – что я здесь сижу, с ума схожу, помираю от волнения, от тревоги, от страха... от любви, в конце концов. Помилуйте, мне ведь не двадцать лет. Это в двадцать лет ещё можно так сидеть, а я и в двадцать сидела, и в тридцать, и в пятьдесят, что ли, буду вот так сидеть, а! И смотреть на проклятый телефон, мерзкий, подлый телефон, который придуман, чтоб люди побыстрее связывались друг с другом, а они мучают друг друга. Боже мой, есть тысячи способов, как превратить жизнь в ад, а люди неумоимо изобретают новые способы, новые, новые! Когда же это всё кончится. Точно я в камере пыток.

Вот интересно. Правда, кстати сказать, это самое интересное. С чего я, собственно, взяла, что он меня любит? Да ни с чего. На ровном месте. Это очередной мираж в цепи миражей моей жизни. Это иллюзия. Потеря границы между желаемым и действительным. Да это и впрямь безумие.

Пожалуй, я выпью всё-таки. Два часа осталось. (Пьёт.) Ох, боже мой, развезёт на голодный желудок. Но чем они тут в буфете торгуют – я этого ничего есть не могу. Мм, зажглось, побежало. Мираж, мираж, конечно, мираж. «Посмотрели в глаза и узнали друг друга...» «Вспомнила тебя душа моя!» Да чего там ей вспоминать, когда вспоминать нечего. И узнавать некого. Мало ли я, что ли, в глаза им глядела! О, да, они будут смотреть

в твои глаза, и уверять в своей любви, а потом предадут, замучают, убьют... вообще мне всегда было интересно, а вот что они называют любовью? Я думаю, это когда их от человека резко не тошнит, они уже думают – любовь. И бесполезно объяснять. Всё равно что толковать слепым про особенности солнечного света...

Новая жизнь... откуда она возьмётся – новая жизнь... (Пьёт.) Да, пью, и плевать. Какое ваше дело. Ах, что он подумает! Ничего он не подумает. Неизвестная и ненужная посторонняя женщина что-то там понемножку употребляет. Если бы он меня вправду любил, он услышал бы, как я мучаюсь. Разве любовь не даёт понимание? Или все сочинители красивых сказок про обыкновенные чудеса так заморочили мне голову. Или я недостойна любви. Или ничего этого не бывает в нашем мире.

Да, он должен был бы меня слышать. Сейчас между нами совсем небольшое расстояние. Мы в одном городе. Может быть, какой-то жалкий километр нас разделяет. Один жалкий километр – и вся прожитая жизнь... я попробую. Вот, я загадала. Любит – услышит и позвонит. Нет – всё мираж. Надо только сосредоточиться... сильно-сильно... собрать всю волю. И послать ему такую... мысленную телеграмму. Сейчас. (Ходит по номеру.) Сейчас. Я говорю так.

«Милый мой. Дорогой мой. Это я. Прошу тебя услышать меня. Пожалуйста. Я долго тебя искала. Я ошибалась. Я страдала. Я уже немолодая женщина и мне трудно жить. Я могу для тебя сделать всё на этом свете. Я могу переделать этот мир, если он тебе не нравится. У меня болит сердце. Я схожу с ума от одиночества и любви. Я никогда не буду тебе мешать. Мне вообще так мало нужно! Я человек самостоятельный. Помоги мне, прошу тебя. Мне так от тебя

хорошо. Отзовись. Не оставляй меня, откликнись, позови, позвони, позвони, позвони! Пожалей меня. Это же я, я, я!»

Она закрывает глаза и сидит молча, заочнев от напряжения. Потом открывает глаза и смотрит перед собой. Потом начинает лихорадочно ходить по номеру, убыстряя шаг. Это похоже на мрачно-экспрессивный испанский танец в авангардной постановке. Вдруг она начинает собирать свои платья. Пьёт. Смеётся. Опять укладывает чемодан.

Пьёт и смеётся.

Платьев-то сколько я притащила. А ведь даже трога-тельно – такой идиоткой быть. Что-то, ей-богу, во мне есть душераздирающее. Так. Нормально. Сашенька, сынок, я скоро буду. Домой. Домой. Немедленно домой. Всё взяла, ничего не забыла. Нет. Ничего не забыла. И спокойненько. И так спокойно – спокойненько. И домой. *(Смотрит на телефон.)* Я всё это знала. Я всегда это знала. *(Берёт чемодан, потом ставит его на пол.)*

Господи! Я приду к тебе, а ты спросишь – ну, что тебе сделать хорошего, доченька? И я скажу: отче наш! Иже еси на небеси! Да святится имя твое! Ты, который благ и человеколюбец, ты, который всемогущ, всеведущ и вездесущ! Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас! Истреби все телефоны на свете!!!

Она уходит. Тишина. Всё погружается в темноту. В круге света – только бедный обруганный телефон. И он начинает звенеть – громко, отчаянно, долго, долго, долго...

СКАЗКА
ПРО АЛКОГОЛИКА

Наверное, комедия

Действующие лица
(в порядке появления)

Лидия Ракушкина.

Рубина Аганбекова.

Первый инспектор (Агора).

Второй инспектор (Фудзи).

Борис Брусов.

1-ый собутыльник.

2-ой собутыльник.

Антонина Ивановна.

Полина.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Лидия Леонидовна, пациентка, и Рубина Гиреевна, врач. Лидия молчит и поглядывает на врача – та пишет.

Лидия Леонидовна. Вы всё пишете...

Рубина Гиреевна. А?

Лидия Леонидовна. Вы, говорю, всё пишете, пишете...

Рубина Гиреевна. Да-да... *(Продолжает писать.)*

Лидия Леонидовна. С ума сойти, сколько вы пишете. Вон, целое дело мне сшили. Следователи пишут, врачи пишут... И почерк такой ужасный... У них у всех. Я думаю, может, мне тоже пойти в доктора? Я подхожу, мне кажется. Почерк у меня скверный, людей я ненавижу...

Рубина Гиреевна. Так, Лидия *(взглядывает на дело)*... Леонидовна. Анализы наши мне не нравятся. С такими анализами на свободе гулять нельзя.

Лидия Леонидовна. А что там с анализами?

Рубина Гиреевна. Наша кровь мне не нравится. Где положено двадцать единиц, у нас сорок. Где сто, у нас пятьдесят. Да и моча наша, я вам скажу...

Лидия Леонидовна. Я в этом ничего не понимаю. Скажите по-человечески.

Рубина Гиреевна. Разваливаетесь вы, Лидия Леонидовна. По-человечески! Интересно, я по-каковски говорю? Лечиться надо. В стационаре. Месяц-два.

Лидия Леонидовна. В больницу? На месяц? Вы что! Вы что! Невозможно. Исключено!

Рубина Гиреевна. Я вот женщина сама.

Лидия Леонидовна. Вы это к чему?

Рубина Гиреевна. Я сама женщина. Но, моя бы воля, я бы вас... (с неожиданной злобой) ещё в детстве утопила, как котят. Когда вы ещё девочки. Чтоб потом вас всех... чтоб ни при какой погоде... ни одну вашу рожу климактерическую... ты понимаешь, дура, что загнёшься через год-другой? Да не просто так, заснуть-не проснуться, а через кровяищу, через нож, через химию? Ты уже сейчас сидишь тут передо мной и смерть свою двигаешь к себе, двигаешь. Я отодвинуть хочу – а ты всё к себе её, всё к себе!

Лидия Леонидовна. Разве... так плохо всё?

Рубина Гиреевна (обычным голосом). Следить надо за здоровьем. Беречь надо здоровье, Лидия Леонидовна. Ваши близкие должны это понять.

Лидия Леонидовна. Должны, да. Задолжали они мне вообще. Долги у нас, знаете, Рубина Гиреевна, выросли прямо космические. Такого размера, как бывает у государств – когда понятно, что уже никогда не отдать.

Рубина Гиреевна. Вы замужем?

Лидия Леонидовна. Замужем. И дочь от первого брака, двадцать лет. И бабушка на руках, тётя по матери.

Рубина Гиреевна. Кого по матери?

Лидия Леонидовна. На руках имею старшую сестру моей покойной мамы, Антонину Ивановну, девяносто два года. Это на мне всё.

Рубина Гиреевна. Значит, в принципе люди у вас есть.

Лидия Леонидовна. Я их содержу, Рубина Гиреевна. Я одна работаю в семье. И мои месяц-два в больнице – это голод в семье. Вообще конец света.

Рубина Гиреевна. Они у вас инвалиды?

Лидия Леонидовна. Почему инвалиды?

Рубина Гиреевна. Так а что вы чушь несёте? Здоровые – не помрут. Работать пойдут.

Лидия Леонидовна. О-о-о... Вы их не знаете.

Рубина Гиреевна. Да на что мне их знать! Давайте-ка, вы сейчас взволнованы, давление измерим. (Присоединяет аппарат.) Ну вот! Двести десять на сто двадцать!

Лидия Леонидовна. А вы себе померьте. Вы тоже, знаете... не в себе... Что это за выражения – рожа климактерическая... Почему обязательно...

Рубина Гиреевна. Простите... Ну, если это вас утешит... (Меряет давление.) М-да.

Лидия Леонидовна. И сколько у вас?

Рубина Гиреевна. Сто восемьдесят на сто.

Лидия Леонидовна. Также с перевесом?

Рубина Гиреевна. Зато у меня гемоглобин – во! До потолка! А у вас – плюнуть и растереть, ваш гемоглобин.

Лидия Леонидовна. Знаете, Рубина Гиреевна, вам самой лечиться пора. Нормально, да – писала, писала

свои каракули, а потом орать на человека. Оскорблять человека больного!

Рубина Гиреевна. Какие каракули? Это болячки твои! Нажила в сорок шесть лет три вагона болячек, а я сиди, а я пиши, а я уговаривай! Щитовидка! Давление! Холестерин! Зуб даю, камни в почках! И ещё мы сделаем УЗИ малого таза, и мы не знаем, какая там у нас завелась история в деталях! (Уставая.) Кардиограмма дрянь, РОЭ выше нормы, дисфункция... затемнение... патология... (Падает головой на стол в бумаги.)

Лидия Леонидовна. Рубина Гиреевна! Рубина Гиреевна! (Подбегает к раковине, набирает в рот воды, прыскает на Рубину.)

Рубина Гиреевна (очнулась). Я отключилась?

Лидия Леонидовна. Ага.

Рубина Гиреевна. Так. Напомните мне... А! (Читает дело.) Лидия Леонидовна Ракушкина? На что жалуемся, Лидия Леонидовна?

Некоторое время врач и пациент смотрят друг на друга.

Лидия Леонидовна (о чём-то догадавшись). Рубина Гиреевна, а вы замужем?

Рубина Гиреевна. Ну, а вам что. Ну, замужем, да. Восемнадцать лет. Он наполовину наш, наполовину русский.

Лидия Леонидовна. И что – какая половина победила? (Делает характерный жест.)

Рубина Гиреевна. А как вы догадались?

Лидия Леонидовна. Давно пьёт?

Рубина Гиреевна. Да сначала, вроде как, в рамках было...

Лидия Леонидовна. Лечился?

Рубина Гиреевна. Э-э-э... Ампулы три раза ножом вырезал. Довженко ученик ни хрена не помог. Потом гипноз...

Лидия Леонидовна. Гипноз – фуфло.

Рубина Гиреевна. Да всё фуфло. Вообще – всё. Это я как врач вам говорю.

Лидия Леонидовна. Нет-нет, нельзя опускать руки. Я слышала, под Вышним Волочком есть старец...

Рубина Гиреевна. Какой старец, милая вы моя? Тут сам пророк Мухаммед если появится – не поможет. Всю ночь не спала сегодня – он когда завалится домой, ему поговорить охота...

Лидия Леонидовна. И я тоже. Не спала.

Рубина Гиреевна. У вас тоже?

Лидия Леонидовна. Бес-прос-вет-но.

Рубина Гиреевна. А как я разведусь? Кому я нужна в тридцать девять лет?

Лидия Леонидовна. А я в сорок шесть?

Рубина Гиреевна. Нет, вот другие как-то могут, а я не могу.

Лидия Леонидовна. Всё-таки хоть плохонький, да свой.

Рубина Гиреевна. И потом: бросит пить, пойдёт по бабам.

Лидия Леонидовна. Это точно! Пойдёт! Тем более, он красавец у меня.

Рубина Гиреевна. И у меня красавец.

Лидия Леонидовна. И умница. Если бы не пил!

Рубина Гиреевна. Ну, если бы не пил, то мы бы в раю жили... Э, приём-то закончен, вы у меня последняя

были, да... Десять часов отработала, думала, в обморок свалюсь, медсестра отгул взяла, катастрофа... (*Достает из сумки фляжку.*) Коньячку, за знакомство?

Лидия Леонидовна. Грамульку. Я сама-то ни-ни.

Рубина Гиреевна. Такие я ни-ни. Я врач! Норму знаю. (*Разливает.*)

Лидия Леонидовна. Очень приятно было познакомиться.

Рубина Гиреевна. Давай на ты.

Лидия Леонидовна. Давай! Наше здоровье!

Рубина Гиреевна. Тебе особенно, тебе надо. Ты с этим не шути.

Лидия Леонидовна. Рубина, я в больницу лягу, он без меня всю квартиру пропьёт, бабушку вообще заморит... Дочь, она отдельно живёт, со своим парнем. Скажи честно, без своих докторских штучек, нельзя как-то обойтись без больницы?

Рубина Гиреевна. Можно. Только тебе покой нужен, уход нужен, а какой с ними покой? Я своему хоть капельницу могу поставить, передышку сделать. Дня на три.

Лидия Леонидовна. А мой однажды полгода капли в рот не брал. Хорошо мы тогда жили. Только он молчал всё время и деньги считал.

Рубина Гиреевна. Какие деньги?

Лидия Леонидовна. Какие – мои...

Рубина Гиреевна. А он у тебя вообще кто?

Лидия Леонидовна. Баритон.

Рубина Гиреевна. По профессии я в смысле.

Лидия Леонидовна. Так есть такая профессия. Он в нашей оперетте пел, в хоре, за пьянку и выгнали. Те-

перь дома это самое... поёт. Любит революционные песни, военные тоже...

Рубина Гиреевна. Революционные? Так он и зарезать может.

Лидия Леонидовна. Раковину в ванной разбил кулаком. Про сиденья унитаза я уж не говорю, сколько меняла. Падает часто...

Рубина Гиреевна. А мой, представляешь, директор бассейна. Чуть не каждый день после девяти вечера, бассейн когда закрыт, приходят дружки... Напьются – и в водичку.

Лидия Леонидовна. Так, наверное, и девиц всяких приводят, у воды всегда разврат.

Рубина Гиреевна. Ну, тут я спокойна. На этом месте у нас уже года три как тихий час.

Лидия Леонидовна. Что, намертво?

Рубина Гиреевна. Бывает, но знаешь – без радости. Я хочу мужчину уважать! Восхищаться хочу! Благого-веть! А какое тут уважение, откуда взять? Превращаешься в такую, знаешь, мамочку при мальчике-уроде...

Лидия Леонидовна. Да, характер портится. Я когда с ним разбираюсь, такая сама себе противная. Какая-то училка тупая. Говорю всё одно и то же, голос гнусный, визгливый – вя-вя-вя, вя-вя-вя... А что я другое скажу?

Рубина Гиреевна. Главное, они живут одним днём, никаких планов не построишь. А я люблю, чтобы планы были – на неделю, на месяц, на год. Копить на что-нибудь. Или куда поехать...

Лидия Леонидовна. Куда тут поедешь! У меня на даче заросло всё как в джунглях. Садоводство, заборов-то

настоящих нет, я раз вывезла его – он у соседей огурцы съел на закуску. И все всё видят, стыдно...

Рубина Гиреевна. Господи ты Боже мой! Где же наши ангелы-хранители? *(Разливает.)*

Лидия Леонидовна. Да какие там ангелы, Рубина. Откуда их взять на всех? Там, на том свете, я думаю, жуткий дефицит кадров. Наверное, один ангел на тыщу голов.

Рубина Гиреевна. Вроде меня в этой поликлинике... Но я справляюсь! А они не справляются! Сволочи они, а не ангелы, вот что я тебе скажу. Халтурщики!

Лидия Леонидовна. Крупно мыслишь, Рубина. Масштабный ты человек. Ну, если ты недовольна работой наших ангелов – давай, жалуйся.

Рубина Гиреевна. И пожалуюсь! *(Берёт лист бумаги.)* Вот, пишу. «Господу Богу лично, в небесную канцелярию. От... гражданки?.. нет, от человека Рубины Гиреевны Аганбековой и человека Лидии Леонидовны – как тебя?»

Лидия Леонидовна. Ракушкина.

Рубина Гиреевна. От человека Ракушкина! Жалоба. На наших ангелов-хранителей, от которых никакого нет прока. Работаем на износ, мужья пьют, счастья нет...

Лидия Леонидовна. А детям всё по барабану.

Рубина Гиреевна. И никакой помощи и защиты мы себе не видим. Плохо работают твои ангелы! Всё, дата, подпись. *(Хочет)* Документ! Я печать свою поставлю! Хоп.

Лидия Леонидовна. Может, надо копию вашему начальнику? Я имею в виду... это... Аллах акбар.

Рубина Гиреевна. Какому ещё начальнику... У меня мама русская, и у Максуда – русская, мы здесь родились. Ещё в дружбу народов...

Лидия Леонидовна. Теперь не очень понятно – куда отправлять?

Рубина Гиреевна. Какая разница? Он всемогущ и всеведущ. *(Открывает форточку.)* Вот куда! В мировое пространство! Полетела наша бумага!

Лидия Леонидовна. Посмеялись и хватит. Пора домой.

Рубина Гиреевна. Знать бы, что там дома.

Лидия Леонидовна. Каждый раз подхожу к двери и крещусь – только бы сегодня пронесло.

Рубина Гиреевна. Как он опохмелился после вчерашнего – вот в чем вопрос.

Дверь медленно открывается. Появляются первый инспектор (Агора) и второй инспектор (Фудзи). По мысли автора, Агора – проворная, вертлявая, глазастая, шустрая, а Фудзи – высокая, мужиковатая, с басовитым голосом, но дело не в деталях, а в том, что это пара клоунесс, которые должны сильно отличаться друг от друга. Кроме того, их могут играть и мужчины.

А г о р а. Добрый вечерок! Добрый вечерок всем! Нас прислала Агнесса Витальевна! Лично к вам! Извините за беспокойство – не задержим!

Ф у д з и. Агнесса лично к вам.

А г о р а. У нас дело! Лично от Агнессы Витальевны! От заведующей! *(Пара загадочных персонажей тем временем шныряет по кабинету, оглядывая пространство.)* И вот, кстати, перед вашей дверью нашли бумажечку. Это ваша бумажечка?

Фудзи. Валялась.

Рубина Гиреевна. Это валялось под дверью?
Позвольте – я посмотрю...

Агора. Из рук! Из рук! Документ!

Рубина Гиреевна. Лида, глянь.

Лидия Леонидовна. Это шутка, розыгрыш.
Для вечеринки.

Рубина Гиреевна. Не понимаю, как она могла
оказаться под дверью. Я её выбросила в форточку.

Агора. А задуло! А задуло! В окно коридора – и на
пол. Шутку вашу. Ой, как мы смеялись.

Фудзи. Врачи по ночам на ангелов доносы пишут.

Лидия Леонидовна. Неужели вы думаете, это
серьёзно?

Агора. И коньячок у нас. Мужья пьют, и мы туда же!

Фудзи. А всё ангелы у них виноваты.

Рубина Гиреевна. Слушайте, вы кто такие?

Агора. Лично к вам от заведующей. Дело в том,
что мы – представители нетрадиционной медицины. Я бы
даже сказала – параллельной медицины.

Фудзи. Метафизика исцеления.

Агора. Суперсовременные технологии операций на
астральном и ментальном теле. Полная ликвидация боле-
вых узлов психики. Подвластно всё! Страх смерти, жажда
наживы, несчастная любовь, синдром острого самодоволь-
ства, агрессия с мотивами и без мотивов...

Фудзи. Купирование жлобства. Очистка речи от му-
сора. Налаживание интересных сновидений.

Агора. Ну и по мелочи – игромания, алкоголизм...

Рубина Гиреевна и Лидия Леонидовна.
Алкоголизм?

Агора (Фудзи). С русскими одно и то же. Сразу про своё родное. Ни одного заказа про налаживание сношений.

Фудзи. Про жлобство тоже мимо ушей всё.

Агора. Да они его не замечают. Принюхались, как в сортире к запаху. Думают, так и надо.

Лидия Леонидовна. Вы лечите алкоголизм? А какие у вас методы?

Агора. Вот наша брошюра! Буклеты! Прошу! Агнесса Витальевна разрешила оставить их у вас, Рубина Гиреевна, для раздачи пациентам.

Рубина Гиреевна. Ну, оставляйте. Но гарантировать ничего не могу. Будут брать ваши бумажонки – пусть берут, а я вас за так рекламировать не собираюсь.

Фудзи. Не питаем надежды.

Агора. Вы что! Вы что! Рубина Гиреевна! Вы эдакие жалобы сочиняете, да еще в центр, к Самому! Кто бы решился обременить вас просьбами. Вы представляете, какой вы наделали переполох в небесной канцелярии?

Фудзи. Обязаны реагировать.

Агора. Сигнал! Сигнал! Понимаете, я слышала где-то, что в этих делах... по контролю-то, понимаете?.. распоряжение имеется. На любые письменные жалобы Там, ну – Там... (указывает вверх) обязаны реагировать незамедлительно. А средств на это нет! Кадров нет! Поэтому было решено – ну, не делать это правило достоинством гласности. Кто догадался, того и счастье.

Лидия Леонидовна. А если устно – жаловаться устно?

Фудзи. Тогда можно замотать вопрос. Мало ли. Диспетчер отошёл. Слышимость плохая.

Рубина Гиреевна (смеётся). Ладно, женщины. Я вижу, вы те ещё штучки. Авантюристки! Брошюрки ваши – вот они, пусть берут, а нам пора домой.

Лидия Леонидовна. Я хотела только узнать, как вы лечите? И какие расценки?

Агора. У вас муж?

Лидия Леонидовна. Муж.

Агора. Сколько весит? Рост? Давно пьёт? Какой знак Зодиака?

Лидия Леонидовна. Килограммов... девяносто весит. Рост метр восемьдесят пять. Пьёт с тринадцати лет, сейчас ему пятьдесят два. Рак. То есть это по знаку Зодиака, а так-то он вроде здоровый.

Рубина Гиреевна. Это у тебя будет рак от этого Рака.

Агора. Десять рублей за килограмм, если Рак... плюс коэффициент по росту... тридцать девять полных лет алкоголизации... примерно две тысячи триста рублей ваш заказ, дамочка.

Лидия Леонидовна. А, вот как.

Агора. Оптом скидки. Сами не хотите?

Лидия Леонидовна. Мне не надо!

Агора. А что-нибудь другое? Страх смерти убрать?

Лидия Леонидовна. Пока нету.

Рубина Гиреевна. Страх смерти у неё нет, а вы полюбуйте, сколько у неё болячек, полюбуйте. (Дает дело Ракушкиной Агоре и Фудзи.)

Фудзи (читает). Набор как набор. Лечить бесполезно. Надо перекрыть источник...

Агора. То есть на мужа – Рака, который девяносто кило, прямо сейчас даю скидку. Десять процентов.

Лидия Леонидовна. А какова вероятность излечения?

Фудзи. Девяносто девять процентов, гарантия пожизненно.

Рубина Гиреевна. Ха. Ха. Ха.

Агора. Оплата по факту излечения.

Лидия Леонидовна. А, потом? Не сразу?

Агора. Таковы нравственные принципы параллельной медицины!

Лидия Леонидовна. А что вы делаете конкретно?

Фудзи. Посмотреть надо.

Агора. Первый шаг – знакомство с пациентом, осмотр, диагностика...

Рубина Гиреевна. Потом они руками помашут-помашут, почумакают, возьмут денежку и свалят. Телефон липовый, адрес фиктивный, емейл разовый.

Фудзи. Мы свои услуги таким и не предлагаем. Которые свою печать на документах против ангелов хлопают...

Агора. Вам, Рубина Гиреевна, вообще теперь не о чем беспокоиться. Вы перешли на высший уровень предъявления претензий, а мы что? Мы неотложка, мелюзга, младший персонал... тётя шутит! Тётя шутит! Вы, Рубина, идите домой и ликуйте. А к вам, Лидия Леонидовна, если вы не возражаете, мы через пару часов заглянем. Вы же согласны?

Рубина Гиреевна (*Лидии Леонидовне*). Слушай, это шарлатанки. Заморочат они тебя. Не пускай их в квартиру.

Лидия Леонидовна (*Рубине Гиреевне*). Ты знаешь, а мне как-то стало хорошо от них. Спокойно, весело...

Рубина Гиреевна. Гипноз!

Лидия Леонидовна. А почему на тебя не действует?

Рубина Гиреевна. Мне гипноз, как носорогу щекотка. На меня даже наркоз не действует. Только родной коньяк забирает немного, и то – после трёхсот. А уж французский если, то всё как мимо льёшь... Да меня мой Максуд в гроб не уложил за восемнадцать лет, а! Не пускай ты этих. Рожи!

Лидия Леонидовна. А вдруг поможет? И недорого... Что они мне сделают? Потом, они от заведующей от вашей пришли.

Рубина Гиреевна. Э! Я вижу, ты уж с двумя тыщами своими рассталась. Ну, давай кидай деньги в сортир, раз такая богатая. Я бы лучше сама пропила, чем этим чумакам.

Лидия Леонидовна. А вдруг? Сил-то нет уже никаких... Утром встаю, человек должен радоваться, когда утром встаёт, а я...

Рубина Гиреевна. Взять бы нам однажды ночью, сговориться... и по всей России, одновременно...

Лидия Леонидовна. Что?

Рубина Гиреевна. Придушить всех алкашей подушками! Чёрт, не получится одновременно... Разные часовые пояса...

Лидия Леонидовна. Да, темперамент у тебя... Слушай, а ты, кроме мужа, ну да с ним понятно – ни с кем?..

Рубина Гиреевна. Да ты что! Страшно подумать.

Лидия Леонидовна. Правда... а вот, помню, в молодости...

Рубина Гиреевна. Так разве ж мы знали!

Лидия Леонидовна. Да... Вот только дети...

Рубина Гиреевна. Дети тут вообще ни при чем.

Агора (*подходит к женщинам*). Так мы к вам, Лидия Леонидовна? Только не удивляйтесь, мы переоденемся, загримируемся, чтоб никаких подозрений. Оперативная работа на местности!

Фудзи. Мы будем другие. Но те же самые.

Лидия Леонидовна. Понимаю и удивляться не буду. Но и вы не удивляйтесь ничему, что будет у меня в квартире. Потому что я сама никогда этого наперед не знаю. Никогда!

Первый дивертисмент

«БАЛЛАДА О ЛЮДЯХ»

Исполняют Агора и Фудзи.

Агора.

Вот нам говорят, что люди – это так интересно,
Потому что они непонятны, о них ничего неизвестно!

Фудзи.

Откуда взялись они, для чего нужны,
Почему тыщу лет носили туники, а потом надели штаны.

Агора.

А кроме того, постоянно меняется их образ и лик,
Так что нет человека «ваше» – перед нами ребёнок,
мужчина или старик.

Фудзи.

Либо девочка, женщина или старуха.
Страшная разница, хотя у всех два глаза – два уха.

А г о р а.

Эти расплывчатые временные формы
Плохо вмещают устойчивые моральные нормы.

Ф у д з и.

А если они вдруг что-то вмещают,
То несчастные призраки ужасно страдают.

А г о р а.

У большинства людей, кроме тела из плоти,
Имеется душа в переменном полёте.

Ф у д з и.

И так странно устроены их пределы,
Что душе не нужно всё то, чего жаждет тело.

А г о р а.

Хотя жизнь контингента проходит глупо и быстро,
Пикантность всему придаёт Божьего разума искра.

Ф у д з и.

Общие схемы устройства блистательно хороши,
Ведь гордому разуму просто плевать на запросы души!

А г о р а.

В задаче спрашивается, если человеку невмочь,
Чем тут самые шустрые ангелы могли бы ему помочь?

Ф у д з и.

Кому помогать – телу, разуму или душонке?
А потом: выполнишь просьбу мальчишки –
погубишь его девчонку.

А г о р а.

От сотворения мира поставлены так половины –
То, чего хочет женщина – в целом не надобно для мужчины.

Ф у д з и.

Но для продления шоу Земли интересными новостями
Их заморочили всякими чувствами и страстями!

А г о р а.

Всё это любопытно, лёжа на мягком диване,
Наблюдать на приятном большом расстоянии.

Ф у д з и.

А если скромный инспектор первых небес
Брошен сюда без инструкций, без полномочий,
да без всего без!

А г о р а.

Спущенные с неба в земное лихо,
Ангелы только увеличивают общую неразбериху.

Ф у д з и.

Но все игроки будут пинать свой мяч, роли учить
и гонять в азарте шары,
Потому что забиты трибуны, поднят занавес –
и не видно конца игры!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Квартира Лидии Ракушкиной. Антонина Ивановна хладнокровно вяжет у телевизора, а на кухне расположился Борис Брусов с двумя собутыльниками.

Б о р и с Б р у с о в (поёт).

Этих лет не смолкнет слава,
Не померкнет никогда –
Партизанские отряды
Занимали города.

Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход!

Бездарно, Яша, бездарно! Слов не знаешь.

1 - ый собутыльник (*крупный, бородатый, божеватый*). Я не Яша.

Борис Брусов. А все, кто не Яша, знают слова русских песен. Хотя вру! Может, теперь только Яши их и знают.

1 - ый собутыльник. Ты неактуален.

Борис Брусов (*с яростью*). Я неактуален? (*Подумав.*) Хотя я неактуален. А ты – актуален?

1 - ый собутыльник. Я вот тебе расскажу про одну сволочь. Я не люблю сволочей. Я их убиваю морально. А тут я пришел домой, а он там! В моих тапочках. Мою водку пьет...

2 - ой собутыльник (*маленький, тщедушный*). Вот за это и выпьем.

Прятели равномерно выпивают в течение диалога.

Борис Брусов. Я видел жизнь, братушки. Из окопов видел, в прицел!

1 - ый собутыльник. Мы все видели жизнь в прицел.

2 - ой собутыльник. Мы мужики. А не бабы.

Борис Брусов. Бабы – это отдельно.

1 - ый собутыльник. Отдельно. И – неактуально.

2 - ой собутыльник. Там у вас старушка в комнате, может, она кушать хочет? Старушка, она не баба. Может, кушать хочет, а мы тут.

Борис Брусов. Антонина Ивановна, вы, может, кушать хотите?

Антонина Ивановна. Спасибо, не хочу. Я с девяносто второго года ничего не кушаю. Как пришла тогда... в реформы... в магазин пришла, увидела цены – ну и отвело от еды начисто.

Борис Брусов. Она не кушает. Воду пьёт и кусочек хлеба иногда. Или яблочко.

1-ый собутыльник. Воду пьёт? А без воды не может?

2-ой собутыльник. Это феномен... Это надо – чтоб все... научились... Какое облегчение государству!

Борис Брусов. Это без меня – облегчение государству. Фуюшки. Я буду висеть на этом государстве всем своим бременем, как... каменный цветок!

1-ый собутыльник. Вот это актуально.

2-ой собутыльник (задумчиво). Каменный цветок... Я тоже... цветок... а не вошь дрожащая! Я право имею. А она какое право имеет меня из дома выкидывать?

Борис Брусов. Баба твоя?

2-ой собутыльник. На мороз. Как пидера...

Борис Брусов. Где ты видел пидеров на морозе? Они все в тепле поют и пляшут. А мы с бабами воюем, потому что мы мужики, а значит – мы кто? Герои!

2-ой собутыльник. Вот это актуально. Мы герои – среди баб, пидеров и сволочей. Одни. Забытый отряд!

Борис Брусов (напевает).

Шёл отряд по берегу, шёл издалека,

Шёл под красным знаменем команди-ир полка...

Э-ээй! Команди-ир полка...

(1-ый собутыльник не поёт, а 2-ой подпевает только одни гласные звуки – «оояаееу... оиаеа... ооаыаее... ааииаа... ЭЭэй! Ааииаа...»)

Вы что не поёте? Слов не знаете? Или что – неактуально, Яша, тебе нынче красное знамя? Твой дедушка Бронштейн нам его засунул во все дыры, а ты морду воротить?

1 - ый собутыльник. Я Гена Лебедев!

Борис Брусов. Тогда пой.

1 - ый собутыльник. Я принципиально не пою советских песен. СССР был царство сатаны. (Оттягивает майку, достает огромный крест.) Вот! Смотри! Он тридцать лет со мной на мне! Я крестился, когда в церковь одни старушки ходили да пидеры!

2 - ой собутыльник. Опять пидеры вылезли. Я давно заметил – как скажешь, так не отвяжешься. Как от чёрта...

1 - ый собутыльник. Я к слову. Так по правде было. И отгребись ты от меня со своим Щорсом и со всеми своими Чапаевыми дьяволами! Знамя твоё красное от кровищи народной...

Борис Брусов. А песни, от которых ты нынче грибишься, твои дедушки, Яша, сочинили. Твои дедушки Френкелы и Фрадкены!

1 - ый собутыльник. Значит, мои дедушки знамя дали, мои дедушки песни сочинили... а твои дедушки чем тогда занимались? Спали сном... этим... летаргическим?

Борис Брусов. А я вот тебя сейчас убивать буду и мучить.

2 - ой собутыльник. Не надо, ребята! Вы друг друга не поняли. Он же Гена. А ты шутишь. Так сидели хорошо... Так тихо у тебя, Борис Михайлович. Хозяйка-то не придёт?

Борис Брусов. Да вроде придёт. Сам весь на нервах, жду. Бой будет.

2-ой собутыльник. Так надо не упустить своего счастья! А то хозяйка придёт – разгонит.

Борис Брусов. Кто разгонит? Кого разгонит? Пусть попробует!

2-ой собутыльник. Она как у тебя? Орёт сильно? Дерётся?

Борис Брусов. Кто, Лида? Откуда... У неё руки нежные, и голос зюзенький, как у комара... Она хуже делает...

2-ой собутыльник. Чего хуже?

Борис Брусов. Плачет...

2-ой собеседник. Вот свезло человеку – баба плачет, и всё. Вот пруха!

1-ый собутыльник. Я тогда сразу уйду. Как твоя придёт – уйду. Я этого не могу... когда плачет. Мне тогда стыдно, а когда мне стыдно – я ещё хуже напиваюсь.

Антонина Ивановна (из комнаты). А вы кушайте, кушайте. Вы что думаете, это еда у вас, что вы кушаете? Еда до войны была. До Отечественной войны. Сосиски такие были – ткни вилкой, из неё сок! А вы химию кушаете. Хорошо ещё, водку пьёте. Промываете кишочки от химии. Потом радость будет на вскрытии. Я сама сестрой в больнице работала до войны, как на вскрытие привезут алкоголика – всем радость. Кишочки чистые, аж светятся, нигде ни пятнышка, ни крошечки...

Борис Брусов. Эй, на палубе! Аппетит не портить! И ты, Яша, нечего скулить. Стыдно ему! Что мы такого делаем? Тихо, с друзьями... Посидеть нельзя?

2-ой собутыльник. Вообще никому не мешаем.

1 - ый собутыльник. Я в принципе не знаю обстановки. Мы у тебя в первый раз...

2 - ой собутыльник. У Борис Михалыча впервые. Назрел тост!

Борис Брусов. Вот не люблю я этого мещанства. Тост назрел, у всех нолито... чок-чок... дребезги эти все бабские... По-моему так: если пьешь, так сиди и пей. Руки на штурвале! Глаза в океан... Вперёд! Без этих жалких глупостей. Додумались до чего, а: пить... за здоровье!

Антонина Ивановна. Здоровья больше нет. Здоровье до войны было. До Отечественной. Тогда у людей температура бывала по сорок градусов. Организмы боролись! Общий настрой был на выживание... Теперь не бывает такой температуры. Вы много кушаете...

Борис Брусов. Но и мы живы!

Антонина Ивановна. В сравнении с прежними мужчинами вы, Боренька, дегенерат. Я это вам с любовью говорю.

1 - ый собутыльник. Не будем дискутировать. Мы же интеллигентные люди...

2 - ой собутыльник. Эти старые тётки бывают жутко живучие. Но раз бабушка ничего не ест, под себя не ходит, то какая проблема...

Борис Брусов. Да никаких проблем. Бабка – во, кремь. Никаких эмоций вообще! Она говорит, все нервы от питания.

Антонина Ивановна. Вы много кушаете...

Борис Брусов. Чего-то меня сегодня не пробивает... Наверное, это Лидкин суп ещё с утра мне пищевой тракт замазал. Она супы варит жирнющие, для меня нарочно. Чтoб алкоголь потом не всасывался.

1 - ый собутыльник. А ты выпей жидкости Фэйри, сразу жир снимет. Это для мытья посуды.

2 - ой собутыльник. Да, всё чистит, смывает...

Борис Брусов. Это умно. Умно! Хмель не берет. Жир этот Лидкин всё закупорил. *(Находит.)* Слушай, тут не Фэйри, другое что-то.

1 - ый собутыльник. Без разницы, они все жир растворяют.

Борис Брусов *(приготовился пить)*. Не разбавляя? Или с водой?

Антонина Ивановна. Боря, положи на место. Это отрава, ты повредишь слизистую. Твои друзья решили пошутить.

1-ый и 2-ой собутыльники хохочут.

2 - ой собутыльник. Пить собрался! Посудку внутрих помыть!

Борис Брусов. Чего вы думаете, я бы выпил? Да я дурика валял.

1 - ый собутыльник. А главное, бабулька всё сечёт и на стрёме.

Борис Брусов. Ты что! У неё от голода органы чувств обострились раз в десять – всё видит, всё слышит, соображает гениально. Только ходит плоховато.

2 - ой собутыльник *(еще продолжает посмеиваться)*. Я бы посмотрел, как ты... для мытья посуды... пьёшь... Это же раз в жизни такое. Тебя не пробивает с пива потому что. Мы же как в «Ромашке» встретились, так пиво тянем.

1 - ый собутыльник. Капнуть бы на душу чего-то... прозрачного...

Борис Брусов. Без денег я, ребятаки. Стольник всего и был в заначке, я его с вами размотал. Давайте споем лучше.

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит –
То моё, то моё сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит...

1-ый собутыльник поёт только отдельные слова – «ветер», «клонит», «шумит», а 2-ой пропевает, как уже наострил, одни гласные – «оо-ееееуоии... еуауаииии... оаё... оаё еееоо...» и т. д.

Входит Полина, дочь Лидии.

Полина. Бабтя! Приветик. О, у нас как всегда – концерт без заявок. Как жизнь старая?

Антонина Ивановна. Живу хорошо. Приближаюсь.

Полина. Да ладно, бабтя! Тебе далеко ещё!

Антонина Ивановна. Да я не туда приближаюсь – одеяло заканчиваю дай бог завтра. Видишь, почти готово...

Полина. Какой узор обалденный! Ты кому?

Антонина Ивановна. Себе. А моё одеяло из магазина, я его выброшу. Не хочу ничего из этих магазинов. Там, в магазинах, враги народа.

Полина. Свяжи и мне что-нибудь. Мама где?

Антонина Ивановна. Нитки неси, стрекоза. А Лиды нет. Ей сегодня к врачу.

Полина. Тогда позови дядю Борю, у меня к нему разговор.

Антонина Ивановна. Боря, зайдите ко мне!

Борис Брусов (появляется в комнате). Что, бабушка? А, вот кто к нам пришел. Госпожа падчерица!

Полина. Господин отчим! Когда ты сопьешься начисто, не в курсе? Какие планы в этом смысле?

Борис Брусов. Лет на двадцать планы.

Полина. Это нам не подходит, дядя Боря. Через двадцать лет я буду почти старушка.

Антонина Ивановна. Потому что ты много кушаешь!

Полина. Уговори маму на размен. Я тебя прошу. Я понимаю все её ля-ля, что родная квартира, что деньги вложены... Но мне жить надо. Мне надо жить на своей площади. Обещаешь?

Борис Брусов *(молчит)*.

Полина. А вот, кстати, презент тебе *(вынимает литровую бутылку водки)*.

Борис Брусов. За бутылку покупаешь? За бутылку меня покупаешь?

Полина. Так тут литровка.

Борис Брусов. Я и сам хотел поговорить. Без твоих коварств! Сам.

Полина. Ну вот тебе для храбрости.

Борис Брусов *(поколебавшись, берёт бутылку)*. Посидишь с нами? Там люди у меня интересные. Ты молодёжь, что ты понимаешь!

Полина. Дядь Боря, ты иди уже, ладно? К своим людям интересным.

Борис Брусов уходит, из кухни раздаются ликующие возгласы.

Полина. Я маму подожду.

Антонина Ивановна. Ты зачем ему бутылку принесла?

Полина. Да так.

Антонина Ивановна. Хитрая ты, Полинка.

Полина. Я хочу, чтоб его не было.

Антонина Ивановна. Он добрый. Он тебя не обижал.

Полина. Бабушка! Сколько раз было, мне в школу идти, а он пьяный храпит, валяется в коридоре, в сортире? А маминых денег сколько пропито? А дружки? А рёв этот пьяный через день?

Антонина Ивановна. Он больной человек.

Полина. Больные лежат в больницах! Мама виновата, распустила его. Я своего Пашу держу вот где! (*Показывает сжатый кулак.*)

Антонина Ивановна. Так он как – женится на тебе?

Полина. Женится! Квартира будет – женится!

Антонина Ивановна. А, кулачок-то у тебя ещё пустой... Не надо было жить до свадьбы. Цену себе набивать не умеешь.

Полина. Да какая там цена, чему цена-то?

Антонина Ивановна. Наши женщины всё это женское в себе ни в грош не ставят. Отдать задаром, продать за рупь – так и норовят.

Полина. А что, лучше как ты, старой девой всю жизнь?

Антонина Ивановна. Кто это тебе внушил? Дурочка. Я-то себе цену знаю! У меня такие мужчины были, что тебе они присниться не могут! Конечно, до войны. До Отечественной. Тогда и еда была настоящая, и мужчины. А эти... (*кивает в сторону кухни*) они как больные дети.

Полина. Бабушка, мне жилплощадь нужна позарез. Эти съёмные квартиры – такая тоска! Они все сами из-

под пьяниц, все пропахли этими... больными детьми. Я своё хочу, не чужое! Поговори с мамой.

Антонина Ивановна. Я буду говорить неубедительно. Неохота переезжать... Ведь я здесь с пятьдесят восьмого года. Тогда ещё вышло постановление «о борьбе с архитектурными излишествами». А у нас уже ордер был с Тамарой, с твоей бабушкой. Вот мы подъезжаем и видим, как рабочие молотками сбивают с фасада – колосья, фрукты, животных каких-то крупных, рабочих с колхозницами, которые все эти прелести в могучих руках держали... излишества! борьба! У нас всё насмерть! Так и прожили мы с моей сестрой всю свою жизнь – без излишеств...

Полина. А у меня где излишества? Всё с боем. За парня дерись, за копейку давись, за квартиру бейся. И это всю дорогу будет!

Антонина Ивановна. Огрубела ты. Маложенственная какая-то стала. Я бы на тебе не женилась. Ладно, поговорю я с Лидой, поговорю...

Полина. Бабтя моя драгоценная!

Антонина Ивановна. Грубая, нервная... Ты много кушаешь, Полина!

Из кухни доносится хоровое пение

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Лидия Леонидовна Ракушкина у двери своей квартиры, с ключом в руке.

Лидия Леонидовна. Вот и пришла я наконец к дому родному... Ведь это дом родной без шуток. Ведь

я родилась здесь... Народная улица, дом восемь, квартира тридцать один. Ничего я не забыла? Хлеб купила, сметану купила, да, и масло подсолнечное. Как масло-то подорожало! Я помню, раньше его разливали в тару, самый дешёвый был продукт. Дешевле масла была только картошка, такая страшная, гнилая, шла из какого-то бункера по ржавому, вечно грязному транспортёру, а все горбились, ловили её на выходе в эти... авоськи... Как сон! Помню, в нашем гастрономе пила томатный сок, вкуснющий, наливали его из конусов стеклянных, внизу краник. К соку полагалась соль в стакане, черпаешь её ложкой, размешиваешь, а ложку потом опускаешь – в другой стакан, с водой, а вода журчит, льётся через край... А теперь сок делают уже солёный, в пачках. И – нет. Вкуса нет... И гастроном наш закрыли, теперь там компьютерный магазин. Всё новое и такое чужое, такое ненужное... Что я стою? Мне домой надо... А надо мне домой?

Как это, что это я говорю. Надо! А – хочу я домой? Я ему оставила сорок рублей на опохмелку, больше у него денег нет. Что он мог на сорок рублей? Бутылку пива. Ну, если разливное, то две кружки. А вдруг он ещё где-то денег нарыл? Пошёл в «Ромашку», нашёл собутыльников... И они там сидят... Послушать разве голоса через дверь? Нет, не буду. Надо как-то собраться, успокоиться... Открыть дверь.

Не могу! Боюсь! Если там опять разгуляй, сорвусь я, не выдержу. А почему? Что такого особенного случилось сегодня? Сколько лет держалась, а сегодня что? Жизнь как жизнь, у кого она слаще? Вот в нашей турфирме у Ларисы муж не пьёт, зато такая сквальга, такой куркуль! Взглянешь на рыло, от тоски сдохнешь... У Маши мужик – болеет, еле шевелится. У Инны Игоревны пьёт хуже моего. Лера одна с развода, восемь лет, и Катя без никого... Ох,

не лечит вся эта житейская арифметика! Мало ли у кого что, а я-то у себя одна! Вот не хочу домой, а куда же это годится, когда женщина домой не хочет!

Может быть, я сама в чём-то виновата? Не умею себя поставить. Взять, войти, по рылу дать, водку вылить... из дома выгнать. Не могу! Привязаны мы к ним, пришиты. Точно в одной палате лежим, нет, в одной камере сидим... Всё. Пошла с Богом, Лида. Открываем дверь!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Квартира Лидии Леонидовны Разумник. На кухне «разгуляй», в комнате бабушки сидит Полина.

Лидия Леонидовна (*вошла тихохонько, шёпотом*). Антонина Ивановна, что там у нас?

Полина. Mamочка, привет.

Лидия Леонидовна. Заюшка моя!

Антонина Ивановна. Сидят четыре часа, с ним ещё двое падших, было пиво, да вот Поля им литровку принесла.

Лидия Леонидовна. Поля...

Полина. Да я не знала! Мне поговорить надо было. Чтоб на размен согласился и не вякал. Что, назад нести?

Лидия Леонидовна. А эти падшие, которые с Борисом, как они, что?

Антонина Ивановна. Как всегда. Душа праздника просит. Русские!

Лидия Леонидовна. Ну, сохрани Господи! (*Входит в кухню.*)

Борис Брусов (с товарищами).

Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами...

2-ой собутыльник. Женщина!

Борис Брусов (поёт один).

...Нас еще судьбы безвестные ждут!
Но мы поднимем гордо и смело...

О, Лидуша моя пришла! Посиди с нами.

1-ый собутыльник. Мадам, как вы актуальны!
Борис, ты счастливее, Борис!

Лидия Леонидовна. Сегодня вторник. Рабочий день. С какой радости гуляем?

2-ой собутыльник. Боря, она сразу вопрос ребром... Чувствуется образование...

Борис Брусов. Сегодня не просто вторник, но – первый вторник месяца! А вообще, для чего душе знать календари? Вся жизнь нам дана для радости, Лидуша, вся жизнь – ликование и праздник. Быть, быть, быть, быть – и нет вопросов!

Лидия Леонидовна бьёт его по лицу, хватает литровку и пробует её вылить в раковину. Борис с криками отнимает, швыряет Лиду на пол.

Собутыльники в страхе бегут к двери и хотят вырваться на волю.

2-ой собутыльник. А говорил, она тихая, плачет, голос как у комара...

1-ый собутыльник. Тихие – это самая труба! Они убивают с одного удара. Да открывай ты скорей.

2-ой собутыльник. Цас. Тут система какая-то... вперёд!

1 - ый собутыльник. Хорошо хоть половину водочки – того, умяли.

2-ой собутыльник. Да, в принципе вечер удался. *(Убегают.)*

Борис Брусов *(Лидии Леонидовне)*. Ты что?!

Лидия Леонидовна. Не могу я больше, Боря.

Полина *(появляется в кухне)*. Мама, помощь нужна?

Борис Брусов. А! Засадный полк явился! Что, бить будете?

Лидия Леонидовна тихо плачет на полу.

Полина. В принципе, я бы тебя убила, если бы знала, что не посадят. Спокойно убила бы.

Борис Брусов. А! Давай, убивай! *(Становится в позу пионера-горниста, только с водкой в руке, пьет с горделивым бульканьем.)* Вот он я! *(Падает.)*

Лидия Леонидовна. Я сама виновата, Поленька. Я же видела, что он пьющий. Нельзя за них замуж-то идти, ни за что нельзя, я знала, знала.

Полина. Одной лучше, по-твоему?

Лидия Леонидовна. Лучше! Лучше!

Полина. Это ты сейчас так говоришь... Эх, показать бы тебе, когда ты замуж за него шла, твою будущую с ним жизнь...

Лидия Леонидовна. Я бы не поверила. Я была счастлива, что такой мужик на мне женился – на серой мышке, да ещё с ребенком.

Антонина Ивановна. Никогда не могла понять, почему наши женщины так себя унижают. Это ты его осчастливила. Оказала высшую милость. Чуть что не так – по мордасам его, по мордасам!

Полина. Нет, бабтя, это не для нас. Мы ещё не дозрели. Может, следующее поколение... Другие женщины будут. Совсем другие, а мы – не умеем мы этого...

Лидия Леонидовна. Да я и не хочу по мордасам. Я женщина, а не боксёр...

Борис Брусов (*поёт сквозь алкогольное забытье*).

Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома...

Лидия Леонидовна (*Полине*). Доча, может, ты есть хочешь? (*Хлопочет в кухне, осторожно обходя разлёгшегося Брусова.*)

Антонина Ивановна. Опять про еду! И в телевизоре про еду. Сколько ж они времени тратят.

Полина. Чайку выпью.

Звонок в дверь.

Полина. Открою!

В квартиру входят Агора и Фудзи. Они одеты в загадочную униформу, с чемоданчиками в руках.

Антонина Ивановна. Лидочка, ты вызывала врачей?

Агора. Лидия Ракушкина?

Лидия Леонидовна. Да. А вы... ой... ой, это вы... Ну, вот оно вот так. Простите...

Фудзи. Предупреждено было.

Полина. Вы кто?

Агора. Общая санация постсоветского пространства. Медицина личных катастроф. Ферштейн? Не ферштейн? Где клиент?

Лидия Леонидовна. Вот он, на полу.

Агора и Фудзи обходят Бориса Брусова.

Антонина Ивановна. Лида, если они к Борису, пусть забирают насовсем хоть для опытов, хоть на органы.

Агора. Мадам, какие тут органы! Тут мешок с говном, а не органы.

Антонина Ивановна. Правильно, органы до войны были. До Отечественной...

Борис Брусов (*поёт*).

Надежда – мой компас земной,

А удача – награда за смелость...

Фудзи. Хм, голос подает.

Лидия Леонидовна. Он пел раньше. В театре. Пока не уволили...

Агора (*Фудзи*). Твое мнение? Шансы есть?

Фудзи. Цирк в начальной. А корасон еще ничего.

Полина. А я догадалась. Корасон – это сердце, и оно у дяди Бори ещё неплохо работает. А цирк – это цирроз, в начальной стадии, да?

Агора (*Лидии Леонидовне*). Дочка такая шустрая?

Лидия Леонидовна. Да, Полина.

Агора. Попиваешь, Полина?

Полина. Я???

Фудзи. Попивает.

Полина. Неправда!

Фудзи (*мрачно и угрожающе*). Правда.

Лидия Леонидовна. Полина, ты что?

Полина. Я вообще не понимаю!

Агора. Да, вы вообще не понимаете. Вы не понимаете, как ложь вредна для организма. Какая это ужасная энергетическая растрата. Ведь говорить правду – это

натуральное состояние человека. А для лжи надо напрягаться. Потом болезни. Потом слабость. Потом постыдная и болезненная смерть. А почему?

Фудзи. У них всегда начальники виноваты. Они говорят – Бог наказал.

Агора горько усмехается.

Антонина Ивановна. Врачи правы! Врать очень вредно. Я вот не вру с девяносто второго года. Лида, Полина выпивает – это факт.

Лидия Леонидовна. Господи...

Полина. Я немножко... (Во время её речи, после каждой реплики то Агора, то Фудзи свистят.) Я иногда... Я по праздникам... Я после работы... Я одна не пью... Я только вино... Я – чтоб расслабиться... Я кружку пива... Я... Я... Я пью, мама!!!

Лидия Леонидовна обнимает Полину.

Борис Брусов (сквозь сон).

Не кочегары мы, не плотники,

Но сожалений горьких нет как нет.

А мы... монтажники... высотники, да...

И с высоты вам шлём привет...

Лидия Леонидовна. Это все он. Он. Это с ним змей приполз в нашу семью. Ты, девочка, не виновата. Ты смотрела на взрослого человека, на мужа своей мамы и где-то там в голове откладывалось, что пить – это весело и хорошо, что это делают все взрослые...

Агора. Хуже, мамочка, хуже. У них откладывается, что пить – это и значит быть взрослым.

Лидия Леонидовна. Забирайте его куда хотите! Делайте с ним что угодно!!!

Фудзи. Але оп! Берём-берём! Подпишите соглашение на вывоз. *(Раскладывает носилки.)*

Агора. На неопределенное время, мамочка... Кто его знает, сколько мы его тушу выпрезвлять будем... С непредсказуемыми последствиями... Личность сильно деформирована... Вот справочный телефончик... Все координаты, всё кристально...

Лидия Леонидовна. Да, подпишу. Хуже не будет.

Антонина Ивановна. Он вообще-то парень был неплохой... А что, разве так можно – чтоб самого человека ни о чём не спрашивать? Я знаю, что у нас так все делают, но ведь это вроде бы неправильно?

Фудзи. Тут, бабушка, экстренный случай. Человек без сознания, как его спросишь?

Антонина Ивановна. Он был бы против.

Борис Брусов *(сквозь сон)*.

Я в синий троллейбус сажусь на ходу...

В последний, в случайный...

Агора и Фудзи с лёгким жизнерадостным криком укладывают Бориса Брусова на носилки.

Агора. Ахтунг, гражданин дорогой! Прибыл синий троллейбус!

Лидия Леонидовна. Подождите! Я ему должна сумку собрать – бельё, бритву...

Фудзи. Какую ещё бритву, гражданка, вы что?

Агора. Ничего не надо. Бойцам побитого войска – ничего не требуется...

Лидия Леонидовна. Какого войска?
Агора и Фудзи. А вот какого!

Дивертисмент второй

«Песня О ПОБИТОМ ВОЙСКЕ»

Исполняют все

В каком краю – угадывай,
В какой земле – не спрашивай,
Сошлись мужики.
Сошлись и заспорили:
Кто выпьет больше всех?
Кому полезет горькая
В нутро его несчастное
Без продыха, без устали,
Польётся как вода?
Кто сможет после этого
Дом строить, поле выкосить,
Жену познать, дитя зачать,
Машину завести?
Вот пьют они, болезные,
И вроде дело спорится,
Дома стоят хоть кривенько,
Но всё-таки стоят,
И дети, глянешь, бегают,
Немного будто с придурью,
Но что-то говорят...
И день идет, и век идет,
Мужчины не расходятся,
И спор не прекращён:
И льётся, льётся горькая
В нутро их опалённое,

Никто не вышел в лидеры,
Все первые у нас!
И пробил час назначенный –
Попадали болезные
На поле мужики!
Каким врагом побитые?
Какой войною скошены?
Лежат, как мертвяки.
На той войне неведомой,
Как жертвы безответные,
В описанных штанах!
Страна, что сиротинушка
Ревёт, как баба вдовая,
А по земле безрадостной
Ползут мужчины пьяные
Мычат они – не телятся,
Поют – в глазах тоска!

Как спиленные брёвнышки
Лежат мужчины бедные,
Пропитые головушки,
Побитые войска!

АНТРАКТ

СЦЕНА ПЯТАЯ

В некоем пространстве, заставленном пальмами и папоротниками, сидят Фудзи и Агора, страшно занятые – считают на старинных деревянных счётах и что-то пишут.

Борис Брусов лежит на кровати, застеленной белоснежным бельём, и стонет.

Борис Брусов (мечется на кровати). Лида!
Лидуша!

Фудзи. Признаки жизни.

Агора. Пока не вижу.

Фудзи. Позвал жену.

Агора. Бредит.

Борис Брусов. Мама! Мамочка!

Агора. Выше забрал. Сейчас до главного дойдет.

Борис Брусов. О Господи! О Господи Боже мой!

Агора. Пора.

Фудзи подходит к Борису Брусову и сильно и грамотно даёт ему в лоб.
Тот стихает и пробуждается.

Фудзи. Брусов Борис Михайлович, тысяча девять-
сот хм-хм-хм... года рождения?

Борис Брусов. А... да.

Фудзи. Поздравляю с прибытием.

Борис Брусов дико озирается.

Борис Брусов. Это... это – то?

Агора. Это то. То самое.

Борис Брусов. Что – вот и всё?

Фудзи. Вот и всё.

Борис Брусов. И... назад никак?

Агора. Голубчик, вас уже зарыли вчера.

Борис Брусов щупает свое тело.

Борис Брусов. Но вот же! Вот! Я живой! (Вскакивает.)

Фудзи. Не шали. (Дает ему опять в лоб.)

А г о р а. Это временная имитация на период суда. Это всё казенное, после приговора снимаем.

Б о р и с Б р у с о в. Но я... я по-маленькому хочу.

А г о р а. А ты как думал, дяденька! Полная имитация. Иди, вон налево дверь.

Борис Брусов идет налево и возвращается, дрожа.

Б о р и с Б р у с о в. Унитаз нет... Дырка в полу... Всё зелёное...

Ф у д з и (даёт Брусову чашку). На, попей, полегче будет.

Б о р и с Б р у с о в. А вы кто? Вы – демоны? Бесы воздушные?

А г о р а. Смотри-ка, образованный какой. В оперу ходил, книжки читал. Были б мы демоны, лежал бы ты сейчас на чистом белье среди зелени?

Ф у д з и. Мы – следователи.

А г о р а. Дознаватели.

Ф у д з и. Следователь Фудзи.

А г о р а. Дознаватель Агора.

Б о р и с Б р у с о в (после паузы). В чём меня обвиняют? Какое моё преступление?

А г о р а. Ну так навскидку, не мелочась... Ты, Брусов Борис Михайлович, принес несчастье, по нашим подсчётам... шести женщинам. Поэтому поступаешь в женское отделение прокуратуры высшей небесной канцелярии Его императорского величества Отца Вселенной.

Б о р и с Б р у с о в. А я не могу... увидеть самого... чтобы сам... Его величество чтоб само меня судило...

Ф у д з и. Это после нас.

А г о р а. На суде увидишь.

Борис Брусов (что-то вспоминая). ...Яко благ! И человеколюбец...

Фудзи. Это потом.

Агора. Мы милосердием не занимаемся. В нас этой программы нет. Мы занимаемся только справедливостью.

Борис Брусов. Разве может быть такое в небесной канцелярии... одна справедливость... без милосердия...

Фудзи. Сначала одно, потом другое. А вместе как, интересно? Бить тебя и плакать над тобой?

Агора. Борис Михайлович, может, сами признаетесь быстренько, мы вас оформим как добровольно сознавшегося и приступившего к раскаянию, а? Давайте, начнём благословясь – я, алкоголик Брусов,..

Борис Брусов. Я не алкоголик!!!

Фудзи. Ой-ё...

Агора. Так-так-так-так. Значит, вы не алкоголик.

Борис Брусов. Нет. Нет. Нет.

Агора. А как, по-вашему, быть алкоголиком – это плохо?

Борис Брусов. Чего ж хорошего.

Агора. А вы хороший, правда? Поэтому алкоголиком быть не можете?

Борис Брусов. Да! Я вижу, вы понимаете!

Фудзи. Такие люди. Правду никогда... Удивительно.

Агора. Скажите, а почему быть алкоголиком – это плохо?

Борис Брусов. Алкоголик зависит от алкоголя, пьёт каждый день. Алкоголик... ну, он вне себя. Без ума. А я разве пью каждый день? Я, что ли, по-вашему, без ума? Да я сейчас вам скажу таблицу умножения! Неправильные глаголы все! Арию герцога!

Агора (*Фудзи*). Может, послушаем арию герцога для разнообразия?

Фудзи. Не смешно. Ну что – маму вызываем?

Борис Брусов. Какую такую маму вызываем?

Фудзи. Твою мать!

Агора преображается и выходит в образе мамы Бориса Брусова.

Борис Брусов. Мама девять лет как в могиле...

Агора. Боря, я здесь. (*Разворачивает узелок с бубликами.*)

Происходящее начинает напоминать свидание в тюрьме.

Борис Брусов (*вертя бублик*). Мама, ты как?

Агора. Плохо, сынок. Я же всё вижу, как ты живешь...

Борис Брусов. Всё-всё?

Агора. Да. Матерям разрешается. Они видят. Видят и плачут... Если дитя трезвое, то ему ещё можно помочь, а если пьяное... только жизнь можно спасти, а душу никак. Не слышит душа! Я вижу, как ты Лидкины деньги воруеть, как пропиваешь... Что ты руку на неё поднял, и не раз – вижу. Что девочке Лидиной дурной пример подал на всю жизнь – тоже вижу. Талант свой загубил, голос пропил... На улице валялся – это я тебя спасла, чтобы нашли... Я когда умирала, тебя как раз из театра выгнали, так ты с тех пор больше двух недель подряд не работал никогда...

Борис Брусов. Я не знал, что ты видишь...

Агора. Разве не знал? Разве не видел мои глаза, не слышал, как плачу, как зову тебя? Никогда не чувствовал?

Борис Брусов. Слышал, мама. Видел твои глаза. Я думал – это воображение...

Агора. Что же вы всё пьёте, сынки! С горя пьёте, с радости пьёте, от скуки пьёте, а веселья без этого дела у вас и не бывает! И никто вам не указ, никто над вами не властен, никого вы знать не хотите – ни мать, ни жену... А может, сынки, пора нам перестать вас рожать, а? Чего ради пускать вас на белый свет – чтоб вы его изгадили?

Борис Брусов. Мама, хватит...

Агора. Ты на моей могиле когда был? Ты дядю Женю, который столько тебе помогал в жизни, когда навещал? Ты своей дочери, Маринке, за год хоть раз позвонил? Ты знаешь, что её мама, жена твоя бывшая, болеет, и у неё онкологию подозревают? А что твоя Лида насквозь больная из-за тебя, известно тебе?

Борис Брусов. Мама...

Агора. Твоя мама – бутылка. И жена твоя настоящая – бутылка. Вот там твоя радость и твоё счастье.

Борис Брусов (*мычит*).

Агора выходит из образа мамы.

Фудзи. Гражданин, свидание окончено.

Агора. Ну? Будем сознаваться или ваньку валять будем?

Фудзи. Где ты этих словечек набираешься. Ваньку валять, гы-ы...

Агора. Я тебя сколько учила – расширь словарный запас. Проще налаживать контакт с аборигенами.

Фудзи. Да ну их...

Борис Брусов. Где мама? Где? Я хочу сказать! Объяснить...

А г о р а. Мама ваша, гражданин, вообще в другом ведомстве. Мы можем только по ретрансляции на пять минут предоставить изображение...

Б о р и с Б р у с о в. Что-то вы, тётки, мне уже надоели. И не мама это моя была. Мама бы поцеловала сначала, пожалела, успокоила. Спросила что-нибудь! Или молчала бы... Это не мама. Вы бесы, точно.

А г о р а. Какие ж мы бесы, если тебя за пьянку судим? Бесам наоборот, нужно чтоб ты до них допился, чтоб только их слышал, чтоб тебе потом нож подсунуть или топор... Или петлю...

Ф у д з и. Чтоб домашних на капусту порубал. Или сам. Им тогда прибыль...

Б о р и с Б р у с о в. Гадости какие... Господи, ну за чем это... к чему это всё?

Ф у д з и. Чего ему говорить? Он сколько вынесет?

А г о р а. Общего устройства, Борис, никто не знает. Только в своих пределах. Скажем так: чтоб вырастить овощи, ты зарываешь семена в землю, так?

Б о р и с Б р у с о в. Ну... мог бы кидать, если бы сеял. Я певец, вообще-то! Я сею семена красоты...

А г о р а. Певец ты был хренов, притом двадцать лет назад. Повторяю: чтоб росло, зарываешь семена в землю? Так. А чтоб вырастить душу, то же самое нужно. Только земля тут – ваша плоть живая. Вот то, что в тебе, в твоём говне растёт – оно самое главное. Это зерно царства небесного. Поэтому такой спрос на душу, и столько врагов у неё...

Б о р и с Б р у с о в. А, я понял! Так чтоб выросло зерно, его ж надо поливать? Правильно? А я что делаю? Я как раз душу свою и поливаю! И она растёт! Я всё смываю к чёрту, что не душа. Почему как примешь на грудь,

такое облегчение? Потому что допиваешься до чистой души, и она подвигов требует, радости, полёта, песни! Вы послушайте, о чём трезвые люди говорят и о чём пьяные. Трезвые – про земную лабуду, про бабки там, про жарчку, про тачку... А пьяные? Они про самое главное! Кого любят, о чём мечтают, где правда... Правда где!

Фудзи. Слышь, он душу поливает... Садовод!

Агора. Ну ты инвалид по уму, точно. Ты вот морковку посади и спиртиком её поливай с мясцок – и посмотри, что вырастет. Ты душу алкоголем обнажаешь, что правда, то правда. И дрожит она голая и беззащитная перед всякой бедой и перед любым врагом. Не растёт, а съёживается! Твоя душа росла до твоих шестнадцати лет, да так и осталась – глупый подросток. Трус, нахал и враль. Ты с виду мужчина, а ты никакой не мужчина, ты шестнадцатилетний подросток. Поэтому ты и семьи прочной завести не можешь, какая семья у подростка? И работать не можешь, а всё сачкуешь.

Борис Брусов. Значит, я сам во всем виноват.

Фудзи. Дошло наконец.

Борис Брусов. А смягчающие моменты?

Агора. Например?

Борис Брусов. Я русский.

Агора. Ну так мы тебя к твоим и отправим. Потом, по завершении дела.

Фудзи. К русским и пойдешь.

Борис Брусов. Я не в том смысле сказал!
Я в смысле оправдания.

Агора. А в чём оправдание-то, Борис?

Борис Брусов. Ну... в связи с тяжёлыми историческими обстоятельствами... У нас не пить – с ума сой-

дѣшь... Совсем ничего не понять в этой жизни. Приходят какие-то лица и командуют – вот, с такого-то числа у вас новая жизнь. И ты как кролик какой-то, ей-богу! А чего вдруг? Все люди рождаются равными и свободными! Почему это они нами всю дорогу распоряжаются? И такие морды самоуверенные. То не надо собственности вообще ни капли и ходи в драных штанах, то давай всю страну кусками в карман, кому сколько залезет... Я советский пионер! Я могу воровать только в тишине, в темноте, чтоб мне было стыдно и дедушка Ленин ничего не видел!

А г о р а. Не пить – с ума сойдешь... А пить – что, не сойдешь? Было б с чего сходить вообще... А вы пробовали? Не пить – пробовали? Нет, не принимается, гражданин. В связи с отсутствием легких исторических обстоятельств на данной планете в целом. Замечу также, что для своих четырёх жен именно вы, гражданин Брусов, явились исключительно тяжелым историческим обстоятельством.

Б о р и с Б р у с о в. Да что вы заладили – жёны, жёны.

А г о р а. Так ты ж, чудак, по женским жалобам под суд попал.

Б о р и с Б р у с о в. Бабы нажаловались, да? А это в жизни мужчины вообще не главное.

Ф у д з и. Это вы думаете, не главное. А это главное. Женщины, дети, животные. Как ты к ним. Так тут и к тебе. Ты лучше не спорь, хуже будет.

Б о р и с Б р у с о в. А если я добровольно сознаюсь и раскаюсь, тогда что?

А г о р а. А тогда будет тебе испытание. Перед окончательным судом. Ты вернёшься домой, и мы тебя проверим – раскаялся ты или нет.

Борис Брусов. Как я вернусь, если меня похоронили?!

Фудзи. Шутка.

Борис Брусов. Так я живой?!

Агора. Условно. До первой рюмки.

Фудзи. Выпьешь – и привет.

Агора. Конец игры.

Борис Брусов. Это вы меня, значит, подшиваете, только без ампул... Кодируете, суки... Где моя одежда?

Фудзи. На.

Брусов лихорадочно одевается.

Агора. А то оставайся... Что там дома хорошего? Без рюмки-то – разве это жизнь? А мы тебя быстренько оформим, содействие следствию напишем... Дадут тебе на суде от силы лет пятьдесят в аду для русских...

Борис Брусов. А там пить можно?

Фудзи. Что там пить, подумай головой...

Агора. Ад для русских, понимаешь? Ездить разрешено со скоростью десять кмэ в час, ни алкоголя, ни табака. Начальники из немцев, из японцев... Утром и днём работа, вечером учёба. Без выходных. Без праздников. Да, половых актов нет... Русских женщин тоже нет...

Фудзи. Есть.

Агора. Не путай мне карты!

Борис Брусов. Нет уж, я домой, я домой... Я раскаялся. Я хочу на испытание!

Фудзи. Будет тебе испытание. *(Дает Брусову лёгкого щелчка, тот падает без чувств.)*

Агора. Ну, давай, заказывай транспорт по месту жительства. Твои прогнозы? На сколько его хватит?

Фудзи. Да я ничего в них не разбираюсь. Третий срок на этой собачьей должности мотаю, а без понятия. Слушай, а мы проскочим обратно по коридору с этим бугаем? В координаты впишемся?

Агора. По пространству, думаю – да. А по времени – ну, попадёт на полгода вперёд. Главное, мы по жалобе отработали? Отработали.

Фудзи. Что толку-то одного, когда их мильёны.

Агора. Какие мильёны? По нашему району всего третья жалоба письменная за месяц.

Фудзи. Они не знают, что надо писать! Они в воздух стонут!

Агора. Мы по воздуху не работаем. Запомни, дубина: что по форме не оформлено, то формально не оформляется!

Дивертисмент третий

«ПЕСНЯ О ПОРЯДКЕ»

Исполняют Фудзи и Агора.

Солнце всходит и заходит,
Ночь меняет краски дня,
Кто-то механизм заводит
Даже не спросив меня.

Океан ласкает сушу
Или в гневе берег рвёт,
Я порядок не нарушу,
Я не трону жизни ход.

Беспорядка во Вселенной
Не бывает никогда,
Потому что Божий гений
Всё устроил навсегда.

Без дискуссий и собраний,
Без советов – без всего,
Ничего не выбирая,
Он творил из ничего!

И с тех пор без остановок
Мир идёт куда-то на...
И не знают забастовок
Солнце, звёзды и Луна.

К власти тут никто не рвётся,
И протестов не видать.
Если что-нибудь взорвётся –
Всё по плану, господа.

О, порядок величайший!
Вечный, прочный, круговой!
Мы другого не встречали,
А скажите, есть другой?

Где-то в небесах особых,
Обретен свободы вид:
Солнце хочет – значит, всходит,
А не хочет – так сидит?

Звёзды вертятся в боренье –
Выбирают, кто главней?

Заразилось всё творенье
Новой модой от людей?

Нет! Везде порядка стержень!
Завелась на время тля...
Строго смотрит самодержец:
Отболеешь, мать-земля?

Беспорядка во Вселенной
Не бывает никогда,
Потому что Божий гений
Всё устроил навсегда...

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Дом Лидии Леонидовны Ракушкиной. Лидия Леонидовна Ракушкина, её дочь Полина, Рубина Гиреевна и Антонина Ивановна готовятся к Новому году.

Рубина Гиреевна (*она режет овощи на салат*). Я-то всё расскажу, а ты расскажи, как себя чувствуешь.

Лидия Леонидовна (*хлопоча над пищей*). Чувствую... как-то странно. Не привыкла. Был Боря – и нет Бори...

Полина. Отдыхала бы, а она всё вздыхает... Как в доме-то стало чисто!

Рубина Гиреевна. Ты все процедуры прошла? Ванны – помогли? Спишь хорошо?

Лидия Леонидовна. Сплю-то я хорошо, только одна. Ну ладно, говори дальше, пришли в суд, а там?

Рубина Гиреевна. Ну вот, значит, а судья-то женщина...

Лидия Леонидовна. Молодая?

Рубина Гиреевна. Молодая, лет сорок.

Полина (она вошла на кухню сменить воду в миске, она на уборке). «Молодая, лет сорок»! Вы, тётеньки, не иначе до ста лет жить собрались, раз у вас сорок лет – молодая.

Антонина Ивановна. А почему до ста лет не жить? Если не кушать, можно и больше протянуть.

Рубина Гиреевна. Ой, я не знаю, как это... Не кушать! Зачем и жить тогда, правда, Лида?

Лидия Леонидовна. Ты разве для еды живешь?

Рубина Гиреевна. Вот не верти тут мне словами. Не для еды, а в том числе.

Полина. Бабушка, ты куда игрушки старые убрала?

Антонина Ивановна. В шкафу, в углу посмотри.

Полина. Протереть их надо. Такие хорошие игрушки, смешные...

Антонина Ивановна. Еще бы! Довоенные!

Полина. Настоящая ёлка будет! Настоящий праздник! И никакая рожа тут не станет реветь...

Рубина Гиреевна. Так я и говорю, судья на меня смотрит, а я по глазам вижу – неврастения. И у неё дома такой же фрукт под названием муж или был такой... или папаша...

Полина. Или отчим...

Лидия Леонидовна. Развели, значит.

Рубина Гиреевна. Да как развели! В мою пользу. Дачу старую отдала, и всё. Алименты на Руслана ему платить еще пять лет...

Лидия Леонидовна. А где же он жить-то будет?

Рубина Гиреевна. Как где? Где жил, там и будет жить. У него комната своя.

Лидия Леонидовна. В твоей квартире?

Рубина Гиреевна. В нашей квартире, да.

Лидия Леонидовна. Ничего не понимаю! Зачем тогда ты развелась?

Рубина Гиреевна. Как зачем развелась? Озвела я от такой жизни, вот и развелась.

Полина. Тётя Рубина, мама не понимает, для чего вы развелись, если ничего не изменилось.

Рубина Гиреевна. Ну прямо ничего не изменилось! Он теперь шёлковый! Я его мигом могу из квартиры вышвырнуть.

Лидия Леонидовна. И будет еще один бомж на свете. Представляешь, Рубина, ты его встретишь на улице – ноги обморожены, весь чёрный...

Рубина Гиреевна. Ну хватит мне тут душу рвать... сейчас я прямо рыдать начну... Прямо сериал она мне тут нарисовала. Никакой он не бомж, не пьёт вроде. Не знаю. Он в своей комнате сидит, не выходит. Обедать зову – говорю, сволочь, иди пожри. Не идёт!

Антонина Ивановна. Правильно делает, молодец.

Рубина Гиреевна. И потом, тут такое дело... он вроде как наследство получил.

Лидия Леонидовна. Откуда?

Рубина Гиреевна. В Канаде родственник помер, ему оставил. Я же говорила, он полетел с Русланом туда на Новый год. Вот не знаю, почему таким везёт...

Лидия Леонидовна. Ах вот оно что. Я вспомнила, Рубина, ты же написала жалобу и печать свою поставила тогда! Не помнишь? Когда странные тётки приходили. Одна сказала тебе – вы по другому ведомству проходить будете... Значит, тобой важные силы занялись – вона что, наследство... А моего увезли три месяца назад, и всё...

Полина. Мама, он проходит курс лечения.

Лидия Леонидовна. Телефон дали такой странный, тринадцать цифр! Подходит механическая девушка, отвечает, всё в порядке, а поговорить с ним не даёт. Я так не могу, Поля, я на розыск подам.

Полина. Ох ты Боже мой, какая пропажа дорогая...

Лидия Леонидовна. Он добрый, в сущности... хороший человек... талантливый...

Рубина Гиреевна. Бум-бум-бум...

Антонина Ивановна. Да все алкоголики добрые и хорошие люди, и пусть себе живут на здоровье. Они сами по себе, и мы сами по себе. Замуж за них не надо выходить, детей от них не надо рожать, и всё.

Рубина Гиреевна. Не получается.

Антонина Ивановна. Не получается, потому что вы дешёвки. Дуры и дешёвки. Вот где ты, Лида, со своим Борисом познакомилась?

Лидия Леонидовна. Да так, на одной пьянке после премьеры, когда я ещё в театре работала...

Антонина Ивановна. Первый звоночек! Сразу был звоночек – на пьянке!

Дверь отворяется и тихо входит Борис Брусов. Стоит и слушает.

Рубина Гиреевна. Ёлочка зелёная, и я на пьянке. День рождения был у сестры...

Полина. Мамочки, и я на пьянке, фирма на этаже гуляла, нас позвали...

Антонина Ивановна. Вот так-то. На пьянке подберёшь – всю жизнь с ним и пропьёшь.

Полина. Народная мудрость? *(Разглядывает старую игрушку, смеется.)* Дед Мороз лысый! Шапка отклеилась...

Антонина Ивановна. Так теперь все лысые, и Дед Мороз с ними заодно... полысеешь от такой жизни...

Лидия Леонидовна. Но ведь сначала мы жили хорошо. Ведь это не сразу! Он пел тогда в хоре, вёл кружок ещё... Мы в Египет съездили по горячей путевке... Он меня любил. Бусы подарил, чистый лазурит, где они... *(Ищет бусы.)* Где они, тут же должны быть, на полке, чёрт, куда задевала... Чистый лазурит!

Полина. А чё, бывает нечистый?

Рубина Гиреевна. Поль, ну не надо...

Лидия Леонидовна. Вот! *(Надевает бусы.)* У меня платье было голубое, так шло, ой... Мы в филармонии слушали оркестр народных инструментов из Смоленска, Боря в свитере, я ему связала, с косичками вперехват, узор такой... белый свитер, и я – в бусах... А на что я могла рассчитывать, в своём возрасте, с дочкой на руках? На миллионера из Канады без вредных привычек, с чувством юмора? Потом – привыкаешь к человеку... Я вообще настроена всегда на жизнь, на радость... Я помню, он мне стихи читал, Блока. «Девушка пела в церковном хоре...» Что-то там что-то там что-то там да... «и всем казалось, что радость будет...» И мне казалось, что радость будет...

Борис Брусов *(обозначая присутствие).* «И всем казалось, что радость будет, что в тихой заводи

все корабли, что на чужбине усталые люди светлую жизнь себе обрели...»

Антонина Ивановна. Я тебя давно чувствую, зятек ненаглядный.

Лидия Леонидовна. Боречка... Боря!

Рубина Гиреевна. Ну, говорили тебе – всё в порядке. Подлечили и отпустили. С возвращением вас. Я Рубина, вашей Лиды подруга.

Полина вешает Борису Брусову на шею мишуру и серпантин.

Полина. С Новым годом вас, с новым счастьем – это тебя, мамочка, с новым счастьем. Вот и подарочек пришел. О, Господи. Я думала, праздник будет...

Лидия Леонидовна. Боря, ты садись, ты отдохни. Ты где был?

Борис Брусов. На том свете.

Антонина Ивановна. Как там, ждут меня?

Борис Брусов. Вас – нет.

Лидия Леонидовна. Боря, какой ты стал... Ты изменился!

Борис Брусов. Почему Новый год? Я помню, был дождь, осень... Я дома был, с товарищами. Мы пели! А что потом?

Лидия Леонидовна. Боря, тебя три месяца не было... Я не знаю...

Полина. Брусов, так тебя вылечили или как? Может, рюмочку налить?

Лидия Леонидовна. Поля!

Борис Брусов (вздрагивая). Нет.

Рубина Гиреевна. Э! Вон оно что! Получилось!

Лидия Леонидовна. Ты... хочешь кушать? Салатик готов... Колбаски нарезать? Или яичницу?

Антонина Ивановна. Закудаhtала.

Борис Брусов. Лида, я маму видел покойницу.

Рубина Гиреевна. Значит, ему искусственную кому сделали.

Борис Брусов. Я не помню. Я очнулся – там пальмы, кактусы, всё белое и зелёное... Мама плачет – и две тётки меня... это... репрессируют. Давят, прямо как врага народа, чтоб я признался, что сам виноват. Это пару часов было, откуда три месяца-то прошло?

Рубина Гиреевна. Могли пролежать без сознания. Или вам память стёрли, сейчас это запросто.

Борис Брусов. Чертовщина! Это меня черти уволокли!

Лидия Леонидовна (*Рубине Гиреевне*). Не говори ему, что я его сдала, он меня убьёт...

Антонина Ивановна. С алкоголиками всегда чудеса. У меня братец зимой, в тридцать пятом, двое суток пролежал в сугробе, описался, вмёрз в снег – и даже простуды не было!

Борис Брусов. Я на том свете был, и тот свет мне не понравился. Я думал, отдохнуть можно от этой жизни, а там ещё хуже. Мучают людей! Один круг прошел, один срок отмотал – давай снова, давай следующий... Лида, мне нехорошо... я пойду прилягу...

Лидия Леонидовна. Пойдем, зайныка, приляжем... Пойдем, милый... Может, киселька хочешь? Я сделала клюквенный... Минералочки?

Лидия Леонидовна уводит Бориса Брусова.

Полина. «Киселька, минералочки...» Кочергу бы ему в задницу...

Рубина Гиреевна. Любит она его всё-таки...

Полина. Ой-ой, как трогательно! Я сейчас зарыдаю... Любит... От такой любви лечить надо. Операцию делать, вырезать эту штуку, которая вот так вот любит! Наверняка есть в организме железа какая-нибудь подлая... Ну, тётя Рубина – это надолго? Его подшили, как вы думаете?

Рубина Гиреевна. Ну, что-то ему в голову вбили, какую-то программу, а надолго, ненадолго, кто знает. Вот правильно Антонина Ивановна говорит, что с ними одни чудеса. Вот с чего моё чудище вдруг наследство получило, спрашивается. Теперь хоть обратно женись на нем. Зло берёт: я пашу без продыха, а ему халява. За какие подвиги? Где справедливость?

Полина. Нет никакой справедливости, тётя Рубина. Да и не было никогда. И не будет.

Антонина Ивановна. Это из-за мяса всё.

Рубина Гиреевна. Какого мяса?

Антонина Ивановна. А тогда, в пещерах-то... Когда это... первобытное общество было... Сначала женщины рулили, пока народ без мяса жил. А потом всем мяса захотелось. Мужики власть и взяли – они же охотники. За мясо мы волю и отдали...

Рубина Гиреевна. Я сама обожаю мясо.

Антонина Ивановна. Ну так и не жалуйся! Подписалась на эту жизнь...

Лидия Леонидовна появляется.

Лидия Леонидовна. Уснул... бледненький такой. Мне его жалко...

Полина. Ну чё, тётки, давайте по маленькой за новый год, за новую жизнь?

Рубина Гиреевна. А давай! Чтоб не скучать...

Разливают, чокаются.

Полина. За новую жизнь!

Лидия Леонидовна. Просто – за жизнь...

Рубина Гиреевна. Согласна! *(Напевает.)* «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?» А у тебя сегодня какие-нибудь мужчины будут?

Лидия Леонидовна. Откуда я тебе мужчин возьму? У меня и на работе одни бабы.

Полина. И зачем?

Рубина Гиреевна. А твоего жениха не будет?

Полина. Нет, он с родителями должен, а я в этой семье пока что... не фигурирую. Мы не афишируем наши отношения.

Рубина Гиреевна. Да... намаешься ты его до загса довести... Ой, скука, девоньки, одни мы остались...

Полина. Брусов проспится, выйдет. Большое развлечение. Пожалста вам мужчина, кушайте сколько влезет.

Рубина Гиреевна. А толку от них, от подшитых, от закодированных да залеченных? За столом сидят как сычи. Ему глазки строишь, а он всё мимо водки смотрит... Знаете, вот есть такой момент в мужчине, когда он слегка клюкнул, но ещё не надрался – вот это самый мармелад! Вот бы остановить этот момент и растянуть на всю жизнь!

Женщины смеются, и тут выходит Брусов.

Борис Брусов. Что, обрадовались? Меня уложили и сразу пить? Ни капли алкоголя в доме! Чтоб духу не было!

Начинает бушевать: выливает коньяк в раковину, бьёт бутылки вина, женщины пытаются его остановить с криками: «Боря, не надо, Боря, праздник!» Рубина кричит: «Это мой коньяк вообще! Ты свой купи и выливай!»

Борис Брусов. Я вам покажу праздник! Развели тут двойную мораль – мне нельзя, а им можно! Никому нельзя! Ничего нельзя! Раздаваю, кто в дом принесет!

Антонина Ивановна. Кажется, у нас и в самом деле начинается новая жизнь...

Антонина Ивановна выходит на авансцену и начинается.

Четвертый дивертисмент

«РОМАНС О НОВОЙ ЖИЗНИ»

Исполняет Антонина Ивановна.

Я собирала в траве гиацинты и маргаритки,
Тихо качалась в своем гамаке между дубом и клёном,
Я посылала друзьям золотые открытки:
«Вы приезжайте в мой сад, пока он остаётся зелёным».

Вдруг появился садовник с кирпичною мордой,
И заявил, что хозяйка ему повелела:
«Всё это глупо, неправильно и старомодно,
Мы всё порушим, изменим для нового дела...»

Новая жизнь! Звон разбитых и стоны снесённых!
Злые ветра над пустотой завывают...
Вопли несчастных, проклятия приговоренных!
Звуков других в новой жизни – увы – не бывает.

Новая жизнь или новая смерть прикрывается маской?
 Птицы умолкли, завяли цветы – это надо по плану?
 Ах, для души мне полезней старые сказки,
 Прежний мой сад мне верните, и плакать я перестану...

Я собирала в траве гиацинты и маргаритки,
 Тихо качалась в своем гамаке между дубом и клёном,
 Я посылала друзьям золотые открытки:
 «Вы приезжайте в мой сад, пока он остаётся
 зелёным...»

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Квартира Лидии Ракушкиной. Антонина Ивановна уже не сидит с рукодельем, а лежит в кровати. С ней Полина.

Полина (*продолжает рассказ*). Я, бабтя, вообще уже ни в какую любовь не верю. Ну с чего вот вдруг любовь? С какой стати? Например, у меня, допустим, фигурка ничего. Ну, глаза... характер нормальный, без дерьма. Так и что, таких миллионы. Почему именно меня вдруг надо любить? Или мой Паша – парень как парень. Ну, животик небольшой, залысинка... с юмором... одевается нормально. Отношения у нас, конечно... Но сказать – ах, единственный, неповторимый, любовь до гроба... Никакой он не единственный. Пруд пруди таких Пашек. Жмот. Просила вчера мне тигровые кровати взять, нет! Хватит, говорит, тебе курицы гриль за глаза и за уши... Любовь... Я совершенно не понимаю, откуда раньше люди эту любовь брали. Я не просекла источник. По-моему, все что-то изображают, чего нет. Хочется, чтоб красиво – любооовь,

любовь. Как у господ в позапрошлом веке. А сами с дерева вчера слезли.

Антонина Ивановна. О Господи...

Полина. Понимаешь, мне надо замуж сейчас, в двадцать лет, нас таких берут в двадцать, потом засада будет.

Антонина Ивановна. Каких – таких?

Полина. У которых единственный капитал – это молодость. Если будет квартира, другой разговор. Тогда у меня в плюс к молодости получится мощный бонус... Я буду ходовой товар. Да, бабтя, надо трезво смотреть на жизнь! А что мама-то не идёт?

Антонина Ивановна. Она поздно приходит. Тяжело теперя ей с Борисом.

Полина. Он же не пьёт. Или пьёт?

Антонина Ивановна. Ни грамма. Всё спиртное из дома повыкидывал, даже мою настойку пустырника.

Полина. Я заходила когда, он был такой стукнутый, всё молчал. Он работает?

Антонина Ивановна. Поступил сторожем на парковку. Ходит исправно.

Полина. Не пьёт, работает... в чём поганка-то? Радоваться надо!

Антонина Ивановна. Переменился Борис...

Входит Лидия Леонидовна.

Полина. Mamочка, привет!

Лидия Леонидовна. Здравствуй, доча. Борис дома?

Полина. Нету.

Лидия Леонидовна заметно повеселела.

Лидия Леонидовна. Ужинать с нами будешь?

Полина. Давай... А я, мам, винца захватила – не хочешь?

Лидия Леонидовна. Что ты! Спрячь и не показывай! Борис увидит – конец.

Антонина Ивановна. Террор у нас объявлен.

Полина. Ну, так тоже нельзя. Тиран домашний нашёлся! Сам пусть просыхает, а мы при чём тут?

Лидия Леонидовна. Понимаешь, у него раньше, когда он пил, было чувство вины. Иногда. А теперь...

Антонина Ивановна. Борис теперь в загробную жизнь хочет вписаться.

Полина. Как это?

Антонина Ивановна. Думает про тот свет. Я про него не думаю, хотя я уже на входе – а он думает.

Полина. А что про него, про тот свет, думать, когда мы по-любому ничего не знаем? Ну, так чтоб наверняка.

Лидия Леонидовна. Он говорит только об этом.

Антонина Ивановна. Вчера ко мне пристал – понимаю ли я, что все мои покойные родственники встретят меня на том свете. Тоже радость большая! Меня на этом свете от них тошнило, а теперь изволь и на том свете с ними тыркаться. Я и говорю – вы, Борис Михайлович, всякое желание у меня отбиваете... того... переправляться на этот ваш тот свет. Я, пожалуй, задержусь на этом свете до упора, как говорится...

Лидия Леонидовна. Это целыми днями – одно и то же.

Полина. Что, когда пил, было лучше, что ли?

Лидия Леонидовна. Да не лучше, а я привыкла! Как все привыкают! Обычное дело – муж пьёт. Всё понятно. А с этим я не знаю, как бороться. Пришла беда неизвестная... *(Звонок в дверь.)* Это кто там?

Входит Рубина Гиреевна.

Рубина Гиреевна. Ну, девчонки, я к вам прощаться!

Лидия Леонидовна. Неужели всё продала? Так быстро?

Полина. Почему прощаться, Рубина Гиреевна?

Лидия Леонидовна. Рубина уезжает на ПМЖ в Канаду. Всё!

Антонина Ивановна. Носит, носит вас по белу свету... Если бы во времени попутешествовать, я бы первая... а то – в пространстве, что толку?

Рубина Гиреевна. Примем коньячку, на дорожку...

Полина. Нельзя, никак нельзя, тётя Рубина, тер-рор!

Лидия Леонидовна. Понимаешь, он с тех пор так и не выносит спиртного в доме.

Антонина Ивановна. Настойку пустырника мою выкинул!

Рубина Гиреевна. Так он дома?

Лидия Леонидовна. Пока нет.

Рубина Гиреевна. Ну, и... давайте рюмочки тихо-быстро, тихо-быстро... *(Достает и разливает.)* Как это не выпить, я не понимаю, за такое дело...

Полина. И правильно! Долой тиранию и деспотизм!

Лидия Леонидовна. Нет, я не буду. Я его боюсь. Он как в дом входит, на меня будто камень падает, нет, нет...

Рубина Гиреевна. Ты как хочешь, а мы выпьем. Мы, знаешь, не виноваты, что у тебя мужик ни в чём меры не знает... Бабушка Тоня, выпьете с нами?

Антонина Ивановна. А давай! Исключительно в знак протеста. Против того света...

Рубина Гиреевна. Верно, бабушка, за этот свет! За нас!

Лидия Леонидовна. Ну что, рассказывай. Обратно поженились, значит.

Рубина Гиреевна. Ага. Теперь у нас два свидетельства на выбор – о браке и о разводе.

Полина. Круто.

Рубина Гиреевна. Приехал из Канады, глаза горят, весь аж искрится – там у нас дом на реке, хозяйство, квартира, счёт в банке... Говорит, природа – точно такая же, только лучше.

Лидия Леонидовна. А что вы там делать будете?

Рубина Гиреевна. Да придумаем. Он здесь кто был? Директор бассейна. Так и там воды до фига... Да можно и совсем ничего не делать, жить, просто жить, жить...

Лидия Леонидовна. Ты же врач, хороший врач...

Рубина Гиреевна. Может быть, я и там устроюсь. Не знаю. Руслану точно там лучше будет! Хотя он возражает.

Полина. Да он не понимает, маленький. Их вообще не надо спрашивать, детей. Хватать в охапку и увозить.

Лидия Леонидовна. Я не согласна, Поля. Каждый имеет право голоса, пусть маленький. Надо учитывать... Откуда мы можем знать, где ребёнку будет лучше?

Полина. Действительно, мамочка, откуда нам знать! Давай на улицу выйдем и спросим людей – где они хотят, чтоб их дети жили? В Канаде или в России? Потом посмотрим статистику.

Лидия Леонидовна. Мало ли что люди скажут в сердцах... скажут одно, а уедут – и совсем другое...

Полина. Хорошо, пусть он пока поживет в Канаде, а не понравится – вернётся, о'кей?

Антонина Ивановна. Куда он вернётся, когда квартиру уже продали?

Рубина Гиреевна. Едем, и точка. Новая жизнь...

Антонина Ивановна. О Господи!

Входит Борис Брусов. Молча раздевается.

Лидия Леонидовна. Пришёл! Всё убрать. Фурточку, фурточку откройте, он унюхает...

Женщины проворно скрывают попойку.

Лидия Леонидовна. Бо... Боренька, это ты? Добрый вечер.

Борис Брусов тянет носом воздух.

Лидия Леонидовна. Ужинать будешь?

Борис Брусов. Нет.

Рубина Гиреевна. А я прощаться пришла. В Канаду уезжаю на ПМЖ!

Борис Брусов молча смотрит на неё, Рубина меняется в лице.

Рубина Гиреевна (*Лидии Леонидовне шёпотом*). Лида, он смотрит как покойник. Ну, как с того света в смысле.

Лидия Леонидовна. Я тебе что говорила?!

Полина. Брусов, а я всё про обмен хочу поговорить. Мама согласна, бабушка согласна...

Борис Брусов. Обмен чего?

Полина. Чего-чего, квартиры – чего.

Борис Брусов. Меняйте.

Полина. Так варианты есть, ты будешь смотреть варианты?

Борис Брусов. Нет.

Полина. Наобум, что ли, поедешь, не глядя?

Борис Брусов. Никуда я не поеду.

Полина. Понятно.

Лидия Леонидовна. Боря, ты, может быть, к себе пойдешь, отдохнешь?

Борис Брусов. Я у себя.

Рубина Гиреевна (*отводит Лидию Леонидовну в сторонку*). Лида, это так оставлять нельзя. Это ему голову залечили!

Лидия Леонидовна. А что делать, что?

Рубина Гиреевна. Вызывай этих тёток.

Лидия Леонидовна. Мне его жалко!

Рубина Гиреевна. Хуже не будет. Будет лучше. При мне они не посмеют!

Лидия Леонидовна. Телефон их, где тринадцать цифр, не отвечает, как вызывать?

Рубина Гиреевна. Да, тёмное дело. Их брошюры, буклеты, что они тогда в моём кабинете накидали – все исчезли нафиг, ни листочка не осталось... А! ты

пиши, на бумаге пиши, и в окно выброси. Как тогда. Жалобу в письменной форме. Залечили мужа!

Лидия Леонидовна (мечется). Ручки нет! Бумаги нет!

Рубина Гиреевна. Бери моё.

Лидия Леонидовна лихорадочно пишет.

Полина. Ты ужинать будешь, отчим драгоценный?

Борис Брусов. Пока не хочу.

Антонина Ивановна. Хорошие симптомы...

Полина. Слушай, Борис Михалыч, раз ты такой весь трезвый, может, тебе какой-нибудь подвиг совершить – сесть за руль или в партию вступить?

Борис Брусов. Интересно, в какую.

Антонина Ивановна. Да у нас всю дорогу одна партия – подальше от народа, поближе к пирогу.

Рубина Гиреевна. Кто его возьмет! Туда молодых берут, с волчьими зубами. С аппетитом, как у слонов. А наш герой, как погляжу, интерес к жизни вообще потерял. (Лиде.) Во-во, сформулируй: потерял интерес к жизни.

Борис Брусов. Интерес к жизни... Что вы можете, бабье царство, знать о жизни? Вы хоть одну утку подстрелили? Хоть одну рыбёшку поймали? А баню можете построить? Или спеть арию царя Бориса? А литр водки без закусы практически? А я мог. Кто посмеет сказать, что я не жил?!

Полина. Ну, так что тебе мешает всё то же самое – без водки только.

Борис Брусов. «Всё то же самое». Это у вас «всё то же самое», потому что вы не развиваетесь. А я иду по

дороге бытия, как царь Соломон. Я подвигаюсь всё выше и выше. Мне душу опалило само небо!

Полина. Ты раз так высоко забрался, может, дашь и нам тут внизу пожить? Мне квартира нужна.

Борис Брусов. Да делайте что хотите. Не о том печётесь вообще!

Рубина Гиреевна (Лидии Леонидовне). Написала? Давай кидай! Само небо опалило душу, вы говорите? Ай-яй-яй.

Борис Брусов. Да, небо. Меня судили. И помиловали. Так что же я теперь, буду жить по-прежнему, кое-как, день да ночь – сутки прочь? Нет. Я тцусь постигнуть сущее. Я читаю книги... Небо приказывает мне.

Полина. Это, оказывается, небо к нам приходило с носилками.

Антонина Ивановна. Нельзя русским мужчинам много читать. Другие прочтут, книгу захлопнут, и забыли. А наши всё чего-то вычитывают несусветное. И верят!

Полина. К нам две врачихи приходили, ты пьяный валялся, забрали тебя протрезвлять. Какое небо? Что ты мелешь?

Борис Брусов. Лида?

Лидия Леонидовна. Да, Боренька. Я вызвала, приехали врачи...

Борис Брусов. Врачи? (Смеётся нехорошим смехом.) Врачи?

Рубина Гиреевна. Нетрадиционные. Какая-то параллельная медицина. Они ко мне в поликлинику приходили, Лида тебя и вписала. А что они с вами делали? Если что не так, мы можем в суд...

Борис Брусов. Ты меня сдала...

Лидия Леонидовна. Боренька, прости, я тогда устала очень. Ты не представляешь, как я себя за это время исказнила... увезли неизвестно куда, неизвестно кто...

Борис Брусов. Так это были просто врачи?

Лидия Леонидовна. Можно и так сказать...

Тут входят недовольные Фудзи и Агора.

Агора. Так, граждане земляне, двери мы не закрываем и опять на что-то жалуемся?

Фудзи. Мужик пьёт, они плачут. Не пьёт – опять вопят.

Борис Брусов. Это вы??? Это вы... Я не пил!

Агора. Это понятно...

Рубина Гиреевна. Сработало у вас всё, врачи... параллельные.

Агора. И вы, Рубина Гиреевна, недовольны? Вас-то по высшему классу провели! Канада!

Фудзи. Нас бы инспекторами в Канаду, мы бы от счастья не знаю что...

Рубина Гиреевна. Нет-нет, я не жалею. Я насчёт подруги.

Агора. Кстати сказать, Рубина Гиреевна, вы как думаете – в Канаде спирта нету?

Рубина Гиреевна. Вы это к чему?

Агора. К тому, что вы нам вытрезвления не заказывали, денег не платили...

Рубина Гиреевна. А! Всё равно лучше там мучаться, чем здесь.

Агора. От перемены декораций театр не меняется...

Антонина Ивановна. Перекреститесь все, срочно. Если бесы, они корчиться начнут.

Все срочно крестятся. Агоре и Фудзи хоть бы хны.

Фудзи. Дальше что?

Борис Брусов. Вы меня разыграли. Гипноз. Понятно...

Лидия Леонидовна. Я не знаю, кто вы, женщины...

Фудзи. Уж не женщины точно.

Агора. Это сразу повеситься надо, тут у вас женщиной быть. Лучше сразу.

Лидия Леонидовна. Кто бы вы ни были... верните всё как было.

Агора. Подумай. Не спеши.

Полина. Мама, очнись! Мамочка! Я не дам вернуть, как было. Через мой труп, чтоб как было! (*Бросается в Брусову, заслоняет его.*) Не трогайте. Пусть он тронутый будет, но трезвый.

Лидия Леонидовна (*подходит к Полине, целует*). Доченька, давай ты за себя будешь решать, а за меня – не надо. (*Агоре и Фудзи.*) Если бы он сам, а не под угрозами... Не потому, что его напугали. Я не хочу так, из-под палки... Ничего путного из-под палки быть не может... И так всю жизнь живём из-под палки...

Фудзи. Какие такие палки? Да мы твоё золото пальцем не трогали.

Агора. Хорошая жена. Рыдаю, но уважаю. (*Фудзи.*) Что будем делать? Гражданин Брусов, хотите спиваться на здоровье? Но – без жалоб, договорились? Вам вернётся прежняя жизнь без изменений. Я вообще сторонник нейтралитета...

Ф у д з и. Каждый раз на совещании просим – утвердите позицию полного невмешательства. Ничего же исправить нельзя! Признайте наконец!

Б о р и с Б р у с о в. Подождите, подождите, значит, всё вернётся обратно?

А г о р а. На круги своя.

Б о р и с Б р у с о в. Я буду, как был?

А г о р а. В точности.

Б о р и с Б р у с о в. Но... я буду помнить эту историю?

Ф у д з и. Можно стереть.

Б о р и с Б р у с о в. Нет. Как было – не хочу. Нет! Это уничтожит мой личностный рост, а я так вырос! Я коснулся головой неба!

А г о р а. Что делать – что делать, выход, выход, должен быть выход...

Ф у д з и. Вечный зов?

А г о р а. Гениально! Граждане, а не хотите полной перемены картины мира? Мы можем почистить всем вам ваш вечный зов.

Б о р и с Б р у с о в. Как это?

Л и д и я Л е о н и д о в н а. Какой вечный зов?

А г о р а. Ну, какой-какой. Тот самый! Основной инстинкт наладим! По-простому, вкрутим секс эппил. Вернём желание. Желание! Тело буквально проснётся... Мир станет ярким и горячим. Вы будете всех хотеть...

Р у б и н а Г и р е е в н а. Минуточку! Желание вы вернёте, а возможности? Я начну всех хотеть, а меня?

А г о р а. Дамочка дорогая, будет желание – будет и возможности.

Антонина Ивановна с неожиданным проворством выпрыгивает из кровати и бежит к всей компании.

Антонина Ивановна. Да! Я хочу! Почистите мне вечный зов!

Полина. Бабтя, ты что, тебе зачем?

Антонина Ивановна. Умная какая! Я же помню, какие запахи были, какие краски у того мира – где у меня звучал вечный зов. До войны до Отечественной!

Полина. Я тогда тоже хочу... что-то я в последнее время вообще в этом деле – без аппетита... Пашка ругается...

Лидия Леонидовна (*инспекторам*). А нужны ли в нашем быту основной инстинкт? И не опасно ли это для здоровья – вкручивать в живого человека секс эппил?

Агора (*вдыхает*). А куда его вкручивать – в мёртвого? Слушайте, пользуйтесь своими земными бонусами, пока не обнулили.

Рубина Гиреевна. Почистят Борису вечный зов, он нас тут всех и перетрашает. Включая Антонину Ивановну.

Антонину Ивановну такая перспектива, кажется, не пугает.

Агора. А вы, гражданин алкоголик, что думаете?

Борис Брусов (*машет рукой*). А, давайте. Я ничего не боюсь!

Рубина Гиреевна. Эх, чёрт вас всех побери, штыривайте и мне секс эппил за компанию. Был один эппил, будет сразу два. Взорву я эту Канаду!!!

Агора. Так, граждане, строимся в ряд по возрасту... живенько, живенько... сами себя задерживаем, граждане... Воздуху в лёгкие набрали, задержали дыхание...

Выстраиваются по возрасту: Антонина Ивановна, Борис Брусов, Лидия Леонидовна, Рубина Гиреевна, Полина. Звучит глупая и жизне-радостная французская песенка. Агора и Фудзи шлёпают действующих лиц по разным местам, и те значительно преображаются, можно сказать – расцветают. Смотрят друг на друга с волнением.

Борис Брусов. Антонина Ивановна! (*Целует ручку.*) Вы прекрасно выглядите сегодня!

Антонина Ивановна. Я хочу есть!!! (*Напевает.*) Какой восторг! Какая чувств истоста! (*Поёт из «Снегурочки».*) Люблю и таю...

Борис Брусов (*смотрит на Лидию Леонидовну*). Дорогая! (*Напевает.*) Ты моя мелодия, я твой преданный Орфей...

Лидия Леонидовна (*напевает*). Миленький ты мой... возьми меня с собой...

Борис Брусов (*рассматривает Рубину Гиреевну*). О! А это что за шамаханская царица?!

Рубина Гиреевна (*кокетливо*). Я – подруга... Я – Рубина... (*Напевает.*) Эх, раз, да ещё раз, ещё много-много-много раз...

Лидия Леонидовна (*чувствует опасность*). Эй, подруга, ты глаз-то на моего мужчину не закидывай!

Борис Брусов (*напевает*). Жить без любви, быть может, просто, но как на свете без любви прожить... Лидочка... Антонина Ивановна... Рубина... какие вы все стали!!! И Полина! Красавица!

Полина (*напевает*). Девочкой своею ты меня назови, а потом обними, а потом обмани...

Действующие лица застывают в позах усиленного интереса друг к другу.

Фудзи (Агоре). Надо смываться.

Агора. У них полностью сменился тип катастрофы.

Фудзи. Надолго?

Агора. Отдохнуть успеем... Потом опять кляузы пойдут... Эх, граждане терпилы, терпеть вам – не перетерпеть!

Пятый и последний дивертисмент

Исполняют Фудзи, Агора.

Есть один способ, не будем врать,
Как эту жизнь превратить нам в рай.
Надо учиться, надо любить,
Молиться, работать, поменьше пить!

Фудзи. Ой, одно и то же, одно и то же...

Агора. Откуда новое-то будет...

Способов есть тысяч сто пятьдесят,
Как эту жизнь превратить нам в ад.
Этого людям недоставало,
Мало им способов, мало. Мало!
Люди мечтают, люди скучают,
Новые способы изобретают.

Фудзи. Талантливые такие, каналы...

Агора. Да, способная сволочь...

Фудзи. Говорят, раньше ангелы, глядя на людей, потерявших образ Божий, плакали...

Агора. Может, раньше и плакали, а теперь плевать!

Ф у д э и. Толку-то плакать-то?
А г о р а. Мир идет, как задумано о нём.

(вместе)

Как мы ни бились, как ни старались –
Нету у пьесы у этой морали.
Как мы ни бились, как ни старались,
Нету. У пьесы. У этой. Морали!

ЖЕНА ЛЕЙТЕНАНТА
КОЛОМБО

Комедия

Действующие лица

Кира Горина.

Элла Казанчук.

Лейтенант Коломбо.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Элла (*ухаженная женщина неопределённого возраста и совершенно определённого пола, с телефоном в руке*). Кирка, старая дура! Куда ты подевалась, поганка! Третий день не отвечает. Уехать – куда уехать – никуда она не могла уехать. Чёртова Кирка! Как на пенсию вышла, совсем умом тронулась. Я считаю, пенсия – это ничего страшного... Если, конечно, есть ещё какие-то ресурсы... Кира, Кира, ты там живая? Придётся ехать. Где она окопалась-то – на Ленина или на Кирова? Вроде на Ленина она квартиру сдала. Вроде бы даже русским сдала. Без детей, с кошкой... И зачем кошка, если детей нет? Господи, а вдруг Кирка реально... того... что делать? Сантранспорт вызывать, в психушку? А я причём? Пусть дочка Киркина командует, задницу из своей Италии поднимет и к матери... Завели, понимаешь, такую моду – живых матерей на родине оставлять... Поеду. А то совесть загрызёт, если там на Кирова что-то с Киркой... Есть же теперь такие клиники, где людям совесть вырезают, точно есть, очередь стоит – только я адреса не знаю, вот и мучаюсь всю жизнь!!!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Мы переносимся в квартиру Киры, в захламлённую комнату, где есть книги и большой телевизор. Хозяйка явно не бедна, но, как говорится, «забила» на чистоту и порядок. В данный момент времени К и р а неотрывно смотрит на экран, где идёт сериал о лейтенанте Коломбо из полиции Лос-Анджелеса.

Звонок в дверь. Настойчиво и нервно встречи с Кирой добивается
Э л л а.

Кира неохотно открывает дверь подруге.

Э л л а. Ты что вообще, ты нормальная? Я звоню-звоню! Ты чего тут, а?

Кира молча возвращается на место и продолжает смотреть сериал о лейтенанте Коломбо.

Э л л а. Кира, я с тобой разговариваю!

К и р а (*загадочно улыбаясь*). Да-да.

Э л л а. Ты в порядке?

К и р а. Что ты говоришь?

Э л л а. У тебя чашки повсюду, ты что, чай прямо в чашке завариваешь? Фу, пылица, грязища... Где пылесос? Ты когда последний раз... Кирка, видак поставь на паузу, не слышно ни черта!

Кира ставит на паузу таким образом, что на экране останавливается изображение лейтенанта Коломбо.

К и р а (*с неудовольствием*). Так, и что?

Э л л а (*вкрадчиво*). Кира, ты не отвечаешь на мои звонки уже три дня, и я приехала посмотреть, ты живая или как.

К и р а. Посмотрела? (Смеётся.) Он сейчас откроет шкаф вместо двери, сделает вид, что перепутал и рукой помашет вот так смешно, будто он идиот. А он совсем не идиот! Он сразу понимает, кто убийца. Моментально! Он их чувствует, как собака. Он знает, что убийца всегда поначалу наглый такой, потому что воображает, будто он умнее всех. Но умнее всех вот этот маленький, взлохмаченный, в потёртом плащике... Как я люблю его серенький плащик! Он только в нём может ходить и думать, думать, понимаешь?

Э л л а. Какой шкаф, какой плащ, ты про кого? А, ты про этот сериал, про Коломбо?

К и р а. Всего шестьдесят девять серий... Смотрю и смотрю... А что такого? Человек на пенсии, времени дофига... То есть я так надеюсь... Хочешь, вместе посмотрим? Тут очень хорошая серия. Один деловой нанял детектива следить за женой. А жена с тренером. Детектив её отмазал и говорит: а ты теперь будешь в благодарность на меня работать и на мужа доносить. А она хоть шалава, но честная баба. Она поехала в домик на море, у них там у каждого пляжные домики, понимаешь? И гордо ему говорит, детективу: никогда мужа не сдам! Ты подлый шантажист. Он её по лицу шмяк, а у него перстень на руке с алмазом... А Коломбо потом сразу увидел, что у жены, то есть у трупа жены в результате, на щеке царапина... а он ещё и левша, хотя врёт, что обеими руками может сразу, и тогда Коломбо...

Э л л а. Ты, значит, смотришь своего Коломбо сутками и поэтому к телефону не подходишь?

К и р а. Ну ты извини, ты не сердись, ладно? Там насчёт как жизнь и всё такое... Ну, неохота мне...

Как жизнь, как жизнь... Какая жизнь, Элла? Какая жизнь?

Элла. Конечно, если женщина на себя плюёт, у неё никакой жизни нет. И ниоткуда не будет. Вот посмотри на себя и на меня, у нас всего три года разницы по-моему. У меня биогель на ручках, на ножках, у меня стрижка дорогая, а не сама тупыми ножницами, у меня бижутерия итальянская и туфельки английские, и ваши тёткины кофты за двести рэ я обхожу за километр. Бассейн два раза в неделю, массаж и сауна. Все возможности есть теперь! Все возможности! Как вот не стыдно так опускаться, Кира? Чем женщина старше, тем больше она должна следить за собой!

Кира. Кому должна?

Элла. Сама себе!

Кира. Ты всё замуж собираешься? Я что-то сомневаюсь, Эллочка, по-моему, до тридцати не взяли – так вряд ли...

Элла. Это тут ни при чём!!! Я просто женщина, настоящая женщина, и должна быть всегда на посту, как часовая. И вообще жизнь ещё не кончена и всякое бывает.

Кира. Да, дорогая, ты давай занимайся своими галлюцинациями про то, что всякое бывает и русских баб в пятьдесят с гаком замуж берут, прям с руками отрывают, а я буду смотреть про своего лейтенанта, и всем нам будет хорошо.

Элла. Ты, значит, сидишь дома и сутками это смотришь? Ты на пороге сумасшествия, Кира Викторовна.

Кира. А я так не считаю. Я, знаешь ли, счастлива. Я нашла то, чего не видела всю жизнь.

Элла. Чего ты такое нашла?

К и р а (убежденно и страстно). Справедливость!!!

Э л л а. Где?

К и р а (показывает на экран). Там. У него.

Э л л а. Ничего не понимаю. Это просто детектив, хороший детектив, там всегда находят убийцу, такой жанр, при чём тут справедливость.

К и р а. Конечно, ты не понимаешь, потому что у тебя все мысли по верхам прыгают, как белки. И покойный Иван Николаич про тебя говорил – «вертихвостка». Ладно. Давай выпьем по маленькой за лейтенанта Коломбо, и я тебе объясню... Хотя сам Коломбо никогда не пьёт на работе, а он всегда на работе... будешь виски?

Э л л а. Буду виски, но хочу заметить, что покойный твой муж Иван Николаич меня ценил и как работника, и как... вообще.

К и р а. Какой из тебя работник мы помолчим, а как «вообще» он тебя оценить не мог, потому что все твои попопзновения к нему ничем не закончились.

Э л л а. Это был невиннейший флирт! Исключительно для поддержки формы. Мужья подруг для меня покойники!

К и р а. Я и не знала, что ты... это... некрофил.

Э л л а. Ложь, клевета, навет, сплетни.

К и р а. Так, проехали. За здоровье лейтенанта Коломбо!

Э л л а. Только он же умер. Этот актёр, Питер Фальк. Ну, у которого глаз стеклянный, твой лейтенант. Он его тридцать лет играл. А потом умер...

К и р а (грозно). За здоровье лейтенанта Коломбо! Он жив и будет жить вечно.

Э л л а. Пусть твой Коломбо живет вечно, я только сказала, что этот актёр умер.

К и р а. Не имеет никакого значения. Ты что, когда смотришь фильм, знаешь, кто из актёров умер, кто жив? Зачем?

Э л л а. Ну... так вообще. Интересно.

К и р а. Всё-таки настоящего ума у тебя нет. Никогда тебе не быть главным бухгалтером, никогда.

Э л л а. Да уж конечно, куда мне до вас, Кира Викторовна, вы и только вы у нас главный бухгалтер. Были.

К и р а. Опять проехали... Вот так зайдём теперь, с такого боку – как ты думаешь, кто торжествует в мире? Кто в нём главный, кто рулит, кто пенки снимает?

Э л л а. Да не знаю. Гниды какие-нибудь. Уж не мы с тобой.

К и р а. Торжествуют хищные, сильные, злые люди.

Э л л а. Может быть.

К и р а. Факт! И вот этот самый Лос-Анджелес. Там компактно проживают сильные люди, которые многого добились в жизни. Бизнесмены, кинозвёзды, продюсеры, врачи, адвокаты. У каждого вила с бассейном, дорогие машины. У них гладкие, наглые морды от вечной сытости и на костюмах никогда ни одной морщинки. И такая самоуверенность нажита по жизни, ну – просто как солнце в этой Калифорнии. Это те самые люди, которых не должно быть в царствии небесном, вот они и засели в царстве земном и уж отсюда выжмут все соки. Хищные, хитрые люди. Если кто им мешает – уберут, и уберут с умом, так что не подкопаешься... И вот они убивают и думают, что никогда тупая полиция ничего не заподозрит. И тут (смеётся счастливым смехом) он и приходит!

Элла. Ну я это всё знаю, я смотрела несколько серий. Там, где злодей собак тренировал разорвать приятеля, и ещё когда архитектор как будто зарыл труп в фундамент, а он был в сарае...

Кира (не слушая Эллу). Коломбо едет на машине. У него старый серый «пежо», битый-перебитый, с откидным верхом, и дверцу клинит, и зеркал нету вообще... И такой же костюмчик – мятый, старый, и у рубашки всегда оттопыривается воротничок, и этот плащик... Всё это – маскировка гения. В мир богатых и наглых он вкатывается как скромный ёжик, серый мышонок, он извиняется, машет ручонками, да-да-да, конечно, мистер, разумеется, миссис... Да вы простите, это мне для отчёта... извините, я просто делаю свою работу...

Элла. Да, это умора, что Коломбо раскрывает все преступления, и он тридцать лет лейтенант, и всё в одном плаще.

Кира. Есть несколько серий, где Коломбо переодевается в смокинг – и видно, как великолепно он умеет носить одежду. Всё у него есть, всё он умеет. Я тебе говорю, этот лейтенант – артист, у него маскировка. Потому что богатые люди, даже если умны, всё равно идиоты, они думают, все кругом такие же, они не знают, что есть другой мир. Другой мир. И в нём царит лейтенант Коломбо. Он к ним не из полицейского участка приходит, а из другого мира, где есть справедливость.

Элла. И вот что удивительно – никто ему никогда не предлагает взятку.

Кира. Нет, ему иногда намекают – дескать, можно бы машину сменить... А он отвечает – зачем? У меня

прекрасная машина, я её очень люблю. У меня есть и другая машина, на ней ездит жена.

Э л л а. А, жена! Помню! Её никогда не показывали, эту жену, миссис Коломбо. Он всё бормочет – жена, жена, всем интересно, что за жена, а жены нет. Хороший приём!

К и р а. Приём?

Э л л а. Ну да, приём, выдумка. Когда у героя не видно жены, никто не разочарован, и можно мечтать в эту сторону... Что вот если бы ты была женой такого лейтенанта... Он, конечно, молодец, но живет на одну зарплату и всё время на работе... хотя очень обаятельный и надёжный человек. Не изменяет точно. Преданный. И с юмором... Нет, хороший мужчина. Я бы вышла за такого.

К и р а. Ты?!

Э л л а. Я в смысле пометать.

К и р а. И мечтать не смей. Она бы вышла!!! Такого мужчину надо понимать, такому мужчине надо служить – не прислуживать, а служить. А ты всю жизнь только саму себя обслуживаешь. Вот что это на тебе сейчас?

Э л л а. Ло... лосины.

К и р а. Ты бы еще велосипедные шорты напялила. А что это у тебя с лицом?

Э л л а (быстро доставая зеркало). С лицом? Что с лицом? Ничего с лицом. Небольшие косметические процедуры. Так, кое-что разгладила...

К и р а. Разгладила! Ты утюгом не пробовала разгладить? Дешевле получится.

Э л л а. А что, лучше сидеть как... как бочонок с квашеной капустой, с опухшей рожей, в старых тряпках,

и сериалы смотреть? У тебя просто, Кира Викторовна, вкуса нет. Одеваться не умеешь, макияж не умеешь. Прожила за одним мужем всю дорогу, повезло тебе, золотой был мужик, другой бы давно скинул тебя как дра- ный лапоть...

К и р а. Я одеваться не умею?! Я?! Да ты вспомни синее платье, в котором я на серебряную свадьбу... Да у меня два костюма от Мартыненко! Такое сказать... Правда, я не тряпичница, но у меня всегда были дорогие солидные вещи. А у тебя мешки с дерьмом.

Э л л а. Я в Европе одеваюсь!

К и р а. Ага, по принципу «хоть говнишко, да из Па- рижка»... Одеваешься ты на распродажах за пять евро. Ты очки-то надень, не фасонь, разгляди на своих париж- ских кофтах «маде ин чайна» или чего похуже.

Э л л а. Нет там никакой чайны! Тунизи написа- но – Тунис!

К и р а. Ну и носи своё тунизи, и не лезь в мою жизнь. Повезло мне с Иваном Николаичем! Ха-ха. Тебе бы так повезло, ты бы сбежала через месяц, как мне повезло.

Э л л а. Забирай тогда к чёрту свои виски. Не буду с то- бой пить. Виски она хлебает! Сама в зеркало на себя по- смотри, какие тут виски – подумай. Ты лучше ящик водочки прикупи, чтоб из дома месяца два не выходить – и вперёд. К лейтенанту Коломбо. На распродажах!!! За пять евро!!! Я одеваюсь!!! Да если вещь меньше двадцати стоит, я на неё даже не гляжу вообще. Даже не гляжу!!!

К и р а. А тогда откуда ты знаешь, сколько она стоит?

Э л л а. Дуру наша, да? Висит цена крупными буква- ми – и за ней вещи. Или в контейнере набиты.

К и р а. Что пять евро, что двадцать пять, всё равно дешёвка. Стиля в тебе нет, Элла, и не спорь. Вот зачем ты споришь?

Э л л а. У меня стиля нет, а у кого он есть? У тебя, что ли?

К и р а. Да ни у кого нет. Мы все как... первомая на тракторном заводе. Были кувалды, и останемся кувалды. Заведутся деньги – полкило золота на шею, на пальцы, в уши... А кто помоложе – те голые ходят, чтоб всё наружу – сиськи, пупки... Бедная Эвелина Хромченко! Напрасны все её труды. Для кого она старается?

Э л л а. Хромченко? Эта фифа из телевизора, из «Модного приговора»? Не люблю. Воображает, что стильно одета...

К и р а. Она не воображает. Она действительно стильно одета. Просто нам такие стилия ни к чему... Не будешь, значит, со мной виски? Ты, кстати, права насчёт водки, мне по рылу моему именно водка нужна, хоть я и не люблю проклятую, сколько с Иван Николаичем натерпелась... Но вот слабость такая – хочется немного быть к нему (*кивает головой на экран*) поближе. Хотя бы пить то, что там эти убийцы пьют и ему предлагают... Я ведь в стакан совсем немного наливаю, и с водой... Ладно, не хочешь как хочешь – катись колбаской.

Э л л а. Я уйду, а ты что станешь делать? Опять Коломбо?

К и р а. Да вот досмотрю эту серию и хочу опять первую, «Рецепт убийства» – какая штука! Коломбо там в первый раз появляется, молодой-молодой, кучерявый...

Э л л а. Это где мужик жену задушил? Инсценировал ограбление, и актриса ему помогала?

К и р а. Да! И Коломбо его заподозрил, когда выяснил, что он увозил в Акапулько на девять фунтов больше груза, чем привёз обратно...

Э л л а. Подсвечники и столовое серебро! Он в море выбросил. И как рука поднялась – девять фунтов серебра. По нашим-то меркам это сколько?

К и р а. Три с половиной килограмма примерно.

Э л л а. Круто. Вот мерзавец. У меня за всю жизнь накопилось три ложечки серебряных и подстаканник от бабули. Граммов сто... А у тебя, небось, залежи... Куча, говорю, серебра у тебя, госпожа главный бухгалтер ООО «Витязь»?

К и р а. Один подсвечник остался, и три вилки. Десертные ложки ещё, пять штук... Да и не было у меня никакой кучи, это глаза твои завидующие всюду видят кучи, где их не бывало.

Э л л а. Ну да, ну да. И трёх квартир у вас не было, и бэха ваша мне приснилась. И дача на Курилках в два этажа с баней – это моя галлюцинация.

К и р а. Всё она посчитала. Своё считай! Курилки, что Курилки эти проклятые, это из них Иван Николаич пьяный рванул в город... С кем он пил, так и не узнала. Бэху он в лепёху разбил, квартиру на Социалистической мы пролечили, а что не пролечили – дала Маринке, ломало меня насчёт Маринкиного итальянца, подумает – русскую нищенку взял...

Э л л а. Звонит она?

К и р а. Звонит.

Э л л а. Что говорит?

К и р а. Тепло, говорит, в Риме...

Э л л а. Приглашает? К себе – приглашает?

К и р а. Конечно, приглашает. Приезжай, говорит, мамочка, в любое время.

Э л л а. Так а что ты..?

К и р а. Поеду, может, зимой, пока неохота.

Э л л а. Неохота?!

К и р а. Представь себе, если ты в состоянии такое представить. Ты же у нас готова за любую границу в любое время, ты как этот... как пионер наоборот. Всегда готова – родину бросить.

Э л л а. Да, я считаю, что это главное достижение нашего времени – свободный выезд за границу. Я трачу на это все свои скромные сбережения. Мои путешествия имеют образовательный и... познавательный характер, а не только шопинг, как ты воображаешь.

К и р а. Что там познавать, за неделю в Турции?

Э л л а. Исключительно ошибаешься! Во-первых...

К и р а. Я тебя умоляю. Мне вот на фиг ничего этого не нужно. К туркам ездить! Пусть Святую Софию сначала отдадут, во-первых, и во-вторых...

Э л л а. В мире столько интересного! Столько наций всяких! Устаешь всё-таки от России... Твой Коломбо, например, итальянец. Он, припоминаю, там шутит где-то – я единственный в мире итальянец, который не умеет петь.

К и р а. А, так ты неплохо знаешь мой сериал, я вижу. За это всё прощаю... Садись тогда, вместе посмотрим. Семечки будешь?

Э л л а. Ну ладно. Ну хорошо, буду. Жареные семечки?

К и р а. Угу. Сама жарила.

Э л л а. И всю жизнь она меня лечит – и стилия у меня нет, и в отчётах у меня мышь бегала – хвостиком махала...

К и р а. Если человек складывает два и два, и получает тринадцать с половиной, зачем, ответь за ради Бога, зачем он идет в бухгалтеры?

Э л л а. Ах-ах, как смешно. Иногда, Кира Викторовна, именно такой бухгалтер и нужен, у которого два и два – тринадцать с половиной.

К и р а. Ты ещё и мухлевала у меня под крылом?

Э л л а. Подумай головой, что бы я под тобой замухлевала? Я в принципе говорю.

К и р а. В принципе – это только кажется, что воры хитрые и умные. А я считаю, воруют одни дураки. Воровать – это бескультурье вообще. И убивать бескультурье. Неужели кто-то думает, что убьёт – и прекрасную жизнь сразу получит, и все его проблемы решатся?

Э л л а. Чаше всего убийцы вообще ни о чём не думают.

К и р а. Мня волнует не это. Меня волнует, что их ведь не находят.

Э л л а. Как не находят? По телеку всё время кого-то показывают. Я имею в виду, в зале суда.

К и р а. Может, раз в неделю покажут, так это капля в море, а сообрази, какое у нас население и сколько преступности. Понимаешь, я ведь как рассуждаю... Я сама довольно хорошую, спокойную жизнь прожила. Всего три раза столкнулась с правоохранительными органами. Первый, когда у Маринки гопники телефон новый отобрали. Потом – когда Ивана Николаевича избили. И третий – когда дачу нашу ограбили. И все три раза мы писали заявления в милицию, и все три раза ничего не происходило, никто ничего не раскрыл, никого не арестовали... И я думаю: это что, я одна такая несчастная,

мне одной так не повезло? Вот всем исключительно везёт, а мне, одной мне, Кире Гориной – нет? И поняла я тогда...

Э л л а. Что ты поняла?

К и р а. Это не мне не везёт, а вообще... нет никаких раскрытий. Ничего не раскрывается. Может, кого-то и берут, прямо на месте, когда он пьяный... зарезал собутыльника или сожительницу – и спит. Или сам пришёл в полицию с вещами и повинную написал, и то не факт, что примут. Дежурный может его послать, дескать, никого нет на месте, вали отсюда. А какие там циферки пишут в отчётах, это другой вопрос.

Э л л а. Вообще-то, у меня когда сумку вырвали, я тоже накатала заяву – однако была мёртвая тишина.

К и р а. Ну вот.

Э л л а. Ты думаешь, большинство преступлений не раскрываются?

К и р а. Подавляющее большинство. Подавляющее нас большинство... и не то что не раскрываются – а их никто и не думает раскрывать. И это не только в России. А это – везде... Во всём мире. Можно ведь с ума сойти! Вот! Чтобы мы с ума не сошли и у нас такое чувство было, что полиция работает, снимаются фильмы про полицию. Где любого преступника в конце концов вяжут и раздаётся этот волшебный звук – щёлк! Наручники... Каждый день на экране ловят преступников, поэтому мы спокойно живём, даже – из дома выходим. Наше спокойствие – оно оттого, что мы фильмов насмотрелись и у нас приятное чувство полной защищённости. Что где-то там что-то... Прорвёмся! – ответят опера...

Э л л а. Неужели действительно преступления не раскрываются... А я думала, всё-таки что-то... А похоже, ты права. Как же мы из дома выходим... но нам же надо. На работу надо. Или – в магазин. Всегда что-то надо... Ой, лучше не думать...

К и р а. А я вот не хочу выходить. Мне здесь хорошо – с моим лейтенантом Коломбо...

Э л л а. Там не очень много серий...

К и р а. Я пересматриваю.

Э л л а. Надолго не хватит.

К и р а. Пока хватает. Потом что-нибудь придумаю...

Э л л а. Кира, так нельзя. Надо жить!

К и р а. Жить! Что ты называешь – жить?

Э л л а. Если ты так любишь картинки смотреть, можно пойти в кино.

К и р а. В кино? Спасибочки! Я слышала, как по телеку говорят – надо вернуть, значит, зрителя в кинотеатры. Жилище индейцев – фиг вам! Не вернусь я в кинотеатры. Из кинотеатров меня выжили. Там сидят молодые обезьяны и болтают по мобилам, а на экране всё что-то мелькает, мелькает. Не разбери-пойми что.

Э л л а. А я хожу в кино.

К и р а. Хорошо тебе там? Уютно?

Э л л а. Н-не очень... ну и что? Я маскируюсь. Я попкорн покупаю... А что, отдавать всё без боя молодым? Я сама ещё молодая!

К и р а. Сходи с ума как хочешь, а я жить, в твоём понимании, не собираюсь. Будешь смотреть Коломбо?

Э л л а. Буду!

Подруги усаживаются смотреть на лейтенанта Коломбо.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Закончилась очередная серия про Коломбо.

Э л л а. Умная женщина, а всё равно попалась.

К и р а. А потому, что в жизни всего не предусмотреть.
И потом, умная-то она умная, а любовника застрелила из самой обыкновенной ревности.

Э л л а. Что ж поделаешь! Природа! И звери ревнуют, да ещё как. Ум тут не при делах. Она же ещё подслушала, как они её обзывают, смеются над ней.

К и р а. Так что, убивать за это?

Э л л а. Женщина слышит, как мужчина, который уверял, что обожает, вместе с любовницей над ней смеётся, унижает эти её... сексуальные качества. Обидно!

К и р а. Вот если бы она после этого ворвалась в спальню и застрелила обоих, можно было бы сказать – аффект. А она преспокойно ушла, потом сплела целую интригу, переделась в шикарную брюнетку, заманила своего мужика, убила, подсунула улики... Значит, она – хитроумная гадина, считает, что никто не имеет права её словом тронуть, что она – великая, необыкновенная, ей всё позволено. А на всех этих самовлюблённых гадин есть лейтенант Коломбо. И он знает: всё позволено – никому не позволено!

Э л л а. Да, есть такие... Воображают себя необыкновенными...

К и р а. Это и есть самое обыкновенное – вообразить себя необыкновенными.

Э л л а. Да-а... *(Потягивается.)* Ну что, Кирюша. Давай квартиру приберём?

К и р а. Захреном?

Э л л а. Нет, нет, нельзя так... *(Собирает посуду со стола.)* Я помою потом... *(Складывает разбросанную одежду.)* А одежду в шкаф... *(Открывает шкаф.)* О-о... Что тут творится!

К и р а. Что там творится – ничего там не творится. Я знаю, что такое порядок, это надо все предметы распахать в ящики, и почему-то это называется – порядок. Так уж люди между собой договорились. Но я как-то всё не могу в это поверить до конца...

Э л л а. Нет, распахать предметы в ящики – это ещё не порядок. Надо, чтобы предметы из ящиков не вываливались! Тогда – порядок...

Рассматривает содержимое Киринового шкафа.

Э л л а. Ни одна вещь своего места не знает! Та-а-а-к... *(Вынимает светлый шёлковый шарф.)* Кира! А это что? Откуда у тебя этот шарф?

К и р а. Я помню, что ли. Без понятия.

Э л л а. Это твой шарф?

К и р а. У меня лежит, значит – мой. Наверное... Я не знаю.

Э л л а. Вещь у тебя в шкафу, а ты не знаешь? Что за безобразие! Вот приходи ко мне, я тебе расскажу про каждую тряпочку – где купила, за сколько купила, куда надевала, всю историю тебе изложу...

К и р а. Потому что ты тряпичница.

Э л л а. Я поражаюсь, как может такой невнимательный и неаккуратный человек быть главным бухгалтером.

К и р а. Может, если есть голова и опыт. И образование. А тряпки тут ни при чём вообще. Это никак личность не характеризует.

Э л л а. Очень даже характеризует! Это и есть характер! Откуда у тебя этот шарф, вспоминай.

К и р а. Чего мне вспоминать, когда я ничего про тряпки не помню. Вот хоть убей. Чего ты прицепилась? Шарф понравился? Возьми себе.

Э л л а. Этот шарф стоит тринадцать евро. Он продавался на распродаже. Париж, бульвар Сен-Мишель, магазин «Вуаля». Шесть лет тому назад.

К и р а. Я в Париже не была. Подарил кто-нибудь.

Э л л а. Кто мог тебе подарить МОЙ шарф?

К и р а. Твой шарф?

Э л л а. Да, мой. Я купила его к своему синему костюмчику. А потом он вдруг пропал. (*Нюхает шарф.*) Он ещё пахнет моими духами! Анж у демон.

К и р а. Что это – «анжудимон»?

Э л л а. Не анжудимон, а – анж у демон, ангел или демон, название моих любимых духов. Ты ими никогда не душилась!

К и р а. Не душилась. Мне хватает лавандовой воды. Ну изредка, на праздник – шанель номер пять.

Э л л а. Вот видишь, это мой шарф.

К и р а. Забирай его себе, если он твой, и если он не твой – тоже забирай.

Э л л а. Я заберу, но хотелось бы понять – откуда он у тебя. Так, вообще интересно.

К и р а. А могло быть, что ты его забыла в конторе, а я подобрала и сунула в свой шкаф, хотела отдать, а потом вылетело из головы?

Э л л а. Скорее всего, так оно и было. (*Что-то вспоминает.*) Хотя... Знаешь, я до конца не уверена, что это мой шарфик... Может быть, я и ошиблась...

К и р а. С какой стати ты ошиблась, если ты историю каждой тряпки своей знаешь? И твоими духами пахнет... Дай сюда.

Э л л а (*пытается записать шарф обратно и по-дальше*). Не надо, чёрт с ним...

К и р а (*грозно*). А ну дай сюда! Дай сюда быстро! Говоришь, анжудимон? (*Нюхает шарф.*) Проведём, так сказать, одорологическую экспертизу!

Э л л а. Ну, и что ты докажешь? Ничего не докажешь.

К и р а. А я, между прочим, вспомнила. Я этот запах вспомнила! Не тряпку твою проклятую, а запах! И вспомнила, где я нашла этот шарф. Не в конторе я его нашла!

Э л л а. Почему не в конторе, обязательно в конторе, а где ты его могла найти...

К и р а. Я его там нашла, где его быть не должно было! В нашем доме, в Курилках. Когда Иван Николаевич на бэхе разбился, а я на четвёртый день смоталась туда посмотреть, что да как. В гостиной у камина лежал этот шарфик! Сознавайся, тварь, это ты была в Курилках?

Э л л а. Была...

К и р а. Мой Иван с тобой валялся?

Э л л а. Со мной...

К и р а. И не в первый раз?

Э л л а. Ой, не души ты меня, не души, я всё скажу... лет пять...

К и р а. Что – лет пять?

Э л л а. Мы с ним – лет пять... валялись...

К и р а (*отпускает полузадушенную Эллу, задумчиво*). И ничего бы я не узнала, если бы не этот шарф поганый... Ты что, идиотка, промолчать не могла?

Э л л а. Да я разве нарочно? я вмертвую забыла, где я его забыла!

К и р а. А я думала – с кем Иван... В голову не пришло, что за спиной...

Э л л а. Что делать, Кирочка, я женщина, а у меня никого... обидно... а тут Иван перед глазами... усы эти его чёртовы...

К и р а. А почему Иван в ту ночь сорвался в город, пьяный за руль сел?

Э л л а. Убей бог, не знаю! Сама пьяная была! Он позвонил кому-то вроде – и заметался. Ключи от дома мне бросил – утром, говорит, отдашь... я ничего не поняла.

К и р а. Кому он позвонил?

Э л л а. Или ему позвонили... Не помню, не знаю!!!

К и р а. Проклятый день, двадцать девятое октября... Никогда не забуду...

Э л л а. Как я тебя понимаю! Ужасно – потерять кормильца...

К и р а. Собрала по кусочкам, почти на ноги поставила, а тут – инфаркт, потом сразу второй... И Маринка уезжает как назло! Отыскала где-то своего итальянца, чтоб он облысел, вот что они шляются по миру, что им не сидится дома...

Э л л а. А зачем он к нам приехал, кстати?

К и р а. Тогда совместное предприятие хотели делать, ни хера не сделали, только Маринку мою утащили, черти. Нормально, да? Ни мужа, ни дочери. Была я Кира Горина, главный бухгалтер «Витязя», а пришлось перед пенсией идти простым бухгалтером в «Калинку», и то спасибо добрым людям.

Э л л а. Так и мне пришлось работу искать. Ты хоть продала «Витязь», наварились...

К и р а. Чего там наварились, одни долги были...

Э л л а. Да ладно тебе! По-белому, конечно, выходило скромно, а по-чёрному?

К и р а. По какому чёрному?

Э л л а. Делает мне тут большие глаза... А бриллианты?

К и р а. Какие бриллианты?

Э л л а. Колье, три кольца, серьги, подвесок штук пять...

К и р а. Ты в своём уме?

Э л л а. Где-то здесь были. Иван мне показывал, хвастался... одно колечко – подарил. Вот это, кстати. Кирка моя, грит, равнодушна... Так он, значит, в обход тебя всё вертел...

К и р а. Рехнусь я, точно! Сначала шарф, теперь – бриллианты какие-то!

Э л л а. Где-то здесь... Я сюда заходила, он и вынул...

К и р а. Умирал, сука, ничего не сказал!

Э л л а. Кир, а давай тогда поищем эти бриллианты... тайник должен быть...

К и р а. Согласна. С уговором: ищем вместе, а то я тебя знаю, найдёшь – прикарманишь...

Э л л а. Я прикарманю?! Я?!

К и р а. Ишь как раскричалась. Честная очень? А мужа чужого тырить – это как?

Э л л а. Не тырить, а так. Попользоваться... это не воровство. Воровать можно только неодушевлённые предметы, а Иван Николаевич был очень даже одушевлённый. До второго литра, во всяком случае...

К и р а. Хорошо. Это не воровство, а хищение, тебя устраивает?

Э л л а. Нет! Похитить – это насовсем, а я брала немножечко и ставила обратно на место.

К и р а. Но зачем он, зачем!

Э л л а. Я всё-таки помоложе...

К и р а. Убью.

Э л л а. Да ладно тебе. Ленивый он был, твой Иван Николаевич. Взял что поближе.

К и р а. Понятно...

Э л л а. И потом, я модно одеваюсь...

К и р а. Убью.

Э л л а. Да ему по барабану было, как я одеваюсь.

К и р а. Вот именно.

Э л л а. Надо заметить, кстати, у меня нет ни одного лишнего килограмма...

К и р а. Убью насмерть.

Э л л а. Правда, Иван Николаевич любил полненьких. Налегай, бывало, говорит мне, на свинку с картохой, Элька, а то и пошщупать тебя не за что...

К и р а. Он не полненьких любил, а меня.

Э л л а. Вот я спорю, да? Я спорю? Я что-то возразила, да?

К и р а. Ещё бы ты возразила, ублюдина.

Э л л а. Мы будем бриллианты искать?

К и р а. А не врешь ли ты мне, Казанчук? Смотри в глаза! В глаза! Бесстыжие у тебя, Казанчук, глаза! Обмануть меня хочешь?

Э л л а. Да зачем мне тебя обманывать? Какая мне выгода? Когда я самолично видела. Колье, подвески, три кольца... Вот это, что на мне – самое скромное!

К и р а. Ну смотри у меня!!!

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Квартира перевернута. К и р а и Э л л а лежат без чувств.

К и р а (*стонет*). Гадюка ты гадюка, чистая гадюка. Зачем ты плитку в ванной разбила?

Э л л а. Был звук! Как будто пусто...

К и р а. Конечно, пусто, если там трубы...

Э л л а. Я думала – тайник.

К и р а. А унитаз зачем раскокала... немецкий!

Э л л а. Польский.

К и р а. Если раскокала, так сразу и польский?

Э л л а. С одного удара полетел – значит, польский. Я случайно! Рука соскользнула.

К и р а. Муку ты захреном рассыпала?

Э л л а. Он в муке-то и мог бриллианты спрятать! Там ёмкость на два кэгэ!

К и р а. А в чайнице ты что искала?

Э л л а. Кольца!

К и р а. Теперь мука с чайнками по всей квартире... И при этом – ничего нет. Никаких бриллиантов. Да их и не было. Признавайся!

Э л л а. Я видела, что видела. А он мог, конечно, перепрятать. Например, в Курилках. Где-то зарыть...

К и р а. Ты ещё и Курилки мои разгромить хочешь?

Э л л а. Своими глазами! В коробочке.

К и р а. Ну нету.

Э л л а. В Курилках...

К и р а. Врёшь.

Э л л а. Зачем?

К и р а. Отвлекаешь внимание. От вновь открывшихся обстоятельств! Признавайся: хотела у меня Иван Николаича увести?

Э л л а. Хотела. Говорила ему...

К и р а. А он?

Э л л а. Ничего не отвечал. Живот чесал... Кира... Кириуша... дело прошлое... Давай в квартире приберём и посмотрим что-нибудь.

К и р а. Коломбо!

Э л л а. Давай не Коломбо... давай про любовь...

К и р а. Нет! Тошнит меня от этой твоей любви. Не хочу про любовь, а хочу про справедливость! Тридцать два года с мужем прожила, с чем осталась?

Э л л а *(понемногу приводит комнату в порядок – поднимает стулья, одежду убирает в шкаф и т. д.)*. А я дома ежедневно убираю. Плюс каждую неделю – санитарный день. Раз в месяц – генеральная уборка... Нельзя это запускать. И потом, мужчины любят, когда чисто...

К и р а. Мужчины любят, когда чисто? Дура ты, дура. Вот уж им на что плевать, так на чистоту. Оставь одного мужчину в квартире на месяц и потом посмотри...

Э л л а. Так это когда сами... а когда они к женщине приходят, любят, чтоб чисто. А то, скажут, неряха...

К и р а. Скажут, скажут... так всю дорогу дрожим – ах, что про нас скажут. А говорить-то некому. Элла! *(Указывает на себя.)* Посмотри правде в глаза!

Э л л а. Не хочу. *(Продолжает свою нервическую уборку.)* Сама смотри правде в глаза, раз тебя заело на этом месте. Правда – враг жизни.

К и р а. Правда – враг жизни? Правда – враг твоей жизни, твоей, Элла Казанчук! А не нашей – с лейтенантом Коломбо...

Э л л а. Ты живёшь с лейтенантом Коломбо? Во сне, что ли?

К и р а. Не совсем. Понимаешь, я заметила такую штуку, только не надо ржать лошадиным голосом... Если выпить немного, ну, полбутылки виски...

Э л л а. Немного!

К и р а. На мой вес нечувствительно. Да, выпить – но при этом смотреть на экран, смотреть не отрываясь, смотреть во все глаза...

Э л л а. Ну, и что?

К и р а. Он приходит.

Э л л а. Кто приходит? Кайф?

К и р а. Лейтенант Коломбо.

Пауза.

Э л л а. Кто? Куда? Откуда? Когда?

К и р а. Ко мне приходит лейтенант Коломбо. Я оказываюсь вместе с ним...

Э л л а. В смысле секса?

К и р а. В смысле жизни. Он говорит со мной...

Э л л а. Что он говорит?

К и р а. Здравствуйтесь, говорит, мэмм...

Э л л а. Кира, ты... ой... бедная моя, ма-маленькая моя...

К и р а (*величественно*). Ты думаешь, я рехнулась?

Э л л а. Нет-нет. Я так... Что-то взгрустнулось вдруг... Что ты, Кира, ты всегда была такая исключительно твёрдая в психике... Топором руби – не расколешь...

К и р а. Он приходит ко мне и говорит со мной. Не веришь – давай проведём эксперимент. Вот экран. Вот виски. Каждые пять минут пьем по тридцать граммов, не отрывая глаз от экрана. И посмотрим, что получится! Может быть, он придёт. Брось свои напрасные хлопоты.

Этот мир – безнадежен! В нём нет и не было никакой справедливости, но если веришь, если ждёшь, если любишь – она придёт! Она – справедливость! И он – мой лейтенант Коломбо...

Э л л а. Ну давай... каждые пять минут по тридцать граммов – грамотно. Хорошо рассчитано... А, всё равно делать нечего, завтра выходной. Может быть, он и придёт – не Коломбо твой, конечно, а добрый старик карачун.

К и р а. Тогда начнём. Садись, смотри и жди!

СЦЕНА ПЯТАЯ

К и р а и Э л л а, сильно захмелевшие, смотрят на экран, где пребывает великий лейтенант Коломбо.

Э л л а. Э-это всегда так... Убили мужа – значит, это жена, убили жену – стопудово, это муж. А то кому надо...

К и р а. Может, действительно... Я имею в виду семейную жизнь... То есть, понимаешь... Когда бедные люди, вроде, ясно, почему, но ведь богатые тоже! В лачугах то же самое, что во дворцах. Это не потому, что еды мало, тряпки худые, не потому, что жить негде...

Э л л а. Ты о чём?

К и р а. Всех от всех тошнит, понимаешь? Во всём мире, во всех домах. В однушке какой-нибудь или в особняке в сто комнат, без разницы. Всех от всех тошнит...

Э л л а. Глупости! Полно обыкновенных семей, где никого не тошнит, и прекрасно люди живут вместе.

К и р а. Значит они... это... превозмогают тошноту. Скрипят зубами и живут. Мы надоедаем друг другу, Элла!

Неинтересные мы какие-то. Скучно! Мужьям надоедают жёны, а жёнам – мужья... Пары лет семейной жизни хватает за глаза и за уши...

Элла. Да, надо сразу бэбиков рожать, а потом...

Кира. А потом будешь мечтать, как бы его, ненаглядного, где бревном придавило.

Элла. Неправда! Я бы любила мужа.

Кира. Недоказуемо, потому как ты замужем никогда не была. Хотя в молодости казалась ничего себе... если б не характер.

Элла. Что в молодости, я и сейчас вполне-вполне. Я с одним прожила три года, в гражданском, считай, браке. И мне предлагали замуж, четыре раза предлагали.

Кира. И что?

Элла. Да такие неинтересные были варианты...

Кира. Не спорь, Элла. Не с твоим умишком со мной спорить. Говорю тебе: всё мираж. Работа мираж, семья мираж... Политика, экономика – всё мираж... Полиция – мираж... Жизнь – мираж... Я мираж, ты мираж... Всё на свете – мираж!!!

Появляется Лейтенант Коломбо.

Лейтенант Коломбо (*делает приветственный жест*). Мэм?

Элла. А!

Лейтенант Коломбо. Лейтенант Коломбо. Полиция Лос-Анджелеса.

Кира. Вот...

Кира и Элла молча смотрят на Коломбо.

АНТРАКТ

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Квартира Киры Гориной. Кира, Элла и лейтенант Коломбо.

Лейтенант Коломбо. Мэм?

Элла. А!

Лейтенант Коломбо. Лейтенант Коломбо.
Полиция Лос-Анджелеса.

Кира. Вот.

Элла (*Кире*). Можно его потрогать? Можно вас потрогать? Немножко... за руку?

Лейтенант Коломбо. Я бы вам этого не советовал, мэм. Вы огорчитесь. (*Уворачивается от Эллы, которой всё-таки удаётся схватить его за рукав.*)

Элла. Ничего! Как облако... мимо прошло... Значит, мы с Киркой допились...

Лейтенант Коломбо. Простите... Я вижу, вы расстроены. Я могу зайти в другой раз.

Кира. Нет! Не надо в другой раз. Сейчас очень хороший раз. Присаживайтесь, лейтенант.

Лейтенант Коломбо. Спасибо, мэм. (*Что-то долго ищет в многочисленных карманах, потом предъявляет удостоверение с жетоном.*) Я из отдела по расследованию убийств...

Элла. Убийств, да, мы знаем. Но у нас нет убийств...

Лейтенант Коломбо. Мэм?

Элла. Я хотела сказать, вообще убийств по району вагон и маленькая тележка, но здесь, в этой квартире, никаких убийств не было.

Лейтенант Коломбо. Прекрасная квартира. Моей жене она бы очень понравилась. Такие прочные стены... Это кирпич? Очень, очень солидно... Никаких

убийств, я понимаю. Просто мне нужно составить отчёт, и есть вещи, которые меня беспокоят. Вы не возражаете, если я выпью кофе? *(Вынимает термос из кармана.)* Я ещё не завтракал.

К и р а. Да мы вам сварим что угодно!

Лейтенант Коломбо. Спасибо, мэм, но ваша пища мне не подходит. Она из другого вида материи, понимаете?

К и р а. Понимаю!

Лейтенант Коломбо. Кира Горина?

К и р а. Она самая.

Лейтенант Коломбо. А вы, мэм?

Элла. Элла Казанчук. Я – Кирина подруга. Мы вместе работали...

Лейтенант Коломбо *(вынимает из кармана блокнот)*. Да, да... Видите ли, мэм, мне для отчёта надо кое-что уточнить.

Элла. Уточняйте, лейтенант, но я не понимаю, о каком отчёте речь и что вам надо. Какие отчёты у галлюцинаций?

Лейтенант Коломбо *(Кире)*. А вы, мэм, тоже не понимаете?

К и р а. Я-то как раз понимаю...

Лейтенант Коломбо. Речь идёт о двадцать девятом октября две тысячи хм-хм года. Когда на своём автомобиле разбился Иван Николаевич Горин, ваш муж, не так ли?

Элла. Да, её муж разбился, ну а я-то тут при чём?

Лейтенант Коломбо. Вечером двадцать девятого октября вы и господин Горин были на даче Гориных, в так называемых Курилках?

Элла. Ну, были. Подумаешь...

Лейтенант Коломбо. Простите, мэм, но я не из полиции нравов, а из отдела по расследованию убийств. Вы можете быть уверены, что все эти сведения останутся только в моём отчёте.

Элла. Я была с ним. Мы встречались. Ой, не знаю. Спали иногда.

Лейтенант Коломбо. И в тот вечер?

Элла. Собирались.

Лейтенант Коломбо (*Кире*). Мэм, вы не обязаны слушать...

Кира. Спокойно, лейтенант. Я послушаю. Нового тут ничего для меня нет.

Лейтенант Коломбо. Как проходила ваша встреча?

Элла. Мы приехали в Курилки, на его машине. Накрыли стол, я накрыла. Выпили. Потом ещё выпили. Уже неслабо выпили, а тут ему позвонили.

Лейтенант Коломбо. Когда прозвучал звонок?

Элла. После девяти. В начале десятого...

Кира. Ну да, он разбился в начале одиннадцатого.

Лейтенант Коломбо. Кто позвонил господину Горину?

Элла. Я не поняла. Он как закричит – что? что? когда? где?

Кира. Что-где-когда... А не заливаешь ли ты, Эллочка?

Лейтенант Коломбо. Как вы считаете, сведения, которые Иван Николаевич услышал по телефону, были неприятными? Что-то случилось? Кто-то требовал, чтобы он немедленно приехал?

Элла. Без понятия! Быстро собрался, кинул мне ключи – чтоб я дачу закрыла, сама вернулась в город и утром ключи ему отдала. Не представляю, кто ему позвонил. Он никакого имени не называл и в объяснения со мной не входил.

Лейтенант Коломбо (*пишет в блокноте*).
...имени не называл и в объяснения со мной не входил...

Кира. Ты же видела, что он пьяный. Ты всеми костями своими, затянутыми в якобы парижские тряпки, должна была лечь, но за руль его не пустить!

Элла. Хорошо, у меня кости, а у тебя мясо, и что – ты часто всем своим мясом Иван Николаича куда-то не пускала? Его не пусти попробуй, быка такого. Сорвался как с цепи.

Лейтенант Коломбо (*записывает*). ...как с цепи. И что было дальше?

Элла. А что дальше, ничего дальше. Я малость клюкнула, легла спать, утром на электричку...

Лейтенант Коломбо. А ключи?

Элла. А что ключи, ничего ключи. У меня остались. Потом, он уже дома лежал когда, после больницы, я отдала. Им там не до Курилок было.

Лейтенант Коломбо. Да, великая вещь – мобильный телефон. В моё время его не было.

Кира. С одной стороны, великая вещь. А с другой, жили мы и без этого.

Элла. Мало ли мы без чего жили. Я вот без мужа всю жизнь.

Лейтенант Коломбо. Мэм, вот в чём дело: я побеспокоил вашего оператора, и оказалось, что у вас даже два телефона.

Элла. Да, есть такое. Один для всех, другой для... избранных.

Кира. А как вы... побеспокоили оператора?

Лейтенант Коломбо. Зашёл в офис.

Кира. А на каком языке вы говорили? И – кто ж вам разрешил брать секретные сведения?

Лейтенант Коломбо. Я зашёл в офис после закрытия и посмотрел в базе данных. В моём положении есть свои маленькие преимущества.

Кира. Вас никто не видит, да? Кроме меня, да?

Лейтенант Коломбо. Вы и ещё несколько человек.

Элла. А вы Коломбо или Питер Фальк?

Лейтенант Коломбо. Питер Фальк? Артист, подаривший мне свой облик? Он умер, к сожалению. Образы, отпечатанные на белковом теле, так недолговечны...

Элла. А вы?

Лейтенант Коломбо. Пока был на плёнке, волновался. А теперь меня перевели на цифру – это почти вечность.

Кира. Почти?

Лейтенант Коломбо. Перед совсем вечностью есть почти вечность.

Элла. Кира, это бесполезно, мы как белковые тела не въедем в это никогда.

Лейтенант Коломбо. И вот что меня беспокоит. Я проверил и телефон господина Горина, исходящие и входящие звонки...

Элла. Невозможно! Столько лет прошло!

Кира. Почти вечность, Элла, почти вечность, не забывай...

Лейтенант Коломбо. Вот что меня беспокоит. После десяти вечера господину Горину звонили всего один раз – с вашего телефона, госпожа Казанчук. С вашего второго телефона, для избранных, который в мобильном господина Горина не определился. Ваш первый телефон, под именем «Элка», у него был в списке, а вот ваш второй – нет.

Элла. Элка... Не мог по-человечески меня записать.

Кира. Ты ему звонила? Ты всё подстроила?

Элла. Ну, понятно, что я. Но кто ж знал... Пьяный, подумаешь – он всю жизнь пьяный ездил. Я всего лишь хотела, чтоб он из дома убрался.

Кира. Что ты ему сказала, тварь?

Элла. Сказала, что Марину за наркоту задержала полиция, а я подружка. Что она в пятом отделении...

Лейтенант Коломбо. Объясните, мэм, зачем вы это сделали. Для чего вам было нужно, чтобы господин Горин убрался из дома?

Элла. Ох ты боже мой. Кольцо он мне показал, вот это кольцо. Хвастался. Я примерила, мне так на душу легло! А он сказал, что это первой внучке будет. Подарит первой внучке, а какой внучке, если Маринка тогда ещё замужем не была. Какие-то отдалённые перспективы. Я подумала... если сорвать его с места, он в город помчится, забудет про кольцо. А я потом скажу, что знать ничего не знаю, я кольцо сразу сняла и на стол положила.

Кира. Лейтенант, можно я её сейчас немножечко убью?

Лейтенант Коломбо. Нет, мэм, при мне этого никак нельзя сделать.

К и р а. Ты мне всю жизнь обрушила из-за этой стекляшки?

Э л л а. Это не стекляшка, я проверяла. Это настоящее.

К и р а. Уничтожила мою жизнь одним звонком.

Э л л а. Я не хотела...

Лейтенант Коломбо. Мэм, это ещё надо доказать – что вы не хотели.

Э л л а. Ну вот интересно, откуда я могла знать, что он там расквасится по пути? А вообще... конечно, зло брало всю дорогу, почему ей всё, а мне ничего? И муж, и деньги, и дочь-красавица. Это уж слишком на одно-то рыло! Что-нибудь одно – или муж, или деньги, или дочь-красавица, а ей всё сразу. Мне бы хоть дочку... или деньги... нет, лучше мужа... то есть если выбрать из трёх позиций...

Лейтенант Коломбо. Я уточняю, если допустить фантастическую ситуацию свободного выбора из трёх позиций – дочь, деньги или муж, вы выбрали бы мужа?

Э л л а. Я и выбрала мужа. Её мужа. Но он бы от неё никогда не ушёл. Так должна была я хоть что-то получить за свою погубленную жизнь? Я и взяла колечко.

Лейтенант Коломбо. Понимаю, понимаю... А почему, как вы думаете, Иван Николаевич никогда бы не ушёл от Киры Викторовны?

Э л л а. Ленивый был. Имущества не хотел делить. Говорил – жена у меня добрая и надёжная, а девок на раз-два я сколько хочешь найду. Да ещё ты, Элка, всегда под боком.

К и р а. Спасибо, Иван. Добрая и надёжная... понимал, значит.

Элла. Не знаю, что он там понимал, по-моему, ни фи́га не понимал. Ты – добрая? Ты – надёжная? Ой, прямо не могу.

Лейтенант Коломбо. А вы сколько лет знакомы с Кирой Викторовной?

Элла. Кир, мы когда познакомились, в тыща девятьсот восемьдесят ой-ой-ой, да? Я практиканткой была на заводе, в управлении... ты не помнишь?

Кира. Как не помнить. Привели дуру молодую, в пластмассовых серёжках до шеи.

Элла. Тогда мода такая была!

Кира. Волосы красные. Гроза общаги... Матерится как тракторист. Деревня, одно слово.

Элла. Да! И горжусь этим!

Кира. Как говорится, горжусь я тем, что вышел из деревни и счастлив тем, что вышел навсегда...

Элла. Я горжусь не этим, а тем, что прошла большой путь от дикарки до культурного человека!

Кира. Кто культурный человек – ты культурный человек?

Элла. Да! Я была в Петербурге! Когда мосты разводят, да! Я была в Париже! Я видела Джоконду своими глазами!

Кира. Ну и что? Когда Господь позовёт нас к себе, он спросит, не что мы видели – а что мы сделали.

Лейтенант Коломбо. Мэм, это мудро, мэм...

Кира. Я не сама... я где-то слышала...

Лейтенант Коломбо. Очень кстати вспомнили.

Кира. И что ты, культурный человек, сделала в жизни? Угробила человека из-за паршивой стекляшки.

Элла. Это не стекляшки.

Лейтенант Коломбо. Я почему интересовался, сколько лет вы знакомы... Кстати, получается – более тридцати?

Элла. Да. Ужас прямо сколько.

Лейтенант Коломбо. И за тридцать лет знакомства вы пришли к выводу, что Кира Викторовна – не добра и не надёжна? А зачем же вы дружили или, во всяком случае, были приятельницами?

Элла. А, так. Прибило жизнью...

Кира. Как тряпку к берегу, ага. Ты правду лейтенанту расскажи. Как ты в меня вцепилась, как присосалась, как всю жизнь мною пользовалась. Сколько ж я тебе одних только денег одолжила! А как я тебя делу учила, как заставила на курсы бухгалтерские пойти, а сколько ты лет у меня в доме жила, паразитка? И я не добрая после этого!

Элла. А вот добрые люди своими подвигами не хватаются.

Кира. Я хвалюсь? Я говорю, как было.

Лейтенант Коломбо. Мы возвращаемся к истокам основного события. Элла Ивановна, вы утверждаете, что никакого злобного умысла не имели, а только хотели прикарманить колючку?

Элла. Откуда умысел? Я ж его, сволоча, любила. Сам виноват, жадоба. Подарил бы мне кольцо, утром бы разъехались, и всем привет.

Лейтенант Коломбо. А ваша хроническая зависть к подруге не могла сыграть роковую роль в происшествии?

Элла. Зависть?

Лейтенант Коломбо. Но это так называется.

Элла. Почему сразу вдруг зависть...

Лейтенант Коломбо (*листает блокнот*).
«...Зло брало всю дорогу, почему ей всё, а мне ничего?»
Ваши слова? Это классически точное определение чувства
зависти.

Элла. Так ведь это всю жизнь. Я привыкла. Я хочу
сказать, что именно в тот вечер у меня никакого обостре-
ния не было.

Кира. Она хочет сказать, что всю жизнь меня нена-
видела равномерно. Без обострений.

Элла. Ничего подобного! Какая там ещё ненависть...
Я тобой восхищалась...

Кира. Оп-па!

Лейтенант Коломбо. А ведь это очень может
быть, Кира Викторовна, тут нет противоречия. Завидуют
как раз тому, кем восхищаются.

Элла. И я к ней привязалась за столько лет... Ну да,
вот так всё вместе... Не хотела я никакой беды, не дума-
ла...

Кира. А всё по-твоему сбилось! Ни мужа у меня те-
перь, ни денег, ни дочери! Как ты хотела! Ооо, так она
и квартиру мою напоследок разгромила, сказала – брил-
лианты тут спрятаны!

Элла. Это вообще не оттуда! Я чтоб отвлечь тебя от
расспросов!

Лейтенант Коломбо (*записывает в блок-
нот*). Отвлечь от расспросов...

Кира (*задумчиво*). Да, вот ещё надо добавить...
Ни мужа. Ни дочери. Ни – подруги... Теперь у меня со-
всем ничего нет. Нормально, да? Расскажите, люди до-
брые, можно так жить. А? Нет, вы мне расскажите, а я
послушаю!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Лейтенант Коломбо. Мэм...

Кира. Лейтенант?

Лейтенант Коломбо. Вы ничего не забыли?

Кира. Что я забыла?

Лейтенант Коломбо. Вы утверждаете, что у вас ничего нет. А?

Кира. Вы?

Лейтенант Коломбо. Мэм... вы бы не согласились стать моей женой?

Кира. Повторите, лейтенант.

Лейтенант Коломбо. Вы не согласились бы стать моей женой?

Кира. А как же миссис Коломбо?

Элла. Да, парень, ты женат!

Лейтенант Коломбо. Откуда вы это знаете?

Элла. Сам говорил.

Лейтенант Коломбо. Вот именно. Я парадоксальный мужчина, Кира Викторовна, обычно мужчины врут, что они не женаты, а я врал, что женат.

Кира. Зачем?

Лейтенант Коломбо. Такой приём. Отвлекающий манёвр... И потом, женатому полицейскому больше доверия. Мэм, уверяю вас, я не женат и никогда не был женат.

Кира. А почему именно?

Лейтенант Коломбо. Видите ли, дорогая, мне кажется, что вы и есть моя жена. Вы – миссис Коломбо, та самая, которую я придумал и о которой так много рассказывал. Добрая, чуть вздорная, надёжная и преданная мне женщина. Вы мне безумно нравитесь.

Кира. Я некрасивая.

Лейтенант Коломбо. В моём мире это не имеет никакого значения.

Кира. А вы меня возьмёте в свой мир?

Лейтенант Коломбо. Конечно. А что вам здесь делать?

Кира. Ваш мир, какой он – ваш мир, ваша почти вечность?

Лейтенант Коломбо. Много сходства с вашим миром. По форме он похож на Землю. Есть моря и горы, есть разные страны, есть города, люди... не миллиарды, само собой, но – сотни тысяч. В общем, как Земля, но гораздо лучше.

Кира. А зло?

Лейтенант Коломбо. Весьма умеренное.

Кира. Преступления?

Лейтенант Коломбо. Не такие ужасные, как у вас, и – все раскрываются. Ведь у нас есть то, что вы любите. У нас есть – справедливость.

Кира. Справедливость!

Элла. Э, подожди, давай карты на стол. А деньги у вас есть? А бриллианты?

Лейтенант Коломбо. Есть. Но – у всех.

Элла. Деньги есть у всех? Ха-ха. Какие же это деньги, если они у всех!

Лейтенант Коломбо. Справедливые.

Элла. Бриллианты у всех! Какие ж это бриллианты!

Лейтенант Коломбо. Да, в вашем смысле это не бриллианты. Просто – красивые камушки. Кто хочет, тот носит. Но это ничего не значит...

Элла. Стоп-стоп-стоп! Не-не-не... тут что-то не так. Какого чёрта... какого чёрта Кирку второй раз замуж

берут, я не понимаю... Куда ты вообще собралась? В какую почти вечность? Это же на тот свет! Ты же помрёшь тут в реале, никого не увидишь больше...

К и р а. Кого мне видеть – тебя, что ли? Вроде как навидалась я тебя до полной сытости.

Э л л а. Марина! Дочка!

К и р а. Не нужна я Марине. За полгода ни разу она мне не позвонила...

Лейтенант Коломбо. Вот и хорошо, вот и пойдём...

Э л л а. Ты согласна идти с ним на тот свет?

К и р а. С ним – согласна. А что-нибудь взять с собой можно?

Лейтенант Коломбо. Что взять?

К и р а. Фотографии, письма...

Лейтенант Коломбо. Что вы, дорогая, у нас есть все данные, весь банк информации. Можете пересматривать любые моменты своей жизни сколько хотите.

К и р а. А где мы будем жить?

Лейтенант Коломбо. У меня есть домик у моря. Я же на службе на хорошем счету.

К и р а. А я что буду делать?

Лейтенант Коломбо. Можете работать с цифрами. У нас много цифровых потоков...

Э л л а. Почему!!! Почему ты её берёшь, а меня не берёшь!!!

Лейтенант Коломбо. Мэм, она мне нравится, а вы – нет.

Э л л а. Вот ещё новости. Да я и не хочу ни в какую вашу почти вечность, где деньги есть у всех. Какой собачий интерес? Кирка, так если ты отбываешь насовсем,

я могу тут в квартире что-то себе взять на память? У тебя ожерелье такое было хрустальное, потом янтарный комплект, золотишко какое-то, а? Себе могу взять?

К и р а. Бери. В комод, в верхнем ящике, под бельём, денег шестьдесят пять тысяч, тоже бери.

Э л л а (*шарит в комод*). Шестьдесят пять всего?

К и р а. Остальное на книжке и тебе не достанется.

Э л л а. А шуба каракулевая где?

К и р а. Шуба тебе велика будет.

Э л л а. Я подгоню по фигуре!

К и р а. В шкафу шуба, в прихожей.

Э л л а. А ты не вернёшься, нет?

Лейтенант Коломбо. Мы не вернёмся. Миссис Коломбо, вашу руку?

К и р а. Постой. Присядем на дорожку.

Герои «салятся на дорожку».

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Э л л а. И что сорвалась, куда сорвалась, пожила бы ещё...

К и р а. Так мы жить и уходим, правда, лейтенант? Я просто хочу увидеть мир, где есть справедливость. А то что это такое... Пахала всю жизнь... Ни разу Иван Николаичу не изменила, ни разу! Ой... ой, лейтенант... а мы там его не встретим? Она там на меня права не предъявит?

Лейтенант Коломбо. Никак не возможно, мэм. Во-первых, Иван Николаевич, по моим сведениям,

совсем в другом отсеке Вселенной. Во-вторых, раз он вам изменял – брак недействителен.

К и р а. А повидать-то его можно?

Л е й т е н а н т К о л о м б о. Будем хлопотать.

К и р а. Тогда хорошо. Что ж, я готова, пойдём...

Звучит музыка. Кира и лейтенант, взявшись за руки, идут в сторону экрана.

Э л л а. Ой, ты куда, ой, пошли, пошли, уходят... Кира!!! Прости меня!!! Тварь я последняя, Кирюша!!! За ради бога прости! Кира, я умру без тебя! Кира, меня ведь хоронить некому!

Кира оборачивается.

К и р а. Хоронить?

Э л л а. Я ведь умру когда-нибудь... семьи нет... я на тебя надеялась. Кирочка... давай в Рим вместе поедem... Кир, скоро лето! Грибы пойдут... Кир, зачем тебе туда? Ты же здоровая совсем... Марина тебе внуков родит, обязательно родит... Кира! А что будет с Россией?? Если такие, как ты, уйдут с лейтенантом Коломбо?

К и р а (лейтенанту). Она плачет... Она действительно одна.

Л е й т е н а н т К о л о м б о. Вам решать, мэж.

К и р а. Твой чудесный мир, где есть справедливость... Как я хочу туда... Но теперь, когда я точно знаю, что он есть, может быть, не спешить?

Э л л а. Не спешить! Не спешить! Грибы! Внуки! Россия! Меня похоронить!

К и р а. Не знаю, что делать... Лейтенант, а когда мне настанет конец – ну, естественным образом настанет, ты придёшь за мной?

Лейтенант Коломбо. Обязательно, мэм. Я же за вами присматриваю. Я смотрю за всеми, кто верит в меня.

К и р а. А твоё предложение... про жену... оно останется в силе?

Лейтенант Коломбо. Конечно, мэм. Я подожду вас.

Э л л а. И могилы, могилы, кто смотреть за ними будет – тут родители твои, тут Иван Николаич...

К и р а. Иван Николаич, оказывается, в каком-то отсеке Вселенной.

Э л л а. Отсек отсеком, а прах уважать надо! Сколько мучался человек...

К и р а. Лейтенант, может, мне всё-таки остаться? И мечтать о тебе.

Э л л а. Я тебе другой сериал найду, есть «Закон и порядок», преступный умысел, американский, десять, что ли, сезонов, и хороший парень там, агент Горан, он тоже за справедливость, кстати, итальянец играет, не помню фамилии, и он помоложе будет твоего Коломбо... Хотя так грустно, этот Горан в первом сезоне совсем мальчик, а в пятом сезоне смотришь – уже виски седые... Жизнь... Кирюша, не уходи.

Лейтенант Коломбо. Вы, мэм, прямо змея. Хотите нас разлучить с Кирой?

Э л л а. А потому, что не надо делать вид, что вы один... Много вас таких красавцев. Все тихо-мирно живут себе на экране, а этот, понимаете, людям является! Вот

наш Штирлиц – он ничего такого себе не позволяет, а с ним бы любая пошла, да! Вы Штирлица встречали в принципе? Нашего Штирлица? Да вы вообще неизвестно кто. Может, вы нечистая сила.

Лейтенант Коломбо. Я?

Элла. Да! Вы! Заморочить женщину! На тот свет утащить! А там что? Рассказывает он про домики у моря, а там, может быть, даже виски нет.

Лейтенант Коломбо. Крепких напитков не держим...

Элла. Вот!

Лейтенант Коломбо. У нас есть что-то вроде вина. Бодрит, веселит, но такого типа опьянения, как у вас, у нас, конечно, нет. Стоит ли сожалеть об этом?

Элла. А мне всего жалко, чего не будет. Я жить люблю, просто жить, жить – без всякого смысла!!! Как амёбы живут! Кира, ты ведь тоже такая!

Кира. Я любила жить, пока ты у меня всё не порушила.

Элла. Да ладно тебе. Иван Николаич и без меня бы помер. Такие быки краснорожие долго не живут. А Маринка уехала – я виновата? Но твоя-то жизнь – она при тебе, так? И всё отдать в обмен на какую-то справедливость? Да плюнуть и растереть эту справедливость.

Кира. Ты и рассуждаешь, как... амёба. Не слушай её, лейтенант. Я тебя люблю и ни на кого не променяю. Ни на какого агента Горана...

Лейтенант Коломбо. Я знаю это, мэм.

Кира. Решено. Остаюсь и буду ждать тебя, лейтенант.

Лейтенант Коломбо. Прощайте, мэм. (*Целует ей руку, смотрит на Эллу.*) Нечистая сила! Надо же такое выдумать! Вы, мэм, нечистой силы не видали. Надеюсь, ещё увидите... (*Машет рукой Кире.*) Прощайте, моя дорогая! Жду! Надеюсь! Верю! (*Исчезает.*)

Элла обнимает Киру.

Элла. Кирюша! Какой ты молодец! Поступила, как человек.

Кира. Ушёл... И осталась я – с тобой... (*Падает на диван.*) О-о-о-о... Заснуть и забыть всё, всё, всё...

Элла. Давай, Кирюша, заснём, давай, дорогая...

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Кира и Элла лежат, как мёртвые. Экран телевизора погашен.

Элла (*очнулась*). О-о-о-о... Боже ж мой, боже... Вот это да, вот это надрались так надрались... какие были галлюцинации! Кирка, я тебя во сне видела с лейтенантом Коломбо! Кирка, давай просыпайся... Кира... Прямо как странно всё... она вроде не дышит... Кири...

Кира. Не трясись ты меня за ради Бога.

Элла. Живая!

Кира. Ну, так. Полуживая. Надо всё-таки водку пить родную, прозрачную... Мне от водки ни разу плохо не было.

Элла. Какое счастье, что мы живые!

Кира. Чего это ты... ну, живые...

Э л л а. Ты не понимаешь... Я сон видела – с лейтенантом Коломбо.

К и р а. И я сон видела с лейтенантом Коломбо, что тут удивительного – весь вечер смотрели на него, он и приснился.

Э л л а. Нам обеим?

К и р а. Нам обеим, так что?

Э л л а. А в твоём сне лейтенант... что делал? Говорил что-нибудь?

К и р а. Я детали не помню. Помню только, было счастье... Что-то о жене он говорил... Ой, обычные сонные глупости. Будто я и есть его жена.

Э л л а. А про меня говорил?

К и р а. Про тебя? С какой стати? Про тебя, Казанчук, мой лейтенант ничего не говорил. Тебя вообще в моём сне не ночевало.

Э л л а. Правильно! В твоём сне меня не было! А в моём сне тебя не было.

К и р а. А что тогда мой лейтенант в твоём сне делал?

Э л л а. Ничего такого... Просто появился, рукой помахал – здравствуйте, мэм! И ушёл. Подробностей не помню...

К и р а. Их и не было. Всё ты врёшь, Казанчук.

Э л л а. Может, и вру... Давай квартиру приберём, Кирюш?

К и р а. Давай прибирай. Сама мне тут вчера всё разгромила со своими бриллиантами.

Э л л а. Прости. Ей-богу, думала, есть брюлики, колечко ж он мне подарил...

К и р а. Не подарил, а ты украла.

Э л л а. Кира!

К и р а. Ты ведь не думаешь, будто я ничего не помню?

Э л л а. Значит, не приснилось...

К и р а. Приснилось, приснилось.

Э л л а. Ты прямо скажи, не намекай.

К и р а. А ты теперь живи и мучайся: что было, чего не было, что я помню, чего не помню...

Э л л а. У тебя где пылесос?

К и р а. В сортире, в углу стоит.

Э л л а. Ну, я схожу возьму... Главное – ты осталась, ты со мной... Кира, я тебя люблю вообще-то. *(Уходит.)*

К и р а. Дура! Любит она. Дорого мне вышло платить за твою любовь, Казанчук... Какое солнце сегодня. Надо в парк сходить погулять... Я, может, тоже тебя люблю, только через злость... Лейтенант, лейтенант, слышишь меня? Ты здесь, ты со мной? Да... Вот не могут люди жить просто, обязательно всё запутают... А тепло, градусов пятнадцать... Омлет на завтрак сделать? Или кашу? Казанчук, гадюка, глянь в холодильник, там яички остались, нет? И кофе свари!

ДОРОГАЯ КВАРТИРА

Драма в четырёх действиях

Действующие лица

Магдалина Марковна Филатова.

Алексей Андреевич, её муж.

Наташа, их дочь.

Матвей (Мотя), сын Наташи.

Матвей в детстве.

Гаянэ Гаэтановна, риелтор.

Олег Васильевич, покупатель.

Сергей Иванович, сосед Филатовых.

Действие происходит в Санкт-Петербурге.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира Филатовых. В столовой, где стоит круглый стол и буфет, сосед Сергей Иванович и Мотя играют в шахматы. Стреляет пушка Петропавловской крепости.

Сергей Иванович. О! Полдень в городе святого Петра! А мама всё спит?

Матвей. Да.

Сергей Иванович. Как ни приду, всё она спит... Ах вот ты что задумал, коварный греmlin. Выучил я тебя играть на свою голову!

Матвей (смеётся). Так всё правильно, Сергей Иванович, ученик должен превзойти учителя, так?

Сергей Иванович. Необязательно.

Матвей. Просто я много тренировался. Ну, там... в Индии. Делать было нечего. Как типичному лишнему человеку.

Сергей Иванович. А вот если пешечкой сюда... Лишних людей, Мотя, нет и быть не может. Если родился – всё, допущен к экзамену, как говорится...

Матвей. Когда к вам очередь в поликлинике, человек двадцать, вы тоже думаете, что нет лишних людей?

Сергей Иванович. Я на работе вообще не думаю.

Матвей. Наверное, даже рады, что сами заболели? Уж очень вы много работаете, дядя Серёжа, так нельзя... Вам шах.

Сергей Иванович. Откуда? А... Знаешь, Мотя, врачи-то сами терпеть не могут болеть. Из них самые скверные пациенты получаются... И ещё дурь-то какая – ангина, в пятьдесят восемь лет!

Матвей. Вот эта ваша телега из Чехова, что нужно трудиться, нужно работать – всё это... может, и правда, но не самая главная правда...

Сергей Иванович. Считаешь, не надо работать? А что делать?

Матвей. Жить.

Сергей Иванович. Тебе разве понравилось пять лет ничего не делать там, на Гоа на твоём? Ты, когда вернулся, другое говорил.

Матвей. А сейчас вспоминаю море, и у меня тоска. Я привык в воде жить. Задыхаюсь на суше...

Из своей комнаты выходит Наташа, необычайно красивая, но опустившаяся женщина, и бредёт нетвёрдыми ногами в сторону кухни.

Матвей замирает и не смотрит на неё.

Сергей Иванович. Наташа!

Наташа (*бормочет*). Допустим снова... Деревья тут не нужны. И красный плащ вышел из моды... И я вам не Маргарита... (*Удаляется.*)

Сергей Иванович. Никак не могу с ней поговорить по-настоящему. Вы когда вернулись?

Матвей. Шесть месяцев прошло. Шесть месяцев моей бессмысленной юности!

Сергей Иванович. Полгода, значит, не пробиться мне к ней. Она... бывает в форме?

Матвей. Вы имеете в виду просветы у неё в голове? Бывает, только редко и внезапно. Как случится такое чудо, я вам позволю, хотите?

Сергей Иванович. Да, Мотя, пожалуйста... Как она похудела, Господи! Три недели её не видел, она ещё похудела!

Матвей. Она же не ест ничего. Она и там ничего не ела. Но такая сильная, вы не представляете, начнёшь у неё отбирать... что-нибудь... она как тигр, честное слово! Она говорит, это не она, а её демон...

Сергей Иванович. Мотя, а ты почему всё время твердишь – она, она. Это же мама. Говори – мама.

Матвей. Как-то не выговаривается у меня... А вам ваша дочь пишет из Германии?

Сергей Иванович. Пишет. Я же «ВКонтакте».

Матвей. О, я тоже «ВКонтакте». Фейсбук злобный и политизированный...

Сергей Иванович. Я не разбираюсь. Я только из-за дочки...

Матвей. А бабуля во всех сетях сидит, представляете?

Сергей Иванович. Характер... Она и пятьдесят лет тому назад учила дворников подметать.

Матвей. Вы помните? Вы так давно её знаете?

Сергей Иванович. Чего ж не помнить, мне во семь лет было, голосок-то Магдалинин не скоро забудешь... «Дворник – солдат чистоты, вам ясно? А вы – раб водки! Мне стыдно выходить на лестницу! Я за вас убираю! Своими белыми ручками!»

В прихожей голоса. «Потому что я за них убираю, своими белыми ручками, Лёша!»

М а т в е й. Это наш голос! Предки вернулись. Пойду помогу, а вам по любому будет мат, дядя Серёжа!

Матвей убегает и появляется с Магдалиной Марковной и Алексеем Андреевичем. Алексей Андреевич после инсульта двигается с трудом и говорит невнятно.

Магдалина Марковна (*яркая, шумная, разукрашенная дама*). Лёшенька, садись, садись. Мы сейчас будем пить чай. Здравствуйте, дорогой, а мы как раз идём от нашего врача... как ваша ангина? Не целую, не целую, хотя очень хочется! Мотя, поставь чайник и руки помой хорошенько! Нам инфекция смерть, нам инфекция смерть! Лёшенька, пирожки к чаю будешь? Ты будешь пирожки? Мы по дороге купили пирожки в столовой. На Введенской, у них своя пекарня... (*Алексей Андреевич что-то мычит. Матвей уходит в кухню.*) Пирожки с яблоком, с изюмом, с грибами. (*Алексей Андреевич что-то мычит.*) Хорошо. С яблоком. Хорошо!

Сергей Иванович. Удивительно, как вы его понимаете.

Магдалина Марковна. Сердцем! Я слушаю сердцем.

М а т в е й (*возвращается из кухни*). Бабуля, у нас проблемы.

Магдалина Марковна. Не бабуля, а Магдалина. Или Магда. Никакой нет бабули, ещё выдумал, а, Лёшенька, какую-то бабулю! Я ещё ни дня не была старушкой! И не надо делать таинственное лицо. «У нас проблемы!» Наталья в кухне, так и скажи, чудовище в кухне.

М а т в е й. Чудовище в кухне, к чайнику не подойти. Путь в ванную тоже заблокирован.

М а г д а л и н а М а р к о в н а. У меня всё продумано! (Достаёт из буфета электрический чайник.) Нужна только вода! Мотя, прояви смекалку! Пирожки здесь. Посуда здесь. Чай – вот он. Влажные салфетки для рук – вот они. Мы преспокойно выпьем чаю! Преспокойно!

Матвей быстро убегает.

С е р г е й И в а н о в и ч. Магда, я бы хотел поговорить о Наташе...

М а г д а л и н а М а р к о в н а. Да. Поговорим и об этом. Мы обо всём поговорим.

Матвей возвращается с чайником, полным воды.

М а т в е й. Победа!

М а г д а л и н а М а р к о в н а. Прошу протереть ручки салфеточками... Сергей, я вам особую чашку, хорошо? Чтоб потом не спутать. У меня есть специально для больных, чашка с незабудками... Лёшенька, всё хорошо? Тебе удобно? Господа, мы будем пить чай, но не просто так, а я сделаю важное объявление!

Алексей Андреевич мычит.

М а г д а л и н а М а р к о в н а. Что такое, мой родной? Не торопиться? Я никуда не тороплюсь. Кусай пирожок, мой маленький дружок...

С е р г е й И в а н о в и ч. Хорошо восстанавливается Алексей. У него когда случилось?

М а т в е й. Да сразу, как мы приехали.

Сергей Иванович. Я ведь тогда не был в городе, отпуск. Сидел в деревне, не знал. Вы ничего не сообщили...

Матвей. Дед молодец.

Алексей Андреевич издаёт звуки.

Магдалина Марковна. И не спорь, Лёшенька, ты молодец. Молодец, вот, с ударением на первом слог! Серёжа, а зачем было вас беспокоить? Семейные делишки... Ждали дочь, вваливается чудовище. У меня-то стальные нервы, а Лёша...

Алексей Андреевич. На-та-ша...

Магдалина Марковна. Наташа в кухне.

Алексей Андреевич. Сю-да...

Сергей Иванович. Хорошо, что она вернулась. Оттуда редко возвращаются...

Магдалина Марковна. Она не вернулась, а сбежала. Она там долгов наделала на десять тысяч евро примерно, мне её приятели звонят.

Сергей Иванович. Угрожают?

Магдалина Марковна. Пока нет. Пока вежливо просят. И это тоже легло в основу решения... Прошу внимания, господа!

Алексей Андреевич. На-та-ша...

Магдалина Марковна. Лёшенька, я поняла. Мы ей потом скажем. Поставим перед фактом. Ешь пирожок, Лёша, ты же можешь сам, Сергей, видите, правая рука в полном порядке. Левая чуть хуже. Вот умница моя, вот лапочкин котик... Так. Сейчас напомним вещи очевидные: мы с вами люди небогатые. Мягко говоря... Деньги от продажи дачи мы пролечили. В семье никто не работает.

Матвей. Пока не работает! Это временно, ба...
Магда.

Магдалина Марковна. Мотя, ты пока не встревай, ладно? Твои интересы будут учтены. Поверь, я всё продумала, всё рассчитала, всё спланировала. Как всегда. На кухне алкоголя нет, Мотя, ты видел, она там что?

Матвей. Она вчера выходила, могла принести что угодно похуже алкоголя.

Магдалина Марковна. Кто её выпустил?

Матвей. Она ночью. Мы спали все.

Магдалина Марковна. Где она деньги берёт?

Матвей. Она говорит, ей черти дают. Наверное, кто-то узнаёт...

Магдалина Марковна. Кто её может узнать – ночью, на панели!

Матвей. На прошлой неделе «Снегурочку» опять показывали. По Пятому каналу. Легенды нашего кинематографа.

Магдалина Марковна. До чего бессмысленный канал! Сутками крутят всякую дрянь и называют «легенды нашего кинематографа». Ни стыда, ни совести.

Сергей Иванович. Неправда, «Снегурочка» замечательное кино. Люди любят...

Магдалина Марковна. Люди! Люди! Эти ваши люди. Надо её одежду спрятать.

Матвей. Она в ночной рубашке уйдёт.

Алексей Андреевич. На-та-ша...

Магдалина Марковна. Какая рубашка? Она в джинсах завалится и спит. Замок бы врезать...

М а т в е й. Будет биться об дверь, орать... Она дверь вышибет влёгкую.

Магдалина Марковна. Была Наташа у нас когда-то, Лёшенька, и нет никакой Наташи. Продолжаю. Продолжаю мужественно рассказывать о планах на будущее. Сегодня, буквально сейчас, мы узнали о замечательной клинике, где полностью, буквально полностью идёт восстановление после... наших случаев. Нетрадиционная китайская медицина. Курс лечения занимает около двух месяцев. Да, самое главное: эта клиника находится в Китае!

Сергей Иванович. Магда, ты извини, но я врач... Какая ещё нетрадиционная китайская медицина? Поверь, всё, что можно сделать, сделают у нас, я всё-таки знаю эту сферу...

Магдалина Марковна. Сергей, я прожила в России... ну, достаточно прожила, чтобы своего единственного мужа не бросать на съедение здешней медицине.

Сергей Иванович. В любой стране есть шарлатанство, халатность, некомпетентность и есть профессионалы. Найди профессионалов, я помогу, зачем нужно больного человека тащить на край света без всяких гарантий?

Магдалина Марковна. У этой клиники прекрасная репутация, тысячи случаев полного выздоровления.

Сергей Иванович. Откуда ты знаешь? Ты читаешь по-китайски?

Магдалина Марковна. У них есть реклама на русском. Решение принято, потому что в этой семье ре-

шения принимаю я, Магдалина Филатова. Итак, курс лечения длится около трёх месяцев и стоит на наши деньги если – примерно полтора миллиона. Таких денег у нас нет, да у нас никаких денег нет. У нас есть квартира.

Алексей Андреевич издаёт звуки, что-то вроде «до-ро-га-я».

Магдалина Марковна. Да, Лёшенька, дорогая квартира. Позвольте вам напомнить, что это моя квартира, то есть моих родителей. Я выросла в этой квартире, и вы можете себе представить, что творится сейчас в моей душе! *(Обращается к портрету на стене.)* Мамочка, ты всё видишь, я знаю, ты всё видишь! Итак, посчитаем: квартира стоит около пятнадцати миллионов...

Алексей Андреевич издаёт звуки.

Магдалина Марковна. Возможно, больше, но будем реалистами. Я провела ряд консультаций...

Матвей. Когда?

Магдалина Марковна. Я давно обдумываю этот проект. Итак: мы продаём квартиру, покупаем себе с Алексеем двухкомнатную, это шесть миллионов, тебе, Мотя, однокомнатную, это четыре миллиона, полтора уходит на лечение, и остаётся ещё три с половиной миллиона! Обратив эти средства в твёрдую валюту, есть ещё на свете, слава Богу, твёрдая валюта, мы можем с некоторым осторожным оптимизмом смотреть в будущее. Прекрасный проект, и я не вижу в нём недостатков.

Алексей Андреевич. На-та-ша...

Матвей. Вам двушку, мне однушку, я понимаю, а Наташа?

Магдалина Марковна. Нет никакого смысла...

Сергей Иванович. Прости, Магда, я не понял – нет смысла в чём? В твоей дочери?

Магдалина Марковна. Наташа – антисоциальный больной человек. Её следует определить на лечение в какой-нибудь интернат.

Матвей. Навсегда???

Появляется Наташа.

Наташа. Ура-ура! Те же и королева Маб! (*Запевает.*) «Как на тоненький ледок выпал беленький снежок...»

Магдалина Марковна. Садись, не скачи по комнате, не тревожь папу.

Наташа. Не признаю. Какие-то дети, родители. Ничего же этого нет!

В продолжение разговора двигается, открывает дверцы шкафа и буфета, заглядывает под диван, стирает воображаемую пыль со стульев, пританцовывает и так далее.

Магдалина Марковна (*Матвею*). В какой она фазе?

Матвей. Похоже, приняла стакан водки или в этом роде. Крепкое что-то. Не вещества. Потому что поёт. От веществ она не поёт, а у неё такое оцепенение особенное... Я уж изучил...

Наташа. Я разве обвиняю кого-то? Никто не виноват. То есть абсолютно. Мамочка, ты с утра уже вся в золоте! Золотая мать таким образом. Все золотые вообще.

Сергей Иванович. Наташа, здравствуй.

Наташа. И гениальный доктор с нами. Все зашибись какие великие. Одна я дерьмо.

Сергей Иванович. Я прихожу, ты всё спишь. Как ты себя чувствуешь?

Наташа. Тут, понимаете, одни микробы, свирепые русские микробы... Я бы всю мебель выбросила... На пол ковер белый, и стены белые. Я стихийный дизайнер времени и погоды, ты не знаешь? Дайте мне бокал водки, я хочу перевернуть мир. При чём тут совесть?

Алексей Андреевич. На-та-ша...

Наташа. Папаша! У папаши случился ударчик.

Магдалина Марковна. Этот ударчик носит твоё имя. Как ураган. «Удар Наташа».

Наташа. Отстаньте, мамаша, вы у него на шее сидите всю жизнь, вот человек и ослаб. Женщина вообще паразит.

Магдалина Марковна. Я на шее?

Сергей Иванович. Магда, не надо.

Наташа. Все пионеры дружно построились и пошли в задницу шагом марш. *(Запевает.)* «Люблю и таю... Люблю и таю...» *(Уходит в свою комнату.)*

Магдалина Марковна. Вот и объясните мне, Серёжа, зачем ей предоставлять жилплощадь.

Сергей Иванович. Вы за неё решать не можете. Она человек, и вообще... она здесь прописана. Вы и продавать квартиру не имеете права без её согласия.

Магдалина Марковна. Она даст доверенность.

Сергей Иванович. На кого – на вас?

Магдалина Марковна. На Мотю. Не посмеет не дать! Всю жизнь парню исковеркала...

Матвей. Прямо уж исковеркала.

Магдалина Марковна. Зачем она потащила ребёнка в этот наркоманский рай? Что он там делал пять лет, с кем общался, кто может сказать? С её подругами обдолбанными? Без родных, без школы! Представляю себе, чего он натерпелся, наш Мотя.

Матвей. Не представляешь.

Сергей Иванович. А я вот не представляю себе, чтобы мать заперла дочь на всю жизнь в психбольницу. Лишила жилплощади. Магда, что с тобой? Ты дочь Галины Филатовой, человек с высшим гуманитарным образованием, ты была преподавателем, ты замужем за порядочным человеком, и ты...

Магдалина Марковна. Ты её видел. Ты считаешь, это можно вылечить?

Сергей Иванович. Конечно можно!

Магдалина Марковна. Как вылечить, чем?

Сергей Иванович. Любовью.

Матвей. Дядя Серёжа, я её любил.

Сергей Иванович. А сейчас не любишь, что ли?

Матвей. Не знаю...

Магдалина Марковна. Так, если начистоту, милый доктор, то любви к ней у меня давно нет. И сил нет. И времени нет. И денег нет. У меня ничего нет, Серёжа! Только больной муж на руках и внук девятнадцати лет. И я буду спасать то, что осталось, так сказать, после катастрофы. Буду! Хотя почему-то никого не интересует в этой семье, здорова ли я, в порядке ли я, почему-то ре-

шено, что я – бронетранспортёр, я, понимаете ли, эскалатор, который всех везёт наверх. Кто везёт, на том и едут! Я сама, в мои годы, убираю лично всю эту махину! Своими белыми ручками! Так. Вернёмся к нашим делам. Насчёт квартиры. Хорошо, есть такой вариант, чтобы её купить домик в садоводстве, это недорого.

Сергей Иванович. Как она будет жить за городом одна? А зимой? А печку топить? Она погибнет, вы этого не понимаете?

Магдалина Марковна. Вот вы такой добрый, приезжайте к ней и топите печку. А на зиму можно поместить её в специальный санаторий...

Сергей Иванович. Я с ума сойду от вас!

Магдалина Марковна. Так забирайте эту драгоценность, эту Дульсинею из Тобосо к себе, вы же один живёте. А? Задумались? Покой и волю-то терять неохота? Проходит бесплатная жалость?

Сергей Иванович. Если бы я узнал про Наташино состояние, когда она только вернулась, я бы давно мог что-то предпринять...

Магдалина Марковна. Вы пульмонолог, Серёжа. У неё легкие в полном порядке, она пять лет на море сидела.

Сергей Иванович. У меня есть друзья – наркологи, вы это прекрасно знаете, просто вы всё скрывали...

Магдалина Марковна. Надо было хвастаться, да? Пойти на телевидение? Открыть шкаф и трясти скелетом на всю Россию?

Сергей Иванович. Надо было довериться человеку, которого вы знаете пятьдесят восемь лет.

Алексей Андреевич издаёт звуки.

Магдалина Марковна. Да, родной, да, мой хороший, пойдём отдохнём. Мы рано встали... Я хочу сказать, Мотя, что завтра с утра придёт риелтор. Поэтому убери хотя бы у себя в комнате. И не заметать под малое декольте, а убрать по-настоящему. Квартиру мы продаём и в Китай мы едем, это решено.

Магдалина Марковна уводит Алексея Андреевича, он издаёт звуки, и можно различить довольно чёткое «Ки-тай не хо-чу не на-до...»

Сергей Иванович. Да... Знаешь, Мотя, я думаю, фильмы ужасов – они на самом деле комедии.

Матвей. Согласен. Все эти монстры – такие смешные, наивные. Весь ужас у них наружу. А по-настоящему он внутри.

Сергей Иванович. Эти шахматы я тебе подарил на день рождения, помнишь?

Матвей. Дядя Серёжа, конечно помню! Я тогда большой был, девять лет!

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Квартира Филатовых. Накрыт стол. Наташа сидит за столом, Алексей Андреевич втыкает свечки в торт, зажигает.

Алексей Андреевич. Магда, всё готово, выводи зверя огромного!

Магдалина Марковна торжественно выходит с маленьким Мотей, он в нарядном костюмчике, с бабочкой.

Магдалина Марковна. Ну! Оцени. Каков костюмчик! Маленький принц.

Алексей Андреевич. Юный джентльмен.

Наташа. Не знаю, не знаю... Что-то из оперетты. Типа летучая мышь. Тебе удобно, малыш, в этом прикиде?

Матвей молчит.

Наташа. Ты не волнуйся, мы сейчас чаю попьём и переоденемся. В парк пойдём в нормальном виде.

Магдалина Марковна. Не понимаю, причём тут удобства. Удобно в шкурах было ходить, а приличная одежда не может быть удобной.

Алексей Андреевич. Да, что кошмарней рубашки с галстуком? Ненавижу. Всю жизнь ношу...

Магдалина Марковна. А что бы ты хотел?

Алексей Андреевич. Тунику! Как греки! Или – тогу, как римляне...

Наташа. Папа был бы неотразим в тунике.

Магдалина Марковна. Папа в чём угодно неотразим. Всё, Мотя, задувай свечки! Раз, два, три! С днём рождения!

Матвей всё прилежно исполняет.

Наташа. Интересно придумано – надеть белую рубашку на ребёнка и предложить ему тортика.

Магдалина Марковна. Он аккуратный мальчик, ничего страшного. Мотя, ложечку возьми, не руками, а ложечкой ешь, вот так... Дай хоть полюбоваться внуком на прощание.

Алексей Андреевич. Да, теперь неизвестно, когда и увидимся.

Наташа. Как будто мы не в Москву едем, а на тот свет, смешно.

Магдалина Марковна. Для нас это именно на тот свет.

Наташа. Шестьсот километров! Час лететь. Не понимаю.

Алексей Андреевич. Ты молодая...

Наташа. Да уже не очень молодая, папа.

Алексей Андреевич. Тридцать один год – не молодая? Мотя, мама молодая?

Матвей. Мама молодая и красивая!

Магдалина Марковна. Мотя, а ты хочешь жить в Москве?

Матвей. Не знаю...

Магдалина Марковна. Вот видишь, Наташа.

Наташа. Мама, я вам Мотю не оставлю, сто раз говорено.

Алексей Андреевич. Мы, Лина, люди прошлого, нам не доверяют...

Наташа. Да не в этом дело, папа... Скажем так: меня тревожат ваши стереотипы. Вы будете лепить Мотю под себя, под свои представления о жизни. Я не могу этого допустить.

Алексей Андреевич. Чем плохи наши стереотипы, как ты выражаешься?

Наташа. Взять хотя бы этот наряд!

Магдалина Марковна. В Гостином дворе выбирала... Новый, бирка есть. Посмотри цену...

Наташа. Мама, я верю, что костюм новый. Но он бархатный!

Магдалина Марковна. Это плохо?

Наташа. Это кошмар! Мальчик в бархатном костюмчике... тортики, свечечки, мура эта ваша мещанская... (Сдирает с Моти пиджак, бабочку, рубашку.)

Магдалина Марковна. Прекрати!

Наташа. Мотя, тебе так удобно?

Матвей кивает.

Магдалина Марковна. Мотя, надень рубашку.

Матвей собирается надеть рубашку.

Наташа. Если ты наденешь рубашку, я отменю гуляние в парке с твоими друзьями.

Матвей застывает. Звонок в дверь.

Алексей Андреевич. Это Серёжа. Так, поскольку я здесь царь Соломон, прошу тебя, Мотя, иди к себе и переоденься во что хочешь. Не будем перед соседями позориться, хорошо?

Мотя убегает. Магдалина Марковна идёт открывать дверь.

Алексей Андреевич. Не знаю, как мне дожить до твоего отъезда.

Наташа. Два дня осталось, потерпи.

Алексей Андреевич. Ты понимаешь всё безобразиие этой сцены?

Наташа. Я не могу дать вам погубить моего ребёнка. Я буду бороться.

Алексей Андреевич. Это ты его погубишь, а не мы! Чем мы его можем погубить – бархатным костюмчиком?

Наташа. Вашими ржавыми тухлыми мозгами имени товарища Сталина! Долбаным вонючим вашим совком!

Алексей Андреевич. Да... Посмотрели бы твои поклонники, как выражается их Снегурочка... Дитя Весны и Мороза, так сказать.

Входит Сергей Иванович с букетом цветов.

Сергей Иванович. С днём рождения сына, драгоценная Наташа!

Наташа (*небрежно положила букет на буфет*). Спсб. Вообще-то не надо было его рожать. В двадцать два года ребёнок – это безумие.

Алексей Андреевич. Нельзя сказать, чтобы ты сильно перетрудилась на материнской должности. Я совершенно не понимаю, что будет в Москве. Кто станет заниматься ребёнком?

Наташа. Ах, папа, хватит. Наймём няню. Костя состоятельный человек, а мне надо какую-никакую карьерочку делать.

Сергей Иванович. Тебя все должны помнить, ты же наша Снегурочка.

Алексей Андреевич. Фильм вышел пятнадцать лет тому назад...

Сергей Иванович. Вот и хорошо, тем детям, что его смотрели, сейчас под тридцать, они всюду рулят, принимают решения...

Наташа. Сколько там кому чему лет, мы сейчас обсуждать не будем, дела у нас простые и ясные. Всё в Мо-

скве. Деньги в Москве, кино в Москве, власть в Москве. Костя в Москве.

Алексей Андреевич. Только мы не в Москве. Ты поедешь карьерочку делать, а что будет с нами, не всё ли равно. Период дожития, товарищи пенсионеры, готовьтесь на выход.

Входит Магдалина Марковна с подносом, на нём шампанское и бокалы.

Магдалина Марковна. Теперь по бокальчику за внука!

Сергей Иванович. С удовольствием, а где сам виновник торжества?

Наташа. Переодевается.

Сергей Иванович. А, в роскошный костюм, который вы вчера купили, Магда?

Наташа. Наоборот.

Сергей Иванович. Не понял.

Алексей Андреевич. Давай, Лина, я разолью напиток... Вы, Серёжа, вообще, как я замечаю, многого не понимаете... Вы как будто радуетесь, что Наташа уезжает, а вот чему вы радуетесь?

Сергей Иванович. Я так понял, что Наташа выходит замуж.

Алексей Андреевич. Тогда вы единственный в этом доме, кто так понял.

Магдалина Марковна. Лёша!

Алексей Андреевич. Предлагаю всем присутствующим не жить в мире иллюзий, переходящих в галлюцинации. Наша дочь, Наташа, безработная незамужняя женщина без образования и без профессии, уезжает

к любовнику и тащит за собой ребёнка. (Во время речи Алексея Андреевича в комнату входит никем не замеченный Матвей. Переодетый в майку и джинсы.) Ребёнка девяти лет, нервного, нездорового мальчишку, которому надо расти в нормальной семье, надо спокойно учиться, тащит в столицу, где он будет заброшен и забыт абсолютно.

Магдалина Марковна. Лёша, ты говоришь без галлюцинаций, но это твоя галлюцинация, что он будет заброшен.

Наташа. Вы сами галлюцинации. Уроды уродской страны. Профессоры кислых щей! Ты, папа, что преподавал – диалектический материализм? Теперь всё накрылось медным тазом, так на дочери отыгрываешься? Не любишь свободных людей?

Алексей Андреевич (Сергею Ивановичу). Поскольку ваша Наташа ничему не училась, так даже не знает, что диалектику открыл не Ленин, а Гегель, и с её законами решительно ничего не произошло оттого, что русские профукали всё, что могли.

Магдалина Марковна (Матвею). Киса моя, хочешь лимонадику?

Алексей Андреевич. Мы тут спорим, Матвей... Ты не поймёшь...

Матвей. Я понял, что диалектику придумал Гегель, а русские её профукали. Как в шашках, да? А что такое диалектика?

Наташа. Bravo, сынок. Умный сын. Твоя безработная незамужняя мама сделает так, что у тебя будет всё самое лучшее. Лучшая школа, лучшие друзья. Мы станем путешествовать, ты увидишь мир, ты забудешь

как жуткий сон эту старую пыльную квартиру с парой злобных старичков, которые ненавидят собственную дочь!

Матвей. Mamочка, не надо, мамочка...

Сергей Иванович. А у меня подарок для тебя – два подарка, обыкновенный и волшебный. Это шахматы, а это чудесный телефон, стоит набрать несколько цифр – и ты можешь говорить с кем захочешь, в таком сказочном мире мы сегодня живём.

Матвей. Дядя Серёжа!!! Дядя Серёжа!!! А я просил – просил...

Алексей Андреевич. Да, сказочный мир... Позвонить кому захочешь... А кому звонить, зачем, этого сказка не говорит...

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Матвей и Сергей Иванович.

Матвей. А я ваш телефон сохранил, дядя Серёжа. Он долго-долго пахал, лет восемь. Сейчас лежит как ветеран боевых, два раза тонул только, а падал... У меня чёткий план жизни, честное слово. Я вот сдам экстерном за среднюю школу, поступаю в институт, буду подрабатывать... А если вдруг своя квартира...

Сергей Иванович. Ты представляешь свою маму в садовом домике в ста километрах от города? Ты понимаешь, что это будет?

Матвей. Что мне понимать, мы и жили пять лет в садовом домике, можно сказать, только на море. Я буду помогать, буду ездить... Только я жить с ней

больше не могу, дядя Серёжа, вы не знаете... она... в ней кто-то живёт другой, он может ударить, убить, поджечь... сколько раз было, не сплю, сторожу, чтоб она нож не взяла или дом не подожгла, а она весёлая такая, хихикает... и глаза сверкают. Я не знаю, что делать, дядя Серёжа.

Сергей Иванович (*обнимает мальчика*).
Дружочек ты мой, если бы кто-нибудь знал, что делать с людьми, если бы хоть кто-нибудь знал!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Магдалина Марковна одна.

Магдалина Марковна. Нет скатерти. Нет как не бывало. Не могла же она её продать? Старая была скатерть, но шикарная, гобелен! Я уже не справляюсь с квартирой, забываю, где что... Альцгеймер это или не Альцгеймер, а всего лишь старый добрый маразм, вот в чём вопрос. На Сергея можно надеяться, он задержит чудовище, повёл её куда-то якобы на прогулку... обещал показать другу-наркологу. Но он влюблённый чудака и она запросто обведёт его вокруг... вокруг пальца, так скажем. Мы на вулкане! (*Звонок в дверь.*) Риэлтор!

Уходит и возвращается с Гаянэ Гаэтановной.

Гаянэ Гаэтановна. Добрый день ещё раз! (*Сматривает как бы в радостном удивлении.*) Сейчас угадаю. Лев!

Магдалина Марковна. Никакой не Лев, если вы о муже, он Алексей. А я Магдалина Марковна.

Гаянэ Гаэтановна. Он-то, конечно, у нас лев. Но в переносном смысле, а вы в прямом – по звёздам.

Магдалина Марковна. А! Вы знаете, так и есть. Да, я Лев, августовский Лев.

Гаянэ Гаэтановна. И типичный! Благородный царь. Все решения принимает сам и один.

Магдалина Марковна. К сожалению, приходится. Вот (*разводит руками*) сами видите, сто двадцать метров. Простите, вы... как мне к вам обращаться... я же с Ашотом Арменовичем говорила...

Гаянэ Гаэтановна. Гаянэ Гаэтановна, прошу – вот моя визитка. Там что? Кладовочка двенадцать метров. Кто-то живет? А тут что? – здравствуй, мальчик! Типичный Водолей! – так, понятно. Гостиная вот она.

Магдалина Марковна. Двадцать восемь. А там наши с мужем две смежные по двадцать. Кухня большая...

Гаянэ Гаэтановна. В кухню я сразу заглянула. Да, квартира прекрасная, на две стороны, вид на воду, центр. Последний ремонт был двадцать пять лет тому назад?

Магдалина Марковна. Двадцать семь. Я ещё работала, деньги были. Я преподаватель вокала.

Гаянэ Гаэтановна. А! Вы меня ранили в душу. Я в юности пела, как я пела! (*Поёт что неопределённо-восточное.*) Брала уроки у самого Делисова, вы слышали про Делисова? Он открывал спрятанный голос!

Магдалина Марковна. Никогда не слышала ни про Делисова, ни про спрятанный голос.

Гаянэ Гаэтановна. Ну как же. У нас ведь есть в голове спрятанный голос, мы можем петь беззвучно, про себя. Наяву у вас ни слуха, ни голоса, а внутри Каллас и Шаляпин! Вот этот голос Делисов и выводил наружу!

Магдалина Марковна. Фантастика.

Гаянэ Гаэтановна. По методике Карджиева, тайные технологии магистров Белой Звезды.

Магдалина Марковна. Так господин Делисов вывел наружу вашу спрятанную Каллас?

Гаянэ Гаэтановна. Он приступил. И тут распался Советский Союз.

Магдалина Марковна. Я надеюсь, между этими событиями нет прямой связи?

Гаянэ Гаэтановна. Роковое совпадение. Учителю пришлось уехать в Германию, я оказалась здесь... К тётке приехала, у неё две комнаты в коммуналке, шесть человек семья, муж кобель, а мне двадцать лет тогда всего было, представляете картинку? Да, мой спрятанный голос учитель почти что вывел наружу, а вот слух не успел. Но моя страсть к музыке навеки со мной, я член клуба любителей оперы, веду свой блог...

Магдалина Марковна. Чаю хотите?

Гаянэ Гаэтановна. С удовольствием. Целыми днями на ногах... Денежки-то бегают, сами знаете. А мы бегаем за денежками...

Магдалина Марковна. Гаянэ Гаэтановна...

Гаянэ Гаэтановна. Просто Гаянэ, как у Хачатуряна.

Магдалина Марковна (напевает из «Гаянэ»). Да-да... Скажите, трудно сейчас продать квартиру?

Гаянэ Гаэтановна. Если честно, продать такую квартиру, как ваша, сейчас практически невозможно. Кто может это купить? Иностранцы? Вероятность стремится к нулю. Люди из Нижневартовска и Нефтеюганска? Они предпочитают новодел в центре.

Магдалина Марковна. А петербуржцы разве ничего не покупают?

Гаянэ Гаэтановна. Откуда? Петербуржцы покупают однокомнатные для детей. Кому по карману такая машина и для чего? Остаются москвичи. Это вариант... И он у меня есть!

Магдалина Марковна. Богатый москвич.

Гаянэ Гаэтановна. Да! Сажает сына директором в питерский филиал и хочет старую квартиру в тихом центре. Олег Васильевич Боков. Не слышали? Настоящая зверюга, как все богатые, но с чувством – любит город, прямо плачет... Телец по Зодиаку. Я вам его сейчас подгоню. Но если у вас срастётся, вы же меня не забудете, правда? *(Напевает из «Гаянэ».)* Один процент от продажи. Вообще не о чем говорить. Оформим по расписке как долг.

Магдалина Марковна. Я согласна.

Гаянэ Гаэтановна. Вот твёрдый голос Льва! *(Звонит по телефону.)* Олег Васильевич, адресок на Грибоедова подтвердился, хозяева ждут. *(Магдалине Марковне)* Скоро будет. Вас тут сколько человек прописано?

Магдалина Марковна. Четверо.

Гаянэ Гаэтановна. Несовершеннолетних детей нет?

Магдалина Марковна. Нет.

Гаянэ Гаэтановна. Отлично. Обременения какие-нибудь?

Магдалина Марковна. О... Нет, обременений нет, но...

Входят Алексей Андреевич и Матвей.

Матвей. Квартиру будут смотреть? Покупатель?

Алексей Андреевич. Кто-кто...

Магдалина Марковна. Гаянэ, это муж, Алексей Андреевич, это внук Матвей.

Гаянэ Гаэтановна (*Алексею Андреевичу*). Ой, вы отдохайте, отдохайте. Мы квартирочку посмотрим быстренько...

Алексей Андреевич. На-та-ша...

Магдалина Марковна. Не волнуйся, она гуляет, с ней Серёжа.

Гаянэ Гаэтановна. Наташа?

Магдалина Марковна. Дочь моя.

Гаянэ Гаэтановна. Она здорова?

Магдалина Марковна. Она здорова, а почему вы спрашиваете?

Гаянэ Гаэтановна. Ах, боже мой, хозяйка, я не знаю сама, что спрашиваю, всякое бывает, я уверяю вас, вы мне можете всё рассказать, абсолютно всё, чего я не видела, я видела всё на свете, вы не представляете, что творится – там, за дверьми, в квартирах. Пока двери закрыты, тишь да гладь, а как двери откроются, тут и полезло.

Матвей. Что полезло?

Гаянэ Гаэтановна. Ну, эти. Недра! То есть удивительно, что люди летают в космосе и скоро на Марс

полетят, я не понимаю, кто им вообще разрешил куда-то летать, когда у них такое в квартирах.

М а т в е й. Может, у космонавтов всё нормально, в их квартирах?

Г а я н э Г а э т а н о в н а. Мальчик мой драгоценный! Ты сам посмотри, что в мире делается! Знаменитые на весь мир артисты-миллионеры, спортсмены-чемпионы жён бьют-убивают, спиваются дочиста. А космонавты что, не люди? Вот мы когда будем жить как положено, тогда можно в космос летать.

А л е к с е й А н д р е е в и ч. Да-да-да...

Г а я н э Г а э т а н о в н а. Вот! Дедушка согласен.

Звонок.

Г а я н э Г а э т а н о в н а. Это он!

Магдалина Марковна и Гаянэ Гаэтановна уходят открывать и возвращаются вместе с покупателем.

Г а я н э Г а э т а н о в н а (*торжественно*). Олег Васильевич!

О л е г В а с и л ь е в и ч. Добрый день, господа.

Алексей Андреевич и Матвей кивают, здороваются.

Г а я н э Г а э т а н о в н а. Это хозяйева. Магдалина Марковна, Матвей, Алексей А-а-а... немножко мы тут нездоровы...

О л е г В а с и л ь е в и ч. Ну так если у нас всё срastётся, будет на что и полечиться.

М а г д а л и н а М а р к о в н а. Мы и собираемся! В Китай. Там врачи, говорят, творят чудеса.

Олег Васильевич. На китайские чудеса вам уж точно хватит. Однако не советую. (*Гаянэ Гаэтановне*) Показывайте, где что.

Гаянэ Гаэтановна. (*уводит Олега Васильевича смотреть квартиру*). Квартирка прелесть. Кухня двадцать два, гостиная двадцать восемь...

Алексей Андреевич. Ки-тай не на-до...

Магдалина Марковна. Лёша, сейчас они посмотрят квартиру и уйдут...

Матвей. Этот может купить, да, бабушка?

Магдалина Марковна. Мотя!!!

Матвей. Магда, Магда.

Магдалина Марковна. Что деньги с человеком делают. Так-то он старый хряк, больше ничего. А смотри, какой важный да полированный, прям блестит. Не говорит, а изрекает – «на китайские чудеса вам уж точно хватит, однако не советую». Не советует он! Кто тебя спрашивал, буржуй недорезанный?

Матвей. Магда! Это что за предьява – буржуй недорезанный?

Магдалина Марковна. А потому что козлы.

Матвей. А кто не козёл?

Магдалина Марковна. Хотя бы сосед наш, дядя Серёжа.

Матвей. Согласен...

Магдалина Марковна. Он доктор! Квалифицированный специалист. Он самый главный, самый основной на свете. А этот... волдырь – кто такой? Филиал фирмы он открывает! Сука в ботах. А провалился бы он в преисподнюю со своей фирмой, никто бы и не вздрогнул. Представляю, каков его сынок, сучий потрох. В на-

шей квартире будет жить, выродок... В квартире, где моя мама жила, народная артистка Советского Союза Галина Филатова, начнутся оргии!

Алексей Андреевич. Не на-до...

Магдалина Марковна. Что не надо, Лёшенька?

Алексей Андреевич. По-да-ва... не на-до по-да-вать...

Магдалина Марковна. Продавать не надо? Лёша, ты думаешь, я этого хочу? Я вся застыла от ужаса. Но это душа моя оцепенела, а разум говорит спокойно и твёрдо: надо. Надо. Это выход, а без выхода в жизни нельзя. Сумасшедшая дочь, больной муж, внук не устроен абсолютно. Надо продавать. Это как хирургическая операция...

Возвращаются Олег Васильевич и Гаянэ Гаэтановна.

Гаянэ Гаэтановна. Мы довольны!

Магдалина Марковна. Может быть, чаю?

Олег Васильевич. Спасибо, нет. Этот стул не треснет под моей задницей? Гарантируете? А то я человек тяжёлый. Ну что сказать... Квартира, по идее, неплохая...

Магдалина Марковна. Конечно, требует ремонта.

Олег Васильевич. Да, она требует ремонта и она его получит, если мы договоримся. Гаянэ назвала вашу цифру, цифра ваша дикая и взята с вашего треснувшего потолка.

Магдалина Марковна. Мы заявляли пятнадцать, и не вижу тут ничего дикого. Сто двадцать метров, вид на воду... Петербург, самый центр!

Олег Васильевич. Да что хорошего в этом вашем Петербурге?

Жильцы квартиры начинают производить тревожные, рассерженные движения.

Магдалина Марковна. Нет слов! Нет слов! Я бывала за границей, простите, забыла, как вас зовут, и более прекрасного города на свете нет и не может быть, и если вы... если для вас... если вам это неизвестно и не нужно, давайте прекратим бесполезный разговор.

Гаянэ Гаэтановна. Олег Васильевич просто пошутил!

Олег Васильевич. Конечно пошутил. Я сам здесь родился, на Васильевском, в Девятой линии. Географический факультет Университета закончил... В Морском регистре работал, ей-богу... Потом стала другая жизнь...

Магдалина Марковна. Это меняет дело. Это вы, значит, как эмигрант – раз уехали, так нужно всю прошлую жизнь немножко обгадить, чтоб не обидно было. Себе самому доказать: вот, правильно я уехал.

Олег Васильевич. Это неглупо вы сказали.

Магдалина Марковна. Вы думаете, квартиры одни лузеры продают, дурачки беспомощные?

Олег Васильевич. Я ничего такого не говорил. Я просто хотел поторговаться, это моё право покупателя!

Магдалина Марковна. Пятнадцать и ни копейкой меньше.

Олег Васильевич. А если четырнадцать?

Магдалина Марковна. А четырнадцать будет в другом месте.

Олег Васильевич. Четырнадцать пятьсот.

Магдалина Марковна. Пятнадцать!!!

Олег Васильевич. Четырнадцать восемьсот.

Магдалина Марковна. Пятнадцать.

Олег Васильевич. Вы на мою тещу так похожи, кошмар... Четырнадцать девятьсот.

Магдалина Марковна. Четырнадцать девятьсот? Вы, рублёвый миллиардер, из-за ста тысяч торгуетесь?

Олег Васильевич. Я за сто рублей порвать могу. Вы слышали про звериный оскал капитализма? Вас же предупреждал сорок лет тому назад политический обозреватель Валентин Зорин. Я и есть тот самый звериный оскал, дорогая.

Магдалина Марковна. На ваш оскал у меня есть симметричный ответ: а я дочь народной артистки Советского Союза Галины Филатовой. Пятнадцать. С учётом инфляции, завтра будет на три процента дороже.

Олег Васильевич. Вы – дочь певицы Филатовой? Я покупаю квартиру Филатовой? (*Гаянэ Гаэтановне*) Ты не говорила.

Гаянэ Гаэтановна. Не знала!

Магдалина Марковна. Шестнадцать. Теперь – шестнадцать.

Олег Васильевич. У вас остались её вещи, архив, костюмы, фотографии?

Магдалина Марковна. Да неужели нет. Филатову знает, надо же.

Олег Васильевич. Я человек с Васильевского! Вместе с архивом даю семнадцать.

Гаянэ Гаэтановна. Скорпион!

Олег Васильевич. Скорпион с Васильевско-го – это же диагноз.

Магдалина Марковна. Весь архив не продам, только часть. Потом, многое уже ушло в Театральный музей...

Олег Васильевич. Согласен. Семнадцать триста. Это последнее слово.

Магдалина Марковна. Согласна!

Шум в дверях, это Наташа и Сергей Иванович.

Наташа. И не хватай меня за усталые плечики, мой лёгкий доктор, я желаю видеть несвятое своё семейство... О! Гости из будущего!

Сергей Иванович. Ничего не мог сделать.

Матвей. Мама! Мама!

Алексей Андреевич. На-та-ша...

Магдалина Марковна. Это моя дочь Наташа. Наташа, это... гости.

Гаянэ Гаэтановна. Я что-то такое предчувствовала. Наташа, очень приятно, я Гаянэ, это Олег Васильевич. Мы пришли посмотреть вашу квартиру.

Наташа. С какой стати?

Магдалина Марковна. Это поклонники твоей бабушки. Насчёт архива... Хотят купить.

Олег Васильевич. Вместе с квартирой.

Наташа. Как это вместе с квартирой... Мамаша, вы что – продаёте квартиру? И мне ни слова? Я вообще тут прописана, вы не забыли?

Гаянэ Гаэтановна. Так, понятно, открываются двери с видом на недра... Эх, Магдалина Марковна. Я же объясняла вам – мне нужно рассказывать абсолютно всё.

Сергей Иванович. Наташа, тебя никто не обидит, ты успокойся. Я обещаю тебе...

Наташа. Меня никто не обидит? Да они меня высеят на сто первый километр. Я чихнуть не успею, как останусь голой на панели! Растаю, как Снегурочка!

Олег Васильевич. Снегурочка?! Снегурочка?! Господи, а я смотрю и не понимаю... Вы – Наташа Филатова?! Вы – моя любимая Снегурочка?!

Наташа. Ммм... Была когда-то...

Олег Васильевич. Я смотрел сто раз! Это ж был чуть не последний советский фильм!

Наташа. Предпоследний. Последний – «Небеса обетованные» Рязанова.

Олег Васильевич. Наташа Филатова... И вы, значит, внучка Галины Филатовой, с ума сойти... Да, точно, тогда писали в газетах, припоминаю... Какая была красота – да и осталась. Шампанского, срочно! (Сергею Ивановичу.) Вы кто? Вы друг? Сгоняете за шампусиком? (Суёт Сергею Ивановичу деньги.) Как друг!

Сергей Иванович. Сколько брать?

Олег Васильевич. Ящик! самого лучшего! Наташа Филатова...

Сергей Иванович уходит.

Наташа. Это покупатель, понимаю... Я закурю, мой добрый господин. Я пью и курю. Вообще, невесёлая судьба у тех, кто продал дьяволу кино свою молодость... Вы вот смотрите на меня и вспоминаете, вспоминаете... Ах, как она была хороша... А жизнь-то никогда не оставливается, правильно?

Олег Васильевич. Вы и сейчас...

Наташа. Что я – сейчас? Что – сейчас? На меня сын не смотрит, вон, глядите, отворачивается. Мамаша приказала меня выставить из квартиры, чтоб её продать тайком.

Гаянэ Гаэтановна. Дорогая, это совершенно невозможно. Без вас никаких продаж. Мы двадцать лет на рынке недвижимости, у нас солидная фирма, вы что!

Наташа. Ого, двадцать лет на рынке недвижимости. Представляю, сколько на вас недвижимых... трупов.

Магдалина Марковна. Я ничего не собиралась делать тайком. Просто хотела показать квартиру в привлекательном виде. То есть без тебя. Извините, я уведу Алексея Андреевича, которому эти сцены лишние. Лёшенька, пойдем, голубчик.

Алексей Андреевич. Не надо по-да-вать...

Наташа. Заездила отца, теперь лечит. Он мычит – не надо продавать, она продаёт. Теперь остаётся меня в психушку запихать, и полный порядок!

Олег Васильевич. Что вы, Наташа!

Наташа. А вы если такой добрый, так купите и меня вместе с архивом и квартирой!

Олег Васильевич. Я лично прослежу, чтобы у вас была достойная жилплощадь. Я гарантирую.

Наташа. Жилплощадь – это хорошо. Жилплощадь сдать можно – и уехать...

Возвращается Сергей Иванович.

Сергей Иванович. Ящик мне не унести. Взял три бутылки Советского. Вот сдача.

Появляется Магдалина Марковна.

Гаянэ Гаэтановна (*Магдалине Марковне*). Ей можно пить?

Магдалина Марковна. Нет. А что делать? (*Достаёт бокалы.*) На закуску есть конфетки фабрики Крупской.

Гаянэ Гаэтановна. Ну что ж, по бокальчику за встречу, и мы пойдём, Олег Васильевич?

Олег Васильевич (*открывая шампанское*). Наташа, за встречу! Мальчику не наливаем.

Матвей. Тем более мальчик не выносит даже вида алкоголя.

Гаянэ Гаэтановна. Выпьем за надежду! Ведь что мы покупаем, когда мы что-то покупаем? Разве мы покупаем кровать, сумку, шампунь или квартиру? О нет! Мы покупаем надежду! Надежду на то, что наша жизнь изменится!

Магдалина Марковна. Да, за надежду!

Олег Васильевич. За вас, Наташа! Гарантирую, ваша жизнь теперь изменится. Вы больше ни о чём не должны беспокоиться...

Сергей Иванович. Вообще, человек обязан беспокоиться о своей жизни каждую минуту, особенно, если у него есть дети.

Олег Васильевич. Ещё бы! У меня двое.

Сергей Иванович. Вы бы поделились своими планами насчёт Наташи, она нам не чужая.

Олег Васильевич. А вам она кто?

Магдалина Марковна. Сергей наш сосед и наш друг. Он врач.

Олег Васильевич. Я своими планами не привык делиться ни с кем, знаете ли.

Наташа. Какое сладенькое и с пузырьками... Обожаю... Я могу такого выпить целое ведро. А кто это принимал ванну из шампанского?

Олег Васильевич. Я вам налью ванну шампанского...

Сергей Иванович. Может быть, вам стоит что-то узнать, прежде чем...

Олег Васильевич. А я не хочу ничего знать! Я встретил свою Снегурочку...

Сергей Иванович. Наташа не Снегурочка, а больной человек.

Олег Васильевич. Так ты врач? Давай я тебя найму, чтобы ты её полечил.

Сергей Иванович. Вы мне не тыкайте!

Олег Васильевич. Ах ты боже мой. Опять пошёл Санкт-Петербург в полный рост, нищие с амбициями, не тыкайте им, не говорите «снял штаны, одел шляпу», ни в коем случае, надел, надел, надел шляпу!

Сергей Иванович. Нищие? Нищие? Я вам не нищий! Я пульмонолог, я тридцать пять лет в профессии! Как ты смеешь, ты... *(Выплёскивает шампанское в лицо Олегу Васильевичу, хочет драться, Магдалина Марковна и Матвей с криками его удерживают.)* Подонок!

Олег Васильевич. Какой словарный запас у нашего доктора. Подонок. Давно не слышал.

Наташа *(хихикает)*. Ой, как хорошо быть в обществе, как интересно! А то я всё одна и одна. Ещё хочу пузырёчков...

Гаянэ Гаэтановна. Олег Васильевич, давайте пойдём, можно завтра зайти, тут ведь у нас ничего не изменится. За один день. Я надеюсь...

Олег Васильевич. Ведь ничего не знает про меня, ничего, а уже ненависть! Ну, сморозил я, ну, сам что-нибудь брякни в ответ. А он сразу драться. Я, знаешь, сколько работаю? Я, между прочим, русским товаром торгую, да... Я с тобой, может, в одно время в один райком шёл в комсомол вступать, а ты... Слушай, доктор, давай так: я не прав и ты не прав. Обнулим. Я приду завтра.

Магдалина Марковна. Серёженька, ради нас, ради Моти...

Сергей Иванович. Да. Всё, проехали...

Олег Васильевич. Дорогая, до завтра. (*Целует Наташе руку.*)

Наташа. Добрый господин, купите мне завтра коньячку! Я пьющая Снегурочка.

Гаянэ Гаэтановна (*Магдалине Марковне*). Крепитесь. Всё идёт не по плану. Но вроде в нужную сторону... Спокойствие!

Магдалина Марковна. Я спокойна. Львы не плачут. Я вас провожу.

Остаются Наташа, Сергей Иванович и Матвей.

Наташа. Чё ты привязался к буржуину? Упырь как упырь. Шампусик оставил... (*Матвею.*) Чё надулся?

Матвей. Стыдно.

Наташа. За меня? Да я ж ничего не сделала! Никого даже не прирезала, а так хочется, о...

Матвей. Кого ты хочешь прирезать?

Наташа. Для начала – вот этого как бы друга. Который меня сегодня развлекал прогулками и разговорами, и Наташенька развесила ушеньки, полные

лапшоночки. А в это время за моей спиной мамаша продавала мою квартиру. Так? Теперь мамашу прирезать – это просто миссия. Такой подлой лицемерки свет не видел. Я очищу воздух Петербурга от ядовитой гадины! Папашу – из жалости. Ну и тебя, чтоб не мучался.

М а т в е й. И всё, ты будешь счастлива? Всех прирежешь, и наступит рай?

Н а т а ш а. Нет. Наступит настоящий ад. А я хочу в ад.

М а т в е й. Мама, ты давно в аду.

Н а т а ш а. Убирайся, воспитатель! Прямо рыцарь-ждедай. Хранитель законности в Галактике. Выродила уroda...

М а т в е й уходит.

С е р г е й И в а н о в и ч. Наташа, когда ты так говоришь, ты что, так и чувствуешь? Что Мотя урод, что мама твоя гадина?

Н а т а ш а. Ладно, Мотя не урод, малыш как малыш. Просто он давит на меня, давит, давит, а я не выношу, понимаешь, не вы-но-шу! Я свободный человек, это моя вера, моя суть! Встали вокруг, учат, лечат, приговоры мне выносят. Я, значит, в яме, как зверь затравленный, а они по краям стоят. Здоровые все, слушай, безгрешные такие, прямо из света и стали! Ползите по своим делам, а я живу, я лечу, это мой полёт! От винта! Все от винта!

С е р г е й И в а н о в и ч. Помнишь, пятнадцать лет тому назад, я тебе предложение делал?

Н а т а ш а. Смутно припоминаю...

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Сергей Иванович и Наташа.

Наташа. Какая дрянь твой зоопарк! Животные... Я замучилась в глаза им смотреть...

Сергей Иванович. Я понимаю... Наверное, в будущем всё изменится, сделают просторные клетки, почти как на свободе.

Наташа. Почти свободы не бывает!

Сергей Иванович. А ребёнок был рад.

Наташа. Много ли дурачку надо.

Сергей Иванович. Он не дурачок.

Наташа. Ничего не могу с собой поделывать, не люблю я детей. Почему они всё время что-то требуют? По какому праву? Купи-купи-купи, купи-купи-купи. Нет, с детьми что-то не так... Почему мы им не говорим правды про мир? Почему заворачиваем в розовые сопли? Книжки эти идиотские, игрушки мягкие... Может, лучше как в средних веках, чуть встал на ноги – марш работать. Чтоб сразу привыкали, а не потом с размаху по лбу взрослым миром... А некоторые так и не вырастают из розовых соплей...

Сергей Иванович. Что ты говоришь, глупая... Наташа, выходи за меня замуж.

Наташа. Зачем?

Сергей Иванович. У меня такое впечатление, что я тебя люблю.

Наташа. Я понимаю, Зина уехала, ты один... А почему ты с ними не уехал?

Сергей Иванович. Не могу.

Наташа. Только не надо меня грузить насчёт любви к родине.

Сергей Иванович. Понимаешь, дело простое: мой желудок не работает без невской воды.

Наташа. Ну вот это аргумент... Отшутился. Ладно. Я замуж за тебя не пойду. Не из-за любви, прекрасненько можно выйти замуж без всякой любви. Я хочу... я хочу летать. А ты прилип к этому городу и тебя не отодрать от него. Ты встаёшь утром, идёшь в свою поликлинику, причём даже не едешь, а идёшь ножками и одним и тем же маршрутом. Заходишь в одни и те же магазины...

Сергей Иванович. Не в одни и те же, они постоянно закрываются, открываются...

Наташа. И тебя это дико раздражает. Ты хочешь, чтоб всё было навечно.

Сергей Иванович. Допустим, я консерватор...

Наташа. Допустим! Ты не консерватор, а пенёк, поросший мхом, а ведь тебе немного за сорок, что за возраст для мужчины! Я с тобой жить не могу. Я засну, заболею, умру от тоски. Моя жизнь началась просто сказочно, первый шагок – и главная роль в таком кино! Не может быть, чтобы судьба не полюбила меня, не выбрала меня, ведь я совершенно необыкновенная, и ты это знаешь. Да кто этого не знает! Я не от мира сего... Меня послали... Нельзя всего сказать... Пусть сейчас случилась пауза, всё бывает, в делах людей прилив есть и отлив, как говорил Шекспир. Но я в свою звезду верю. Может быть, надо уехать – в Москву, в Америку, не знаю куда. Но я точно знаю, что я не жена провинциального доктора.

Сергей Иванович. Как доктор, могу тебя заверить, что твоё постоянное перевозбуждение опасно. У человека должен быть распорядок дня...

Наташа. Серёжа, уймись, какой в задницу распорядок дня. Человеку нужно расти вверх, вверх, к звёздам! Причём тут распорядок дня?

Сергей Иванович. Ты элементарно сопьёшься. Ты уже не можешь без рюмочки каждый день, пока только без рюмочки, потом начнётся... В жизни должно быть и скучно, и трудно, в жизни есть будни, а праздники бывают редко, и это правильно. А ты желаешь вечного праздника.

Наташа. А с тобой у меня настанут вечные будни! Нет, не уговорил. Неинтересно. Спасибо за... не знаю за что, потому что любовь ко мне – это твоя история, и я к ней отношения не имею. Любишь и люби себе на здоровье. А мне лететь пора, от винта, все от винта! Засиделась я тут у вас на болоте!

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Сергей Иванович и Наташа.

Наташа. Это была дохлая идея... Какая из меня твоя жена? Я вообще замужем не была ни разу. Ребёнка нагуляла даже не знаю от кого, у меня в ту пору четыре партнёра было... Костя даже и не думал на мне жениться... Да на мне огненными буквами написано: НЕ ЖЕНА.

Сергей Иванович. Не жена, а кто ты?

Наташа. Я гусь-лебедь. Помнишь сказку «Гуси-лебеди»? Это я. Лечу...

Сергей Иванович. Куда может лететь человек, у которого пожилые больные родители, сын-подросток. Ему девятнадцать, но он подросток, потому что из его

возраста надо вычесть пять лет на Гоа антисоциальной жизни...

Наташа. Здоровенный парень, может работать.

Сергей Иванович. У него даже аттестата о среднем образовании нет, кем он может работать!

Наташа. Ну не знаю, а как там было у Диккенса? Подмастерьем каким-нибудь.

Сергей Иванович. Хватит пить! (Отбирает бокал.)

Наташа. Родители... Мамаша тоже может работать. Все могут работать...

Сергей Иванович. А ты? Ты – можешь работать?

Наташа. Я-то зачем? Я особенная. Я не от мира вашего... Да мне и не надо. Я почти ничего не ем... И потом, мужчины на что? Ты видел, как он на меня запал, этот свинтус-покупатель? Ванну шампанского обещал налить! Может, денег на кино даст... Какой-то ты строгий и скучный. Я лечу, а ты лечишь... смешно, слова совпадают, да? Вот вы меня никуда не пускаете, а я бы себе нашла кого-нибудь, я всегда нахожу... Потому что на мне огненными буквами написано: ЖЕНЩИНА. Если вам не нравится, сами виноваты, это вы меня сделали такой, женщина одна не может ни черта... почему я должна отвечать за всё, я не понимаю... родители, дети, и я одна за всех отвечай... работать ещё... кем я могу работать, Серёжа? Я ничего не умею... (Скребёт ногтями горлышко бутылки шампанского.) Открой, открой... помоги, будь человеком... ты же меня любил, Серёжа, помоги...

Сергей Иванович (открывает шампанское, наливает Наташе). С Новым годом.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Магдалина Марковна и Алексей Андреевич. Магдалина Марковна растирает плечо и руку Алексея Андреевича.

Магдалина Марковна. Восстановится, родной. Всё восстановится. И речь понемногу, и ручка. Ты ведь уже ходишь, правильно? Это целая наука – жизнь после инсульта.

Алексей Андреевич мотает головой – дескать, на что такая жизнь.

Магдалина Марковна. Этого мы знать не можем, на кой нам такая жизнь. Надеваем рубашечку, вот так, вот так... Кофту принести? Нет? Жарко? Да не скажи, март холодный... Была бы дача, через пару недель поехали бы... Ау наша дача. Ну и пёс бы с ней, всё равно уже не по здоровью, правильно? Немножко жалко. Да. Что поделаешь, таков человек – к чему ни на есть, он привяжется сердцем... А смешно, полвека тому назад наша дача считалась богатая. Теперь – халупа халупой, кругом дворцов-то понастроили. Заборы каменные три метра, а там, за этими заборами, всё те же недра семейные, как Гаянэ говорит... Лёша, я тебя чуть-чуть обманула, я за дачу больше получила, чем сказала, но я Наташины долги заплатила. Я ей не сказала, но я заплатила. И ещё пятьсот тысяч я на книжку положила. У меня всегда всё есть – еда, деньги. Ты знаешь! Ты за мной, как за каменным забором в три метра, правильно? И теперь уж никуда не денешься. А ты очень хотел куда-нибудь деться, а, Лёша?

Алексей Андреевич не согласен.

Магдалина Марковна. Не мычи, меня не проведёшь. У красивых мужчин жена всю дорогу по минному полю... Надеюсь, теперь ты понял, что важно, что неважно. Протрезвел во всех отношениях. Понял, что запись актов гражданского состояния – не шутка!

Алексей Андреевич пытается рассмеяться.

Магдалина Марковна. Да, загс! Ещё доведи вас до загса. Как вы его боитесь! Почему ты меня мурыжил четыре года, а? Почему не женился? Ах, штамп в паспорте, это такой пустяк, это форма – так сделай тогда этот формальный пустячок для любимой женщины.

Алексей Андреевич что-то объясняет.

Магдалина Марковна. Дурак был молодой? Ты никогда не был дураком! Ты был мужчиной! А поэтому четыре года со мной жил и думал – а может, что-нибудь получше подвернётся, какая-нибудь девушка твоей мечты? Ненавижу вас всех. Идёт с женой, а глазами завидующими так и шарит по сторонам. Всегда готов! А теперь ты мой.

Алексей Андреевич согласен.

Магдалина Марковна. Я тебя вылечу. Клянись. Вылечу и никому не отдам.

Алексей Андреевич удивлён – кому он может понадобиться.

Магдалина Марковна. Э, не скажи. Такой красавец, когда восстановишься – девки сразу набегут. Ничего, я привыкла. Вся жизнь в борьбе...

Звонок в дверь.

Магдалина Марковна. Это Гаянэ.

Когда Магдалина Марковна уходит открывать дверь Гаянэ Гаэтановне, Алексей Андреевич с неожиданным проворством, но и с неловкостью больного, что-то ищет в буфете – и находит бутылочку настойки боярышника, но его настигают.

Гаянэ Гаэтановна. Да, дело на мази...

Магдалина Марковна. Лёша, ты что взял? Настойку боярышника? Какие глупости, это мне от сердца, тебе не нужно совсем.

Гаянэ Гаэтановна. Перепутал.

Магдалина Марковна. Не знаю, не знаю.

Гаянэ Гаэтановна. Дочь ваша спит?

Магдалина Марковна. Разумеется, спит после вчерашнего. Такой запас горючего оказался в доме, вы ж понимаете.

Гаянэ Гаэтановна. Олег Васильевич очень возбудился... А у вас какие планы были относительно дочери?

Алексей Андреевич. На-та-ша...

Магдалина Марковна. Планы разъехаться. Конкретного ничего ещё не было.

Гаянэ Гаэтановна. Потому что Олег Васильевич проследит лично, чтобы его Снегурочка...

Магдалина Марковна. Слушать невозможно! Его Снегурочка! Это моя дочь, прежде всего, моё проклятье, мой крест. Когда она родилась, у меня голос пропал, сразу было знамение, можно сказать.

Гаянэ Гаэтановна. Вы пели?

Магдалина Марковна. Небольшие партии. Няню в Онегине... Голос, если честно, был невелик. Но я брала артистизмом.

Гаянэ Гаэтановна. Конечно! У вас море обаяния. Наверное, куча поклонников...

Магдалина Марковна. Была, да я вот на этого запала, а он четыре года не женился.

Гаянэ Гаэтановна. Что вы, что вы! Всего четыре года! У меня был мужчина, десять лет не женился!

Магдалина Марковна. Но женился?

Гаянэ Гаэтановна. Не на мне.

Магдалина Марковна. Сочувствую.

Гаянэ Гаэтановна. Экстрасенсы ничего не помогли. Одна только гадалка в самом начале сказала – есть у тебя, говорит, король, но ты на него не надейся.

Магдалина Марковна. А вы не поверили?

Гаянэ Гаэтановна. А кто в такое верит? Сказала бы – скоро свадьба, я бы поверила.

Магдалина Марковна. Женская дурь.

Гаянэ Гаэтановна. А не надо так говорить! Мы несчастные, нам природа велела размножаться, вот как хочешь, так и размножайся, мы и бежим по приказу, боимся опоздать, туман в глазах...

Магдалина Марковна. Я думала, там, в вашем мире, женский вопрос продуман.

Гаянэ Гаэтановна. В каком таком мире?

Магдалина Марковна. Ну... там, в исламе.

Гаянэ Гаэтановна. Вы же образованная женщина, Магдалина Марковна, я просто удивляюсь, какой ислам, мы христиане.

Магдалина Марковна. Ой. Простите, я спутала...

Гаянэ Гаэтановна. Я двадцать пять лет живу в Петербурге.

Магдалина Марковна. Тогда, конечно, проблемы с размножением...

Гаянэ Гаэтановна. Я и не размножилась. Но у меня хорошая квартира на Фонтанке, собака есть, пудель. Много друзей...

Магдалина Марковна. Думаете, он купит квартиру?

Гаянэ Гаэтановна. Олег Васильевич? Шансы есть. По моим ощущениям. Но, знаете, наверняка сказать нельзя. Покупатели такие странные. Иногда ничего не поймёшь, что им надо.

Магдалина Марковна. А продавцы?

Гаянэ Гаэтановна. И продавцы. Все странные. Расселяем тут квартиру, восемь съёмщиков, ванна в кухне, такая ванна, что в тюрьме таких нет, а у съёмщиков двери железные наварены и запахи по всей жилплощади – хуже, чем от покойников протухших. Старушка-отказница, комната десять метров, никуда не хочет! Рядом переехать не желает в комнату два раза больше.

Магдалина Марковна. Почему не желает?

Гаянэ Гаэтановна. Потому что она желает умереть в своей комнате.

Магдалина Марковна. Я тоже хотела умереть в своей квартире.

Гаянэ Гаэтановна. Э, нет, Магда, вы умирать не хотите, вы жить хотите. Я это сразу вижу.

Алексей Андреевич согласен с этим утверждением опытного риелтора.

Магдалина Марковна. Да, я хочу жить ради мужа и ради внука...

Гаянэ Гаэтановна. Вы и сами по себе хотите жить, у вас удачный организм.

Магдалина Марковна. Хорошо, допустим, я хочу жить, но если придётся умирать, я хотела бы умереть в своей квартире, а не продавать её на старости лет.

Гаянэ Гаэтановна. А зачем вы продаёте квартиру?

Магдалина Марковна. На лечение Алексея Андреевича.

Алексей Андреевич что-то возражает.

Гаянэ Гаэтановна. Знаете, я лично заинтересована в продаже вашей квартиры, но как просто человек... мне кажется, ваш муж и так восстановится, у него сильный потенциал в глазах.

Магдалина Марковна. Да уж, у него сильный потенциал и не только в глазах, мне ли не знать!

Гаянэ Гаэтановна. Такая квартира, прямо историческая... Подождать... Дочь ваша творческий человек, она может куда-нибудь отъехать...

Магдалина Марковна. На тот свет вы имеете в виду?

Гаянэ Гаэтановна. Нет, нет! Я думаю, вот вы отселите её, что она станет делать в пустой квартире? Она жила одна когда-нибудь?

Магдалина Марковна. Ни дня.

Гаянэ Гаэтановна. Такие люди в отдельных квартирах не задерживаются, поверьте...

Входят Сергей Иванович и Матвей.

Сергей Иванович. Сдали мы математику!
92 балла!

Матвей. И Сергея Ивановича выписали, ему завтра на работу!

Сергей Иванович. Ура-ура.

Гаянэ Гаэтановна. Здравствуйте, здравствуйте. Вот хорошо, когда человеку нравится идти работать.

Сергей Иванович. Я привык, скучно дома одному.

Гаянэ Гаэтановна. Вы один живёте? Неужели такой мужчина и не женат?

Сергей Иванович. Я женат, только жена в отъезде.

Гаянэ Гаэтановна. А... Так вы в соседней квартире? Большая квартира?

Сергей Иванович. Нет, у меня поменьше, три комнаты. Семьдесят два метра общей площади. Квартиплата такая, что каждый месяц рыдаю у почтового ящика...

Гаянэ Гаэтановна. Можно поменять. Купить поменьше...

Сергей Иванович. Можно, только я всю жизнь в этой квартире...

Гаянэ Гаэтановна. Не понимаю я вашей философии, всю жизнь, всю жизнь... ну и что? Она же была и прошла, эта ваша жизнь, почему не сделать себе другую жизнь, новую жизнь...

Сергей Иванович. У меня что-то вроде аллергии на это выражение – «новая жизнь».

Магдалина Марковна. Серёжа такой консервативный!

Сергей Иванович. На свете без меня достаточно новаторов... Всё идет к тому, что скоро мы станем жить в абсолютно новом мире – дети будут расти в инкубаторах, не будет старости, отодвинется смерть. Представляете себе этот мир? Никаких стариков, все молодые и красивые. Ни фи́га не умирают, если что забарахлит – сразу искусственный орган вставляют...

Магдалина Марковна. А вы сами не хотите быть молодым и красивым?

Сергей Иванович. Нет. Я хочу естественным образом и с Божьей помощью прожить всё, что мне положено. А не воровать у богов вечную молодость.

Гаянэ Гаэтановна. Да вы не волнуйтесь, это всё, что вы рассказали – оно ведь только для богатых будет. Вот наш Олег Васильевич с его детками, вот он попадёт в новый мир, а мы с вами никто не попадём.

Матвей. И совсем не все хотят долго жить.

Магдалина Марковна. Мотя! В твои девятнадцать что ты знаешь про «долго жить»! Через сорок лет поговорим! То есть не поговорим, а ты меня вспомнишь! Жить хочется всегда!

Алексей Андреевич словно бы возражает.

Магдалина Марковна. Да, Лёша. И тебе хочется, не кокетничай.

Сергей Иванович. Жить, жить, жить... Кого это интересует, что нам хочется жить.

Магдалина Марковна. Нас интересует.

Сергей Иванович. А мы – кого мы интересуем?

Гаянэ Гаэтановна. Мы интересуем друг друга, а больше, правда ваша, никого. По вопросу о том, что хо-

чется жить. Но поэтому всё и двигается, мы хотим жить, а природе это безразлично, мы бьёмся головой об стенку, и стенка отодвигается, и вот так всё и вертится, и люди в цивилизованных странах живут теперь гораздо дольше, чем даже пятьдесят лет назад.

Сергей Иванович. Зачем?

Гаянэ Гаэтановна. Да наверное есть зачем, если со всех сторон к ним лезут в их цивилизованные страны, из остальных мест, где людям всё равно, жить или не жить, валом валят, только бы пропихнуться туда, где ценят эту бессмысленную жизнь. А ещё доктор.

Сергей Иванович. Я говорю не об этом. Продление жизни – отлично, но ведь у этого должна быть какая-то цель!

Магдалина Марковна. Мне вот никакая цель не нужна. Я готова жить без всякого смысла. Просто жить. С Лёшенькой.

Сергей Иванович (*тихо*). Это ещё надо Лёшеньку спросить...

Магдалина Марковна. Что вы там бубните?

Гаянэ Гаэтановна. Олег Васильевич задерживается, но скоро будет, сообщение прислал. Если мы твёрдо договоримся, он заплатит десять процентов, и можно оформлять. Документы все при вас?

Матвей. А где я буду жить? Можно хоть посмотреть мою квартиру?

Гаянэ Гаэтановна. Господи, у меня уже сто вариантов набрано, хоть завтра смотрите. Надо определиться, что кому, потом смотреть, а у нас тут есть вопрос нерешённый...

Алексей Андреевич. На-та-ша...

Магдалина Марковна. Вопрос решённый: нужна двухкомнатная и две однокомнатные, для Моти и... для Наташи.

Сергей Иванович. Интересно, если бы наш буржуин не смотрел «Снегурочку», как бы решился вопрос Наташи? Прямо волшебная сила искусства получилась.

Магдалина Марковна. Ты о чём?

Сергей Иванович. Я вчера слышал другие варианты...

Магдалина Марковна. Отпали.

Сергей Иванович. Чудеса!

Выходит Наташа в дезабилье.

Наташа. Хоба! Высшее общество. Ах, простите, я не одета.

Магдалина Марковна. Так оденься, раз ты не одета.

Наташа. А что? Всё чистенькое. Немножко в шампанском... Попить дайте, звери. (*Садится рядом с Матвеем.*)

Матвей (*наливает Наташе воды*). Я сдал ЕГЭ по математике.

Наташа. ЕГЭ?

Матвей. Экзамен такой, за среднюю школу.

Наташа. Ты разве ещё учишься в школе?

Матвей. Я в экстернате.

Наташа. В интернате?

Матвей. Нет, мама, это такая форма обучения. Сдам экзамены, мне дадут аттестат.

Наташа. Зачем тебе аттестат? Мама, у меня был аттестат?

Магдалина Марковна. Был. Политый моими кровавыми слезами!

Наташа. Ты запачкала мой аттестат? Где он? Дайте посмотреть.

Сергей Иванович. Наташа, Моте надо получить аттестат о среднем образовании, иначе никак нельзя.

Наташа. Вы аттестаты эти ваши солите или маринуете? У меня аттестат – у тебя аттестат... Бумажная фабрика. Нет – питомник бумаг. Они сами размножаются... А что, нельзя купить его, этот аттестат? Полицейское государство рехнулось и обходится без коррупции?

Гаянэ Гаэтановна. Ха, это неплохо сказано. Вообще-то аттестат купить можно.

Наташа. Я и говорю. Коррупция, милая коррупция – это так удобно!

Гаянэ Гаэтановна. Формулировочка...

Наташа. Мамуля, ты же квартиру продаёшь – купи внуку аттестат.

Магдалина Марковна. Ну... вообще это опасно – поддельный аттестат...

Гаянэ Гаэтановна. Да какой поддельный, можно самый настоящий.

Матвей. Но я хочу сам учиться, мне не трудно...

Наташа. Хочешь – учись. А бумагу полицейскую купим на всякий случай.

Алексей Андреевич протестует.

Наташа. Что, папочка, что? Червей не брать, кинга не брать, взятки не брать? Гордишься, что по чесноку заставлял студентов бодягу твою марксистскую сдавать? Бедные головы трухой набивал.

Алексей Андреевич возражает.

Магдалина Марковна (*Гаянэ Гаэтановне*). Алексей Андреевич преподавал историю философии. Наташа почему-то упорно считает, что он учил марксизму-ленинизму.

Наташа. Диамат! Папуля преподавал диамат – диалектический материализм.

Магдалина Марковна. Ну и ничего плохого в этом не было. Гегель, Фейербах. И Маркс был не дурак.

Наташа. Да уж, научил нас Карл Маркс щи варить... Труха, труха. Всё труха.

Сергей Иванович. А что не труха?

Наташа. Море. И звёзды. И любовь.

Гаянэ Гаэтановна. Тут не поспоришь. На тёплое море да с хорошим мужчиной... вах!

Магдалина Марковна. Надеюсь, мы поедem на море. В Китай.

Наташа. Какое в Китае может быть море?

Магдалина Марковна. Тебе зря дали аттестат. В Китае кругом море.

Наташа. Кругом? Пока я была в Индии, что-то случилось с географией?

Матвей. Не кругом, но море есть, мама. В Китае море есть.

Наташа. Допустим, в Китае есть море, тогда почему они такие все унылые, эти китайцы? Никакого моря я в них не ощущаю...

Гаянэ Гаэтановна. Китайцы унылые? Хм, не лишено...

Н а т а ш а. Были великой империей, а стали империей халтуры. Вселенная дешёвки... Мама, зачем тебе в Китай?

Магдалина Марковна. Папу лечить. Там медицина...

Н а т а ш а. Какая там может быть медицина? Ты видела, что они производят? Их обувь, одежду? Мама, уймись.

Гаянэ Гаэтановна. Ваша дочь сегодня меня удивляет. Я просто подписываюсь под каждым словом!

Н а т а ш а. Видишь, мама, в Китай ты не едешь, так зачем квартиру продавать?

Магдалина Марковна. В Китай я поеду и квартиру я продам. Я с тобой жить не могу.

Н а т а ш а. Да ладно тебе. Фатера большая, завалимся каждый в свой угол... И потом, возможны и другие варианты. Я, может, сама от вас уеду... Вчера видели, как ваш покупатель на меня глазел? Когда я была молодая, девки давали бесплатно. Прямо как при коммунизме... Слушайте, так, может, это и был коммунизм, а мы не заметили? А потом целый бабский бизнес народился, а я проморгала... как-то я не вштырилась... Попробовать мне, что ли, продать свои эти... ворота подороже? Здравствуй, новая жизнь! *(Хохочет и уходит.)*

Гаянэ Гаэтановна. Очень может быть, что ваша дочь панически боится жить одна.

Магдалина Марковна. А я панически боюсь жить с ней. Она когда-нибудь нас прирежет. Причём всех.

Сергей Иванович. Неужели вы не слышите её ужаса, её отчаяния? Неужели не понимаете, как ей плохо? Она кричит – «помогите», а вы...

М а т в е й. Как помочь, дядя Серёжа, я готов помочь, я не знаю, как.

С е р г е й И в а н о в и ч. У тебя не получится, ей стыдно перед тобой.

М а г д а л и н а М а р к о в н а. Стыдно! Стыдно! Ей не было стыдно ни разу в жизни!

С е р г е й И в а н о в и ч. Она не признается, она гордая...

Появляется Н а т а ш а, приодетая.

Н а т а ш а. Чё сегодня за протокол одного заседания? Сидят, шипят. Люди, львы, орлы и куропатки. Рогатые олени... И я – Мировая душа. В борьбе с дьяволом, отцом вечной материи... Слышь, папуля, в чеховской «Чайке» говорят, что отец материи – дьявол, стало быть, весь твой диамат – это сатанизм чистой воды. Переход, блин, количества в качество... Ни хрена оно не переходит никуда... Парил ты студентов, папочка, да, вот тебе и наказание, теперь ты в лапах у мамочки до гроба! Вы рабы дьявола, а я – душа, Психея, пневма...

М а г д а л и н а М а р к о в н а. Ты невменяемая, безответственная гадина, вот ты кто.

Н а т а ш а. Гадина? Очень хорошо! Тогда я прирежу тебя, мамочка, ладно? *(Вынимает ножик из кармана.)* Вышел месяц из тумана! Вынул ножик из кармана! Буду резать, буду бить, всё равно тебе водить!

Гаянэ Гаэтановна быстро и молча, хорошим бойцовским движением обезоруживает Наташу.

М а г д а л и н а М а р к о в н а. Как это вы ловко!

Г а я н э Г а э т а н о в н а. Всё умеем.

Н а т а ш а. Вы что! Я это из пьесы. Я пьесу репетировала... современную...

Магдалина Марковна. Какую пьесу, ты восемнадцать лет болтаешься без дела!

Н а т а ш а. Восемнадцать лет назад и репетировала, а сейчас вдруг текст в голове... всплыл.

Сергей Иванович. Наташа, не пугай нас, пожалуйста.

Н а т а ш а. Я если кого и зарежу, так только себя. Освобожусь из рабства материи.

Гаянэ Гаэтановна. Ну, знаете, пока мы в человеческом виде, нам без материи никак нельзя. Олег Васильевич на подходе. Вы, дорогая, реснички накрашили, это вы от материи так хотите освободиться?

Н а т а ш а. Я ещё не готова...

Гаянэ Гаэтановна. Вот и готовьтесь помаленьку. Спешить некуда. Мы всю жизнь готовимся-готовимся от материи освободиться, да что-то не выходит.

Сергей Иванович. Нет, не выходит.

Алексей Андреевич. Не хотят у-ми-рать...

Гаянэ Гаэтановна. Пришёл! *(Бежит к входной двери.)*

Магдалина Марковна. Прошу всех иметь совесть.

Наташа хохочет.

Входят Гаянэ Гаэтановна и Олег Васильевич. Он с пакетами, с корзинками, вид торжественный.

Олег Васильевич. Привет всем. Наташенька!

Н а т а ш а. Олежка!

Олег Васильевич. В принципе всё готово, можно ехать оформлять авансовый платёж. Но прежде всего...

Магдалина Марковна. Да. Прекрасно.

Наташа. Что за хрень? Опять насчёт квартиры? Я же сказала – не хочу. Никаких продаж, никакого Китая.

Олег Васильевич. Наташа, у вас будут наилучшие условия.

Наташа. Условия – для чего?

Олег Васильевич. Для жизни.

Наташа. Условия! Условия! Мне всегда было плевать именно на условия! Условия для жизни, которой нет... Условия!

Алексей Андреевич. На-та-ша...

Олег Васильевич. Предлагаю немножко отметить... означить, так сказать, намерения... Мальчик!

Матвей. Я мальчик.

Олег Васильевич. Помоги!

Матвей в процессе разговора берет пакеты и корзинки у Олега Васильевича. А Магдалина Марковна накрывает стол.

Олег Васильевич. Сколько же мне было? Наверное, девятнадцать. Случайно попал в кинотеатр, делать было нечего, денег абсолютно никаких, а у меня знакомая контролёрша была в «Балтике»...

Сергей Иванович. Сейчас уже нет этого кинотеатра.

Олег Васильевич. И вонзилось в меня навеки лицо на экране... Смешно! Ведь чистая иллюзия... Снегурочка, невинная богиня... «Великий царь, она любви не знает...» Красота и чистота вместе – это божественно.

Сергей Иванович. Вечная женственность тянет нас ввысь.

Олег Васильевич. Это ведь из Гёте?

Гаянэ Гаэтановна. А что вы думали, Олег Васильевич образованный человек.

Магдалина Марковна. Ой, ну зачем бумажные тарелки, у нас есть прекрасный кузнецовский фарфор!

Олег Васильевич. Извините, собрался как на пикник.

Наташа. Вечная женственность тянет вас ввысь, ага-ага. А куда тянет саму вечную женственность?

Олег Васильевич. А ей никуда не надо. Она сияет, и этого достаточно. Просто – будьте всегда и светите нам.

Наташа. Светите вам! Обслуживайте вас! А мне что делать?

Гаянэ Гаэтановна. Боже мой, сейчас у женщины столько возможностей ничего не делать, если есть средства. Мне бы хоть недельку...

Олег Васильевич. Я не скупой человек. И не жадный. Я просто играю по правилам, а сейчас такие правила – всё решают деньги. Точнее, цифры. Всё решает цифра. Я оцифровался, можно сказать.

Сергей Иванович. Это не у всех получается. И не всем надо.

Олег Васильевич. Бога ради. Я говорю о себе... Но не всё переводится на цифру, правда, мальчик? Скажем, родина. С большой буквы эр. Ты любишь Родину?

Матвей. Ох-хо-хо...

Олег Васильевич. Родину обязательно надо любить, как маму. Ты же любишь маму?

Матвей. Пум-пум-пум...

Сергей Иванович. Удивительно, как у некоторых людей всё превращается в гадость и ложь.

Магдалина Марковна. Сергей!

Наташа. Серёжа такой... тихий-тихий, а и убить может, если что.

Олег Васильевич. У каких таких людей всё превращается в гадость?

Сергей Иванович. Не надо нас учить, как любить родину. Это не ваше дело, понятно? Хотим любим, хотим – разлюбим. Отвяжитесь навеки! Вы же не о родине говорите, правда? Вы хотите висеть у нас над душой и зудеть, зудеть, зудеть! Мы тут жрём дерьмо суповой ложкой, а потом нас зароют в мокрый песок, и уж позвольте нам прожить свою собственную жизнь хотя бы без вашей не-вы-но-си-мой пошлости!

Олег Васильевич. Родина – пошлость?

Сергей Иванович. Родина пошлостью быть не может, пошлость – это вы со своим казённым патриотизмом. Ты накорми голодного, помоги больному, утешь несчастного – тихо, молча, без телекамер, без вонючего вашего пиара, вот и будет польза, а не то, что орать на площади «Россия! Россия!» «Патриотическое воспитание!» Вы прекратите врать и воровать, так через месяц придётся границы закрыть, всем захочется жить в такой чудесной стране...

Олег Васильевич. Кто врёт? Кто ворует?

Сергей Иванович. Да уж не я.

Магдалина Марковна. Серёжа...

Наташа. А что Серёжа? Прав Серёжа. Я, например, гражданка мира.

Олег Васильевич. Вы меня с кем-то перепутали, господин оратор. У нас все ораторы, потому что – сразу орут... Я всего лишь хотел сказать, что не всё переводится на цифру и привёл пример. Я говорил о себе. А вы говорили не со мной, а с каким-то воображаемым противником. Это часто бывает, я привык. Привык иметь дело с неадекватными людьми. Меня уже пушкой не прошибёшь.

Сергей Иванович. Зачем вы спрашивали мальчика, любит ли он родину, любит ли он маму? Пришёл покупать квартиру – покупай. Нечего тут над нами куражиться, хозяин жизни. Это ты сегодня хозяин, а завтра, может, баланду станешь хлебать.

Наташа. И главное, ни к чему спрашивать. Не любит меня Мотя, да и я его не люблю.

Алексей Андреевич. Не-прав-да...

Матвей. Правда, деда, правда.

Гаянэ Гаэтановна. Ну это, знаете, в каждой избушке свои погрешности... Любишь – не любишь, родные это родные.

Магдалина Марковна. Скованные одной цепью, да... Хорошо сказать, люби ближнего – а если как раз ближнего любить и невозможно? Дальнего куда проще. Полюбил какую-нибудь Снегурочку на экране, и блаженство пошло, и гормоны играют на трубе!

Наташа. Снегурочку мою миллионы любили, а мне, Наташе Филатовой, от этого ни шерсти, ни молока.

Олег Васильевич. Всё, обнулили! Ты напрасно на меня наехал, доктор. И вчера зря кидался. Я бы к тебе лечиться не пошёл, ты психованный... Как это Гамлет говорил – «ошибкой я пустил стрелу над домом и ранил

брата»... Ты ранил брата, доктор! Я перед тобой ни в чём не повинен. Давайте выпьем и закусим.

Гаянэ Гаэтановна. Ой, я с удовольствием... Коньячок-то наш? Самый наилучший!

Олег Васильевич. Ваш, ваш...

Гаянэ Гаэтановна. А больному... Алексею Андреевичу нальём рюмочку? Там – одна польза. Червонное золото!

Алексей Андреевич. Я хо-чу...

Олег Васильевич. Пусть наши дела и делишки пойдут быстрее и веселее!

Наташа. Вкусненько... Делишки, делишки, да-да-да... Я не хочу продавать квартиру. Отказываюсь.

Гаянэ Гаэтановна. Так, у нас отказница.

Алексей Андреевич: Я то-же... я не хо-чу... Ки-тай... не хо-чу...

Гаянэ Гаэтановна. И отказник. Олег Васильевич, я не знала.

Магдалина Марковна. Если ты, тварь, не согласишься, я тебя уничтожу!

Наташа. Давай, уничтожай, давай! Тебя посадят, папа сразу выздоровеет. Нашла себе мужа-сыночка, чтоб памперсы ему менять и с ложечки кормить. О счастье, о радость! Он всю жизнь от неё гулял, наконец-то матч-реванш! Вампириша.

Магдалина Марковна бросается к Наташе, Сергей Иванович и Матвей их разнимают.

Матвей. Мама, не надо! Бабушка!

Наташа. Вот видишь, Олежка, как мне трудно жить. Забери к себе свою Снегурочку! Будешь иметь веч-

ную женственность под боком. Я тебе буду петь песенки и арии из опер. *(Запевает, все последующее проходит под пение Наташи.)*

Магдалина Марковна. Ты мне не дочь!!! Проклинаю!!!

Олег Васильевич. Наташа, собирайся. Мы уезжаем.

Сергей Иванович. Вы не можете этого сделать, вы не имеете права.

Олег Васильевич. Имею и сделаю.

Гаянэ Гаэтановна. Я так понимаю, что мы квартиру уже не продаём? О недра, недра.

Матвей. Дядя Серёжа! Дядя Серёжа!

Сергей Иванович. Спокойно, милый, не плачь.

Алексей Андреевич хрипит.

Магдалина Марковна. Лёшеньке плохо! Лёша! Лёша!!! Скорее скорую, скорую!

Наташа. Вот это я понимаю – жизнь!

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Магдалина Марковна и Наташа.

Магдалина Марковна. Ты ножницы не видела? Не могу найти.

Наташа. У предметов есть маленькие нежные ножки. Они тихонечко бегают...

Магдалина Марковна. Не у предметов есть ножки, а у кого-то есть беспокойные ручки... Ты что куксишься?

Н а т а ш а. Так, ничего. Я, мама, хотела тебя спросить, помнишь, когда-то давно, ты была юная девушка, вам обещали, что, дескать, «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»?

Магдалина Марковна. Помню, как не помнить. При Хрущёве.

Н а т а ш а. Скажи, вы что - в это верили? Вы действительно в это верили? Миллионы людей сошли с ума, вот так, все вместе?

Магдалина Марковна. Как тебе сказать... Не верили, но... верили.

Н а т а ш а. Что это значит?

Магдалина Марковна. Коммунизм во всех подробностях, как оно там будет, без денег и каждому по потребностям, никто не представлял. Но общее настроение было бодрое, и мир был так молод... Не то чтобы коммунизм, но чего-то хорошего ждали...

Н а т а ш а. Ты понимаешь, что это безумие? Ты отдаёшь себе отчёт, какую выжженную землю вы нам оставили? Ты догадываешься, что мы не будем верить уже никогда и ни во что?

Магдалина Марковна. Да, несчастное вы поколение. Вы даже не поколение, а так. Выкидыши истории... Ну и чёрт с ней, с историей. Живи частной жизнью...

Н а т а ш а. О-о-о. Я бурно живу частной жизнью... Мама, я беременна.

Магдалина Марковна. Господи. Какой срок?

Н а т а ш а. Пятнадцать недель.

Магдалина Марковна. Господи. От кого?

Н а т а ш а. Не знаю.

Магдалина Марковна. Обычно женщины, которые не знают... они предохраняются.

Наташа. Я предохранялась.

Магдалина Марковна. Аборт поздно. Надо было сразу, как симптомы...

Наташа. Не было никаких симптомов! Только сейчас... Пришла к врачу, он обухом по темечку: пятнадцать недель...

Магдалина Марковна. Понятно. Шутка природы... Придётся рожать.

Наташа. Это катастрофа.

Магдалина Марковна. Катастрофа? Катастрофа началась, когда у тебя сиськи только проклюнулись! Катастрофа длится девять лет! О Господи. Сразу бы сказала, а то коммунизм, коммунизм. Всё кусаешься, всё царапаешься. Ах, как мы плохо подготовили мир к твоему приходу!

Наташа. Мне роль предложили, небольшую. Съёмки через два месяца.

Магдалина Марковна. Уже будет видно.

Наташа. Да. Всё пропало.

Магдалина Марковна. Ладно тебе, пропустишь годик, потом наверстаешь.

Наташа. Я не хочу ребёнка, совсем не хочу. Я совершенно не представляю, как его воспитывать, что ему говорить...

Магдалина Марковна. Ничего не попишешь, как-нибудь прокормим, воспитаем как-нибудь. Ничего. Надо имя хорошее подобрать. А то мой папа начудесил, назвал Магдалиной, спроси зачем... Самодуры эти родители, которые над детьми куражатся, я, наоборот, тебя

назвала самым простым, самым чудесным именем... Вот и ребёночку подберём что-нибудь простое, русское. Ничего. Хуже бывает. Книжки станем читать. Агнию Барто, Чуковского, Маршака... Потом Незнайку... Я твои книжки все сохранила.

Наташа. Какая, к чёртовой матери, Агния Барто?

Магдалина Марковна. Синенькая юбочка, ленточка в косе, кто не знает Любочку, Любу знают все...

Наташа (*невесело смеётся*). Синенькая юбочка! Ленточка в косе! Кто не знает Любочку! Любу знают все!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Матвей и Сергей Иванович. Вечер.

Матвей. Вчера казалось, что вся жизнь обвалилась. А сегодня новый день.

Сергей Иванович. Исключительно верное замечание. Я сам поражаюсь каждый раз – никаких перебоев в поставке времени.

Матвей. Я хотел сказать, что, может быть, всё как-нибудь наладится...

Сергей Иванович. Всё наладится, образуется, виноватые станут судьями... Всё, что было, всё позабудется... Была такая песня Галича. Ты не знаешь. Поэт Галич.

Матвей. Что-то я знаю... Высоцкого знаю. Не очень нравится...

Сергей Иванович. Не зли меня. Каждый раз одна и та же петрушка, приходят новые парни и заявляют: не нравятся нам ваши кумиры, у нас теперь всё своё.

Матвей. А когда-нибудь было иначе?

Сергей Иванович. Никогда иначе не было, а раздражает.

Матвей. Типа вам объясняют – выметайтесь из жизни со своими песнями?

Сергей Иванович. Типа да.

Матвей. Дядя Серёжа, я вас уважаю бесконечно. Но Высоцкий страшно грузит, а я и так загруженный. Как вы думаете, она вернётся?

Сергей Иванович. Обязательно.

Матвей. Телефон у неё не отвечает.

Сергей Иванович. Куда-нибудь он её увёз. Может, на дачу. Напоил коньяками своими... И так далее...

Матвей. И так далее там у нас в Индии каждый день было...

Сергей Иванович. Ты... видел?

Матвей. Видел, слышал. Дядя Серёжа, вы меня проверите по русскому?

Сергей Иванович. Да, конечно... Почему она так запуталась?

Матвей. Это в Москве. Костя не женился, не женился, потом совсем ушёл, но квартиру ей купил, однушку. Она её сдала – и на Гоа. Потом эту квартиру продала...

Сергей Иванович. Что он за человек, этот Костя?

Матвей. Так, ничего. Вроде Высоцкого – нервы наружу, глаза блестят, весь летает. Всё проекты, проекты...

Сергей Иванович. У Высоцкого талант был.

Матвей. А у Кости не было, а летать-то им всем хочется.

Сергей Иванович. Мне нет.

Матвей. И мне нет. Я теперь хочу жить тихо-тихо, каждый день вставать в одно и то же время, и чтобы всё по распорядку. Еда, сон, учёба, работа... И личный рост понемножку. Вы мне поможете план составить, что читать?

Сергей Иванович. Библию, Гомера, Шекспира, Данте...

Матвей. Вот-вот, напишите. А то в интернете разные списки, не поймёшь, кому верить.

Входят Магдалина Марковна и Гаянэ Гаэтановна.

Магдалина Марковна. Образцова артистична, я не спорю, но голоса там не было последние двадцать лет вообще никакого.

Гаянэ Гаэтановна. Вы опровергаете все авторитеты, Магдалина. Вам не угодишь!

Магдалина Марковна. Не надо мне угождать, надо петь. Читала я ваш блог, уважаемая Гаянэ, утонула в сиропе. В си-ро-пе. Где настоящие певцы, на которых бегут, о которых мечтают, где они, я вас спрашиваю?

Гаянэ Гаэтановна. А Олеся Петрова? Вы слышали Олесю Петрову?

Магдалина Марковна. Никакой Петровой не слышала. Мотя, дед спит?

Матвей. Спит как младенец, лицо такое спокойное, улыбается даже.

Магдалина Марковна. Что он видит во сне, интересно, почему улыбается.

Гаянэ Гаэтановна. Крупная такая девушка, а голос – как спелая дыня!

Магдалина Марковна. Какая девушка, вы хотите сказать, что Лёша во сне видит девушку?

Гаянэ Гаэтановна. Боже мой, Магдалина... Я про Олесю Петрову.

Магдалина Марковна. Лёше снится Олеся Петрова?

Гаянэ Гаэтановна. Ничего ему не снится! Вы ему снитесь! Я говорю про молодую певицу, вы утверждаете, что их нет, а я привела пример. Я могу вас взять на концерт, правда, она теперь редко бывает в России...

Магдалина Марковна. Это уж мы понимаем, кто это с голосом будет жить в России... Какой концерт, Гаянэ, вы что, я на час отойти не могу. А главное – ничего не понятно. Всё замерло. Я не в силах составить хоть какой-то план жизни. Где чудовище?

Гаянэ Гаэтановна. Я вас уверяю, чудовище в надёжных руках. Он проследит... Он всё контролирует. Он её уговорит. Олег Васильевич! Это железный человек. Он своего сына из такой ямы вынул... Сын у него наркоманил.

Сергей Иванович. Ничего удивительного. У них два пути, у этих сынков – быть грызунами в папашу или... в полёт к звёздам.

Гаянэ Гаэтановна. Вот он сына перепрограммировал... на грызуна.

Матвей. Нет, с мамой ему не справиться.

Выходит Алексей Андреевич, машет приветственно рукой.

Магдалина Марковна. Лёшенька, ты как?
Алексей Андреевич. Хо-ро-шо... Чаю...

Магдалина Марковна. Чаю! Чаю сейчас.

Алексей Андреевич. Га-я-нэ... Не на-до прода-вать...

Гаянэ Гаэтановна. Да я поняла. Но вдруг передумаете. Такой есть хороший вариант, двушка рядом с вами, на Гороховой. Мы сейчас посмотрели с Магдалиной. Кухня пятнадцать метров... Всё равно ведь деньги будут нужны. Летом можно в хороший санаторий...

Входит Наташа.

Наташа. Троллейбус идёт на Восток!

Сергей Иванович. Вернулась! Я знал!

Гаянэ Гаэтановна. А где Олег Васильевич?

Наташа. А я разве сторож вашему Олегу Васильевичу? Свобода! Свобода! Как сладко даже имя твоё, о свобода. Чай пьёте, обыватели? Как вы не блюёте от вашего этого чаю. Повёз меня на дачу, три этажа. Морально разлагаться. Но я не разложилась. Я ему показала гастроль артистки! Я же Снегурочка! Так я взяла из холодильника куски льда и засунула...

Сергей Иванович. Наташа, прекрати!

Наташа. Ах. Тут ребёночек. Ах-ах. Ну, буржуй наш сразу увял. Тогда я ему говорю: в глубине души, я строгая госпожа. Нашла зонтик...

Сергей Иванович. Заткнись!

Наташа. Было весело. Потом он напился, а я сбежала. Хорошего понемножку. Добиралась на попутках, денег-то ни копыя. У него были, но я не взяла – Снегурочки с клиентов денег не берут! Ты что сгрибился, сынок? Вот такая у тебя мама-родина. Хочешь жить умнее нас, давай, валяй.

Матвей. Я не собираюсь жить умнее вас. Я просто хочу – жить.

Наташа. Папа, ты как, оклемался?

Алексей Андреевич. На-та-ша нель-зя так...
На-та-ша...

Магдалина Марковна. Я хочу разъехаться с тобой, и ты мне этого запретить не можешь. Я могу подать в суд на раздел ордера и размен. Через адвокатов будем общаться.

Наташа. Вы дико скучные, вы понимаете, какие вы скучные? Заладили – квартира, квартира. Разве в квартире дело?

Гаянэ Гаэтановна. А в чём дело, по-вашему?

Наташа. Нет связи, понимаете? Никакой нет связи... Любви нет. Совсем нет.

Магдалина Марковна. Это у тебя нет любви! Это ты урод! Пожалела бы отца больного, пощадила бы своего ребёнка! А мы нормальные люди, и у нас всё есть!

Наташа. А я что, с Луны к вам упала? Вы же, родственнички, всё курлыкали в своей ромашковой стране про какое-то будущее, вот оно и наступило, ваше будущее, я – ваше будущее наступившее! Вы меня породили! Вы меня воспитали!

Магдалина Марковна. Одна останешься. Никто не придёт. Тогда поймёшь.

Матвей. Я приду.

Наташа. Я буду погибать, ты ко мне придёшь?

Матвей. Да.

Наташа. Ты – обещаешь?

Матвей. Обещаю.

Н а т а ш а. Врёшь!

М а т в е й. Не вру. Мне... тебя... очень жалко...

Г а я н э Г а э т а н о в н а. Была бы у меня дочка, я бы её так любила, пылинки бы сдувала... Теперь уже дело кончено. Наверное. А может быть... Я ещё надеюсь, но шансов почти нет. Нездоровая оказалась я по женской части. Но у меня есть племянники, сестры моей сыночки, вот хочу им помочь перебраться в Петербург. Талантливые ребята, страшно музыкальные... А за что ещё держаться? За что?

А л е к с е й А н д р е е в и ч. Вы кра-си-ва-я... Г а я н э... кра-си-вая...

Г а я н э Г а э т а н о в н а. Ой, что вы!

М а г д а л и н а М а р к о в н а. Вот ведь угодона нет на тебя, Лёшенька. Все у него красивые, прямо беда.

А л е к с е й А н д р е е в и ч. Ты са-ма-я...

М а г д а л и н а М а р к о в н а. Я самая красивая?

А л е к с е й А н д р е е в и ч. Все-гда...

М а г д а л и н а М а р к о в н а. Смотри у меня!

С е р г е й И в а н о в и ч. За что держаться... Я сам не знаю, за что держаться. Мои все уехали, и назад не вернутся, никогда. Работа... Работе моей конца краю не предвидится. Никогда её не переделаешь, больные не переведутся... Но что-то в душе звенит, что-то там поёт иногда. Тихо-тихо... как будто кто-то посылает мне привет издали... кто-то помнит обо мне, кто-то любит меня... может быть...

Н а т а ш а. Тебе меня жалко, сынок? Ты правду сказал? Ты меня не... не ненавидишь?

М а т в е й. Нет, мама. Не ненавижу.

Резкий звонок в дверь.

Наташа. Это он! Откройте.

Магдалина Марковна. Какой такой он?

Гаянэ Газтановна. Наверное, Олег Васильевич.

Магдалина Марковна. Ещё не хватало. *(Уходит в прихожую и возвращается с Олегом Васильевичем.)*

Сергей Иванович. О, пьяный в дымину. Вы бы шли спать, хозяин жизни.

Олег Васильевич. Пошли все вон... Вы не нужны. У меня одна цель... Вот она – сидит и смеётся... Я, такая штука, да. Не терплю унижений. Ты, ты, ты убила мою душу, ты надругалась над моей мечтой... Над мечтой моей!

Наташа. Надругалась. В особо циничной форме.

Олег Васильевич. Таким, как ты, жить не надо. Луч божий упал в навозную кучу...

Наташа. Согласна, а какие у нас варианты?

Олег Васильевич. Вот какие! *(Достаёт пистолет и стреляет в Наташу.)*

Наташа. Молодец! Дай, дай мне твою пукалку, скажете полиции, что я сама, сама... О, как хорошо. Жила как свинья, а умираю, как героиня... ой, живите дружно, я полетела... Совсем не больно... Мотя, ты меня прости, ладно... Троллейбус идёт на Восток! *(Умирает.)*

Сергей Иванович *(бросается к Наташе)*. Убил, убил, убил...

Магдалина Марковна. Это мне снится. Я проснусь. Сейчас проснусь... сейчас, сейчас, сейчас, сейчас...

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Магдалина и Алексей собираются в театр.

Магдалина. Понимаешь, у Наташи есть голос, но слух не абсолютный. А для балета не те данные. Может, в театральный кружок её записать?

Алексей. Можно. Опасно, правда. Ещё пойдёт в актрисы...

Магдалина. Ну и что? Она красавица!

Алексей. Вот то-то и оно. Соблазны всякие...

Магдалина. Да, красавицам часто не везёт в жизни. Я столько видела поломанных судеб! И почему? Нипочему. Как будто судьба издевается...

Алексей. Или боги смеются.

Магдалина. Но она умненькая, наша девочка. Сплошные пятёрки.

Алексей. Это до поры до времени. Стукнет лет пятнадцать, и начнётся.

Магдалина. Я поговорю с ней. Объясню, предупрежу...

Алексей. Кому это помогало? Природа!

Магдалина. Природа... У тебя тоже природа?

Алексей. Чем мы опять недовольны?

Магдалина. Сам знаешь. Когда ж ты приземлишься!

Алексей. Лет через тридцать. Тоже – природа...

Магдалина. Всё у тебя природа. А человеческий разум, а душа где. Наконец, есть дисциплина, совесть, ответственность, долг!

Алексей. Всё есть. Всё на месте. Галстук завяжи.

Магдалина. В природе какая ответственность? Размножилась зверюга и пошла себе дальше. А если ты обещал человеку вместе...

Алексей. Туго!

Магдалина. Сейчас. Если ты обещал человеку вместе пройти жизненный путь, разве можно взять и бросить его на полпути? Это подлость. Вот мама моя, сколько было вариантов, а прожила с папой Марком до гробовой доски.

Алексей. До его гробовой доски.

Магдалина. То есть?

Алексей. Я ничего не сказал.

Магдалина. Что-то не очень хочется сегодня в театр. Травиата! Разве сегодня споют нормально Травиату? Надо было ещё одного ребёночка родить, или двух. Одна дочь – как-то страшно.

Алексей. Надо было, надо было. Давай быстрее платьишко натягивай, времени в обрез.

Магдалина. Глупости. У нас ещё вагон времени.

ПА-ДЕ-ДЕ

*Три маленькие пьесы
для добродушного театра*

ПА-ДЕ-ДЕ №1

Развод по-петербургски

Действующие лица

Люся Варухина.

Саша Лямчик, её давний друг.

Люси́на Мама, голос из-за стены.

Действие происходит весной, когда в Санкт-Петербурге по ночам разводят мосты. Квартира Люси Варухиной. В её комнате прибрано, и на столе – приметы ожидания гостей: закуска, бутылочка. Люся Варухина, энергичная женщина средних лет, нервно ходит по комнате и нещадно дымит.

Голос из-за стены (*истошно*). Лююся!

Люся (*подходя к двери*). Что, мама? Что ещё?

Голос из-за стены. Костя опять ест! Весь рас-
сольник съел!

Люся. Мама, я вас прошу, дайте мне покой. Я человека жду, понимаете? Ложитесь спать, мама, пусть Костя ест сколько влезет. В конце концов, это мой муж.

Голос из-за стены. Муж! Не было мужа и это не муж.

Люся. Начинается, Господи ты боже мой...

Голос из-за стены. Люююся!

Люся. Что, мама?

Голос из-за стены. У Кати завтра физкультура! Ты форму ей положила?

Люся. Утром положу, мама, утром.

Г о л о с и з - з а с т е н ы . Н у к о н е ч н о . К а к н а о х о т у и д т и – т а к и с о б а к к о р м и т ь .

Л ю с я . М а м а , и д и с п а т ь .

Г о л о с и з - з а с т е н ы . Д а , с в а м и у с н ё ш ь . В е ч н ы м с н о м .

Звонок в дверь. Люся бросается и приводит Сашу Лямчика, понурого мужчину в джинсовом костюме не первой молодости и свежести – что в равной мере относится и к костюму, и к мужчине.

Л ю с я . С а ш е н ь к а , м и л ь и й (*целует его*), д а в а й , т у т р а з д е в а й с я , а т о у м е н я с а м з н а е ш ь – в с ё з а м и н и р о в а н о . М а т ь о р ё т в е с ь в е ч е р .

Саша покорно и на редкость печально снимает ботинки.

Л ю с я . Я у ж т е б я ж д у , ж д у , н а н е р в а х в с я ... В о т , в о з ь м и м о и т а п о ч к и .

Саша надевает маленькие, совсем не подходящие ему по размеру шлепанцы.

Г о л о с и з - з а с т е н ы . Л ю ю ю с я !

Л ю с я . М а м а , х в а т и т !

Г о л о с и з - з а с т е н ы . Н у ч т о , Л я м ч и к р а з в ё л с я ?

Л ю с я . У й д и , с о р о к а - в о р о н а ! Т е л е в и з о р о т б е р у !

Г о л о с и з - з а с т е н ы . Р у к и к о р о т к и !

Л ю с я . М а м а !

Саша садится к столу и кивает головой, будто с чем-то соглашаясь.

Л ю с я . Н у , з о л о т о й м о й , с е й ч а с в ы п ь е м , д а в а й ... (*Быстро и ловко разливают.*) В с ё , в с ё , п о н е с л и с ь ... (*После естественной паузы.*) Н у , ч т о ? Б е р и , б е р и , х о л о д е ц , о л и в ь е , д а в а й , к у ш а й ... Н у , ч т о ?

С а ш а. Развелись.

Люся горестно вскрикивает.

С а ш а. Днём. В три часа.

Лю с я. А где же ты ходил с трёх часов?

С а ш а. Так.

Лю с я. А она – что?

С а ш а. Что – она? Чёртова кукла. Улыбается. Я, говорит, на вас, Александр Сергеевич, зла не держу. Расстанемся друзьями. Я, знаешь, Люся, смокинг взял напрокат и машину... «вольво». Подъехал к суду к этому, солнце светит, капает отовсюду... и она стоит, ручкой мне машет... Я белый шарф через плечо перекинул, шарф тоже займы взял – говорю, мне на выступление ехать, извини, что вырядился... а она говорит... а я думала, ты нарочно к разводу приделся. Догадалась, тварь...

Лю с я. И вот ты сам виноват. Нечего было на москвичке жениться. Им только деньги нужны, больше ничего. У них там с детства счётчик в голове, и всё такое... А ты что – нищий музыкант, что с тебя взять. Я тебе как друг скажу – самый это дурной брак у тебя был, из всех пяти, что я знаю – вот глупей не придумаешь. На москвичке жениться! И всё хорошо, Саша, что хорошо кончается. Ты только кушай – холодец, оливье... рыбочка вот, видишь рыбочку? Я сама солила.

С а ш а. Александр Лямчик – музыкант, импотент и пьяница – сегодня похоронил свой шестой брак.

Лю с я. Ура! *(Перехватив мрачный взгляд Саши, осеклась.)* Давай, не чокаясь...

С а ш а. Скоро буду в переходе играть...

Лю с я. Где?

С а ш а. В переходе метро. Шапочку положу, и начну лабать – «Как упоительны в России вечера...» Отовсюду выгонят, и начну. «Две гитары за стеной жалобно завывали... Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка, с голубыми ты глазами, моя ду-шеч-ка!» Граждане, не побрезгуйте, дайте бывшему гитаристу на хлеб и водку!

Л ю с я. Саша, ты это брось. Тебя всюду зовут, всюду любят, ты и в театре играешь, и в кафе приличном играешь, и детей учишь... И я тебе скажу – ты ещё найдёшь свою дорогу. Светлый путь, да! Найдёшь. И песни твои, которые ты сколько лет сочиняешь, все они пробьются. И пьёшь ты не лучше других. Вполне прилично пьешь, то есть я хочу сказать – пьёшь в границах. А про импотента, уж извини – это всё от бабы зависит. Я понимаю, как она тебя закомплексовала, гадюка!

С а ш а. Ох, Люся моя дуся, что ты за человек, нет, ты не человек – ангел. Ты ангел, а она, вот именно что гадюка – тощая, злющая... красииваяая... Взял девочку – на работу пристроил, карьеру ей делал, а она пела-пела, попой вертела-вертела, и довертелась. Лямчик ей ни к чему, Лямчик – пройденный этап. Мусор. Био-отходы. Эльвира отбывает в столицу! У Эльвиры большие планы на жизнь. Песни мои записала на кассету – в Москве, небось, будет раскручивать.

Л ю с я. А это и ничего. Пусть. Ты прославишься, денежки покапают.

С а ш а. Что-о? Да-а! Как бы не так! От Эльвиры моей покапают! Ага! Всё сама заберет, а если стану рыпаться – ещё и прирежет!

Л ю с я. Господи, как же ты с такой жил... Да ты перекрестись обеими руками, что от неё избавился.

С а ш а. Так и жил. Любил... Знаешь, как говорит-ся – ночная кукушка дневную перекукует... Она, ну, давала жару, да...

Л ю с я. Не знаю, чего там куковать. Тощая, чернявая, вся как лещ – из костей... Вкус у тебя, Саша, так себе – на баб, я имею в виду. Такой ты мяклый, добрый, как бублик – а тянет тебя на подлючих баб. Что Ленка твоя – прости господи, что Верушка-поблядушка... Одна Маринка была человеком, так ты же её и бросил ради этой Эльвиры. Вот у тебя и песни такие грустные потому. Пришла – ушла, любила – забыла. Тра-ла-ла... где же весна.

С а ш а. Чего ты дразнишься? Когда это я пел «ушла-пришла»? Ты считаешь, я что – Игорь Николаев? Полная бездарность, да? Ты так считаешь? (*Встаёт, нелепо ходит в шлёпанцах.*) Так и скажи, правду скажи, что я Игорь Николаев, помойное ведро и мыльный пузырь! А то всё подругу дорогую из себя строишь!

Л ю с я. Ты сдурел совсем? Ладно, я понимаю, день такой... Садись, что скачешь как... страус. Сам знаешь, что глупость сказал. Прекрасно знаешь, кто с тобой двадцать лет носился. И кто в долг давал. И концерты кто устраивал, когда вся ваша «шизгара» была в подполье. И кто в больницу к тебе три месяца ходил, когда ты пьяный разбился. Я ходила, я давала, я устраивала.

С а ш а. Ты, Люся, ты... Я ничего, я так. Только, знаешь, насчет вкуса – я тоже могу сказать... Тоже, знаешь, муж твой... странный человек. Мне совсем не нравится. Такой выскомерный, и бормочет, бормочет, не разбери чего. И такой урод! Не знаю, как ты с ним... Нет, Катя чудесная девочка, но Костя твой – извини. Извини. Не представляю даже – как это ты, живая, весёлая и с таким чудищем, извини...

Лю с я. Костя – мой муж. Точка. Больше мы с тобой ничего обсуждать не будем. Это судьба. Моя судьба. Моя семья.

С а ш а. Я понимаю и замолкаю. Очень торжественно. «Моя судьба». Да какая там судьба, Люсь? Повесила камень себе на шею и таскаешь. Работает, тянешь воз, кормишь этого уroda. Он уже лет десять ничего не делает, вообще ничего. Гнала бы ты его, а? Пока не поздно. Сейчас ещё могла бы найти кого-нибудь. Я удивляюсь, вот люди как сладко устраиваются – садятся другим на шею и ножки врозь. А ты знай своё – «мой муж и точка».

Лю с я. Костя – отец моей дочери.

С а ш а. Люсь, ну хватит, а. И ты знаешь, и я знаю, какой он отец. Душить таких отцов надо ещё в колыбели. Помню, явление Христа народу – как он на твоём дне рождения вышел в грязном халате, тапки на босу ногу, вообще антисанитария! Обвёл всех взглядом, хмыкнул как Мефистофель – и скрылся в пещере. Что он там делает годами в своей комнатенке? Спит, что ли?

Лю с я. Костя – талантливый человек. Он пишет.

С а ш а. Что он пишет? Кто это видел? Нет, он рехнулся, давно, его лечить надо.

Люся внезапно начинает рыдать.

С а ш а. Люся, ради бога! Люсенька, прости!

Люся рыдает в голос, басом.

С а ш а (*плещет ей в лицо минеральной водой*). Люська, отбой! Всё! Всё, я сказал! Сегодня я должен реветь, а потом твоя очередь!

Лю с я. Сейчас, Саша. Сейчас. Сашенька, если бы ты знал, как я живу! Как я живу! Что это за жизнь! За что такая жизнь! Саш, ведь я... по женской части никогда не была счастлива. Ведь мы с Костей... вот когда Катю зачинали... вот это последний раз у нас и было...

С а ш а (пораженный громом). Пятнадцать лет назад?!

Лю с я. Мне с ним сразу... как-то не очень... а потом всё хуже и хуже. А он такого высокого мнения о себе, ему ничего нельзя сказать... А потом он как-то одичал, реформы его совсем подкосили в смысле психики. Из школы он давно уволился, потому что ученики очень жаловались, что совсем непонятно и что учитель заговаривается, а предмет важный – история всё-таки... Он тогда решил книгу писать и вот засел в своей конуре и не выходит почти. Ест по ночам. Мама ругается. Катя плачет, ей стыдно... Я работаю на износ. Саша, ведь я сберегла свой домик, свой уголок, свой маленький дом культуры имени когда-то Якова Свердлова, а теперь – дом культуры «Светлячок», и в аренду сдаю всего двести метров, и все кружки сохранила! У меня триста ребятшек учатся! Я и в мэрию, я и к спонсорам, я и в газеты, и вот – крутится, вертится, кипит мое дело. Я на работе человек. Прихожу домой – я никто, ничто и звать никак.

С а ш а. Люсенька, ты что – пятнадцать лет... без никого?

Лю с я. Нет, было десять лет назад, но там получилось грустно, и пять лет назад, недолго, один месяц, когда в отпуске была.

С а ш а. Я не знал. Я думал, ты такая... бойкая, столько знакомых... Людмила Варухина, дом культуры «Светлячок»! Полгорода тебя знает.

Люся. Толку-то что? Ой, Саша, я не умею... не знаю, как, что... боюсь. Всего боюсь. И потом – я некрасивая.

Голос из-за стены. Люююся! Костя ест тушёную капусту! Всё съедено! Я завтра уезжаю!

Люся опять начинает рыдать.

Саша. Люська, не смей. *(В сторону голоса.)* Алевтина Игоревна! У нас разговор серьёзный! Пусть Костя кушает!

Голос из-за стены. А ты развёлся?

Саша. Сегодня развёлся. *(Трясёт и гладит Люсю, чтоб она успокоилась.)*

Голос из-за стены *(удовлетворённо)*. А я что тебе говорила?

Саша. Вы молодец, Алевтина Игоревна. Вы мой домашний Нострадамус!

Голос из-за стены. Да уж настрадалась, настрадалась... Смотри, Лямчик, скоро двенадцать – не опоздай на мосты. Мосты в два разводят!

Саша. Спасибо! Я в курсе!

Люся. Это каждый день крики. Каждый день!

Саша. Люсь, давай выпьем. У меня тоже с собой припасено... Давай... *(хлопочет)* за нашу и вашу свободу!

Люся. Ты кушай... холодец, рыбочку... Ты ничего не кушаешь!

Саша. Я кушаю. И ты кушай.

Люся. Куда мне кушать. Разъелась от нервов как индейка.

Саша. Нет, ты очень похудела в последнее время. И похорошела.

Лю с я. Я? Да я уже и на женщину стала не похожа. Хожу как солдат, говорю басом. Платья как-то криво сидят... А люди меня уважают – как настоящего солдата, который не подведёт в бою. Господи, как я умела любить! Как хотела любить! Почему ты не дал мне любви! (*Топает ногой.*) Хочу любви! Хочу быть возлюбленной!

Са ша (*несколько испуганно*). Ну, и будет. Всё будет. Ты потерпи.

Лю с я. Что будет? Ничего не будет. Ладно, ты меня прости, что я так тебя грузю.

Са ша. Я твой друг. Грузи меня, грузи! А на что нужны ещё друзья!

Лю с я. Хотела тебя поддержать, а сама расклеилась.

Са ша. А, бывает. Нормально, хорошо...

Лю с я. Я ремонт сделаю в «Светлячке», у себя не сделаю, а для людей сделаю... Спортивный зал открою. Клянись, открою! Если бы я сейчас умерла! Если бы умерла! Сколько бы людей за моим гробом шло! А эти... Правильно говорил Иисус Христос: и враги человеку – кто? Домашние его. Притаились, жабы... молчат... Споём тихонечко? (*Запевает.*) Льет ли тёплый дождь, падает ли снег...

Са ша. Я в подъезде против дома твоего стою...

Лю с я. Жду, что ты придешь...

Са ша. А быть может, нет...

Лю с я и Са ша. Стоит мне тебя увидеть – о, как я счастлив!..

Самозабвенно исполняют сию бессмертную песенку. Допели и смеются.

Са ша. Люська, какая жалость, что я на тебе не женился!

Г о л о с и з - з а с т е н ы . К о н ц е р т о к о н ч е н ?

Л ю с я . Ж е н и л с я н а м н е - т ы ? Д а т ы н и к о г д а и н е
с м о т р е л н а м е н я . . . т а к .

С а ш а . И с к л ю ч и т е л ь н о п о г л у п о с т и . И п о т о м - т ы
м е н я н и к а к н е п о о ш р я л а . М у ж ч и н н а д о п р о в о д и т ь ,
з а м а н и в а т ь в с е т и . А т ы в с ё у ч и л а с ь , у ч и л а с ь , в с ё т а к а я
с у р ь ё з н а я б ы л а . А я - ч е л о в е к н е с е р ь ё з н ы й . М у з ы к а н т ,
б л я м - б л я м , д у р а ч о к . В о т и п р о с в и с т е л я с в о ю ж и з н ь ,
Л ю с е н ь к а - н и ж е н ы , н и д е т е й , ж и в о п ы р к а о д н о к о м -
н а т н а я у ч ё р т а н а р о г а х и - с к о л ь к о п о р а б о т а ю , с т о л ь -
к о и п о е м . П о к а н е с в а л и л с я . А в е д ь м о г у и с в а л и т ь -
с я , и ч т о т о г д а ? А т о г д а о д н а н а д е ж д а - в е р н ы й д р у г ,
б о е в о й т о в а р и щ Л ю с ь к а и в б о л ь н и ч к у к о м н е п р и д ё т ,
и п о х о р о н и т , е с л и н а д о , и о г р а д к у с д е л а е т . . . Т а к , з н а -
ч и т , т ы и е с т ь м о я н а с т о я щ а я ж е н а , п о н и м а е ш ь ? А в с ё
о с т а л ь н о е б ы л о - н а в а ж д е н и е , м и р а ж , к о л е б а н и е в о з -
д у х а ! Ш е с т ь ж ё н , а ! Н е с ч и т а я п р о ч и х з а б л у ж д е н и й . . .
П о с л е д н ю ю м о ю с у ч к у з а г с п р о ш т а м п о в а л у ж е в г р а ф у
« д е т и » - б о л ь ш е в п а с п о р т е м е с т а н е б ы л о ! П о н и м а е ш ь ,
Л ю с я - м у ж ч и н а о б я з а н у п р а в л я т ь с в о и м . . . в о т э т и м
м е с т о м . Н е б у д у н а з ы в а т ь , и з у в а ж е н и я к д о м у к у л ь -
т у р ы « С в е т л я ч о к » , к а к и м , н о т ы п о н и м а е ш ь . А у м е н я
п о л у ч и л о с ь , ч т о н е я е г о , а о н м е н я в ё л . И в с ё н е т у д а .
Н а д о б ы л о с т а р а т ь с я , п р о б и в а т ь с я , з а я в л я т ь о с е б е - а
я б у т ы л о ч к у в з у б ы , ж ё н у ш к у о ч е р е д н у ю н а к о л е н к и - и
п о ш л о - п о е х а л о , и п л е в а т ь , и в е й с я , в е р ё в о ч к а ! « О й в ы
к о н и з а л е т н ы е , с л ы ш е н с м е х с о б л у ч к а ! Г и м н а з и с т к и
р у м я н ы е ! О т м о р о з а ч у т ь п ь я н ы е ! Г р а ц и о з н о с б и в а ю т !
Р ы х л ы й с н е г с к а б л у ч к а . . . »

Л ю с я . Т ы - ч и с т ы й , л ё г к и й ч е л о в е к . . . Т ы м н е в с e г д а
н р а в и л с я , С а ш , н о т ы ж е п р и ш ё л п о с л е а р м и и к н а м , в и н -

ститут культуры, на третий курс, и женат был – второй раз. Уже тогда! Как тебе удалось в двадцать один год – второй раз! Саша, ты – ходок. Это навсегда, это не пройдёт. Так что я сразу тебя – ну, отмела в уме... Ты рыбочку совсем не кушал...

С а ш а. Ты сама – моя рыбочка. Ры-боч-ка! Выпьем. Я – твой верный рыб. Нам нужна родная стихия – и вот она, прозрачна и бледна! Лейся, песня, на просторе! Не горюй, не плачь, женаа! *(Обнимает Люсю.)* Какая ты... горячая...

Л ю с я. Саша...

С а ш а. А мосты развели. Развелись наши мосты...
Помнишь песенку...

Л ю с я. Помню.

С а ш а. Споём?

С а ш а и Л ю с я *(в один голос).*

Лишь стоит далёким звездам
В небе ночном засветиться,
Одна половинка моста
Шепчет – давай разводиться...

Ах, мосты, мосты, мосты,
Людям служите привычно,
Но никто не знает вашей жизни личной!

Вдохнули вдвоём упруго
Над пробегающей льдиной
И вот уже друг от друга
Прочь разошлись половины...

Ах, мосты, мосты, мосты,
Людям служите привычно,
Но никто не знает вашей жизни личной!

Но стали такси и люди
У переправы толпится.
Вздохнули мосты: ну, будет.
Видно, придётся сходиться...

Ах, мосты, мосты, мосты,
Людям служите привычно,
Но никто не знает вашей жизни личной!

Лю с я. Какие у тебя были чудесные песенки... И будут, и будут, тебе ещё до пятидесяти – ого-го! А сколько сделано...

Са ша. Ничего, моя Люсечка, не сделано... А чёрт с ним... (Целует Люсю в шею.) А что тут у нас? Тут норка? Там живет ёжик? Да?

Лю с я. Ой...

Са ша. Я никуда не уйду... Мосты развели, я развелся, я теперь свободный человек...

Лю с я. Ой...

Са ша. Люся, ты – прекрасная женщина, ты – печка, ты – яблоня... Ты мой душистый стог сена... Я хочу зарыться в тебя... Люся...

Свет милосердно гаснет.

Рассвет. Лю с я и Са ша спят. Люся вдруг резко садится на кровати.

Люся. Что? Сколько времени... (Взгляд её падает на спящего Сашу.) ААА! (Люся зажимает себе рот рукой и вспоминает происшедшее ночью.) Мама дорогая! Ооо. Что теперь делать. Шесть часов. Через час все встают. Я пропала. Какого чёрта! Двадцать лет дружили и на тебе. Ооо. Стыд какой. Сашка, Сашка, вставай, давай, просыпайся, аврал...

С а ш а (просыпается и смотрит на Люсю без выражения лица, потом удивляется). Люся? Люся? (Оглядывает обстановку.) Люся... Люся... О! Люся! Люся! Люся!

Люся. Тихо. Что Люся, Люся, разлюсился.

С а ш а (укоризненно). Люся... Какая ночь!

Люся. Только молчи! Господи. Стыд какой. Друг называется. Двадцать лет дружили – и вот. Ну, как это называется?

С а ш а. Секс.

Люся. Молчи! Кругом враги. Надо тебя вывести по тихому.

С а ш а. А завтрак? Кофе, круассаны... Поцелуй на дорожку... Люсь, что за дела... Мы не дети...

Люся. Там – мать. Там дочь. Там муж. Понимаешь? А тут – ты. Это кошмар.

С а ш а. Это не кошмар. Это... дружеский визит. Кошмар – это пятнадцать лет без мужчины.

Люся. Ой, без мужчины! Не было мужчины и ты не мужчина.

С а ш а. Не согласен.

Люся. Нет, в этом смысле всё было в порядке. Но есть другие смыслы.

С а ш а (пытаясь обнять Люсю). А ну их, все эти смыслы...

Лю с я. Отлипни. Одевайся, быстро.

Саша обиженный одевается.

С а ш а. Все гонят, все клянут... мучителей толпа... Носок один. Второго нет.

Лю с я. Ну, я не знаю, ищи.

С а ш а. Нету носка.

Лю с я. Так пойдешь.

С а ш а. Я не могу без носка. Нога замёрзнет.

Лю с я. Тогда ищи!

С а ш а. Нету!

Лю с я. Какого чёрта... Вон твой носок – на шкафу висит.

С а ш а. Как он туда попал?

Лю с я. Так ты раздевался... в экстазе...

Саша и Люся захихикали.

Лю с я. Не стыдно – напоил девушку, пристал...

С а ш а. А если у меня страсть запылала?

Лю с я. Знаю я, что у тебя запылало... Оно от огненной воды у тебя очень пылает.

С а ш а. Не согласен. Я тобой увлёкся. Поманило меня!

Лю с я. Я уже трезвая, так что не вкручивай. Давай уговор, как друзья: головой тряхнули и забыли. Совсем. Навсегда. Хорошо?

С а ш а. Жалко...

Лю с я. Пошли, я тебя выведу... партизанскими тропами...

С а ш а. Люся, дай щёчку...

Лю с я. В другой раз.

С а ш а. Суровая ты... Поехал, на свою холостяцкую квартирку. А там пусто и голодно... Может, зайдешь? Споём...

Л ю с я. Когда мне по холостяцким квартиркам ходить? Я сутками на работе.

С а ш а. А то – заходи...

Л ю с я (*подумав*). Нет. (*Ещё подумав.*) Нет, всё-таки нет. Не надо этого, Саша...

С а ш а. Как скажешь, дорогая... (*Задумчиво, в зрительный зал.*) Вот ведь эти мосты, а? Каждый раз попадаю в историю... Идти некуда, ложишься, где бог постлал – и пожалуйста...

Л ю с я (*задумчиво, в зрительный зал*). Ладно, бывает... Только мечтать не надо. Десять лет назад тоже, помню, мосты развели, остался у меня один – а потом все глаза проплакала... Ох уж эти мосты...

Саша и Люся уходят.

Г о л о с и з - з а с т е н ы. Будет покой старому человеку? Будет или нет, я вас спрашиваю?! А Костя твой и чай весь ночью выпил – грел, грел чайник, шаркал по кухне, как таракан... Физкультуру Кате не забудь положить, мамаша! Побежала, на кривых ногах! А толку что с него, с козла разведённого... Говорила, предупреждала – мосты в два разводят, нет, сидят, ля-ля-ля, тополя, за двадцать лет не наговорились, водки не напились, тоже парочка, гусь и гагарочка... Вот помру – каждый день меня будешь вспоминать, Людмила, вот попомни мое слово...

Конец первого па-де-де.

ПА-ДЕ-ДЕ №2
Список Шилкиных

Действующие лица

Борис Петрович Шилкин.
Эва Шилкина, урожденная Шепальска, его жена.

Действие происходит в загородном доме Шилкиных, зимой,
в наши дни.

Борис Петрович Шилкин, солидный, строгий мужчина,
в дорогом спортивном костюме и меховых тапочках, пьёт чай и читает
газету.

Борис Петрович. Генделевич зашатался, опреде-
лённо зашатался. Зря Пауковский делает вид, что ниче-
го не происходит. Это может повредить... Придётся ехать
в министерство на той неделе. Следует напоминать о себе,
но не следует суетиться. Генделевич суетился – и что вы-
играл? Только новых врагов.

Входит Эва Шилкина, привлекательная женщина, немного
ленивая и манерная в движениях. Она полька и говорит с лёгким
акцентом.

Эва. Боричек, ты завтракал?

Борис Петрович. Да, милая, не стал тебя бу-
дить. Что-то мне зябко, барахлит котёл, что ли? Скажи,
чтоб посмотрели.

Э в а. Так воскресенье, Боричек, Ольга Николаевна только завтра придёт. Как я много спала... Ох, эта ваша полярная зима! Я так и не привыкла за пятнадцать лет...

Б о р и с П е т р о в и ч. Можно подумать, ты из Эфиопии приехала. Или в Польше и зима лучше?

Э в а. Лучше... Она такая мягкая, ласковая...

Б о р и с П е т р о в и ч. Умора вся эта провинциальная Европа. Я вот понимаю, на России можно умом тронуться. Есть от чего. Или там – Америка. Даже Китай. А то – под микроскопом страну не разглядеть, а гонору, а сомнения!

Э в а. Как это говорится – мал золотник, да дорог. Велика фигура, да дура.

Б о р и с П е т р о в и ч. И кто это – дура? Страна, в которой ты благоденствуешь – дура?

Э в а. Не мучай меня с утра. Я сказала просто так. Я не хочу спорить, милый. Слушай, этот новый крем, помоему, дивный... Смотри, как кожа разгладилась?

Б о р и с П е т р о в и ч. Смотри у меня – чтоб без русофобии в моём доме... Ты машину помыла?

Э в а. Завтра помою...

Б о р и с П е т р о в и ч. Грязнуля... И серёжку потеряла мою... Знал бы – не дарил... Вот что ты за женщина?

Э в а. Да, женщина, а ты как думаешь?

Б о р и с П е т р о в и ч. Я с тобой разучился думать... Знаешь, кажется, Генделевич зашатался.

Э в а. Разве твоего департамента это касается?

Б о р и с П е т р о в и ч. Впрямую не касается, но есть косвенные обстоятельства. Некоторые гарантии, некоторые договорённости могут повиснуть в воздухе. Хорошего

мало... Устал я от кадровой чехарды. Ничего прочного. Хоть бы годик без тревоги пожить, чтоб все сидели на своих местах... без мельтешни без этой. Опять в министерство ехать...

Э в а. Когда?

Борис Петрович. На вторник поеду. В понедельник они там все как собаки некормленные.

Э в а. Боричек, ты сегодня хотел список составить, на юбилей. Надо уже определиться...

Борис Петрович. Хорошо, давай сейчас и напишем. Бери бумажку, пиши.

Э в а. Вот... Значит, двадцать первого января...

Борис Петрович. Это какой день недели?

Э в а. Четверг.

Борис Петрович. Ну, что ты. Какой четверг. Конечно, банкет в субботу, двадцать третьего, значит. Закажем зал в «Русской рыбе» – там прилично кормят. Гостей – человек пятьдесят. Это хорошо: пятьдесят на пятьдесят, на каждый мой год по гостю.

Э в а. Итак, я пишу: номер один – Борис Петрович Шилкин. Номер два – Эва Шилкина, урождённая Шепальска.

Борис Петрович. Ещё скажи: графиня Шепальска... У вас же там в Польше через одного – графы.

Э в а. Через одного – графы, да, это ужасно. Куда лучше, когда через одного – алкоголики. Я шучу, не сердись, Боричек...

Борис Петрович. Так, два человека есть.

Э в а. Номер три – мама?

Борис Петрович. Зачем мама? Она больная старушка, куда её тащить? Она и заговариваться ста-

ла, после инсульта. Нет, с мамой как-нибудь отдельно... Юбилей – это социальное мероприятие, деловое, вообще-то.

Э в а. Тогда номер три – твой сын Витек?

Б о р и с П е т р о в и ч. Ты что? У него сессия будет в разгаре. Пусть сидит в Москве, к чему это его дёргать? Учится он хреново, нечего ему расслабляться. Сдаст сессию, приедет, тогда и отпразднуем.

Э в а. Мамы не будет, сына не будет, а брат твой, Павел?

Б о р и с П е т р о в и ч. Что-о? Павел? Ты что – забыла? Я с ним второй год не разговариваю. Тоже мне, учитель жизни, народный трибун! Учить меня вздумал, как мне жить. Я – ему враг, чиновник, крапивное семя, казнокрад. Он скоро мне джихад объявит, священную войну. Чтoб духу его не было на моём юбилее.

Э в а. Надо было тогда одолжить ему, на ремонт, помнишь, он тогда и озлился... А человек он очень хороший, Боричек.

Б о р и с П е т р о в и ч. Ну, не было у меня свободных денег, я сказал – через полгода одолжу... И вот знаешь, родственникам одалживать – хуже нет. Потом ни денег, ни родственников.

Э в а. А Таню позовём?

Б о р и с П е т р о в и ч. Какую Таню?

Э в а. Езус Мария, твою первую жену, маму Витека...

Б о р и с П е т р о в и ч. Что ещё за тени забытых предков? Я её лет... лет пять в глаза не видел.

Э в а. Но ты с ней двенадцать лет жил!

Б о р и с П е т р о в и ч (с искренним удивлением). Ну и что?

Э в а. Хорошее надгробное слово примерного мужа... Скоро ты и обо мне так скажешь: ну и что?

Б о р и с П е т р о в и ч. Я не понял – ты меня у Таньки отбила и хочешь её теперь на банкет пригласить? Похвастаться, что ли? Покрасоваться?

Э в а. Нет, мне как раз было бы тяжело её видеть, и мне нечем хвастаться. Я просто думала, что на своё пятидесятилетие правильно звать родных, близких, тех, с кем прожил свою жизнь... Я бы так сделала. Но это твой банкет, я слушаю и повинуюсь. Кого мне писать дальше?

Б о р и с П е т р о в и ч. Так. Сам не придет, мне он не по чину. Да он меня и не особо любит, ты знаешь. А вот Николай Сергеевич – это реально. Пиши: Ховрин с женой – хотя эта жена, Господи, дура, набитая опилками, ну, тут ничего не поделаешь. Жён мы брали пятнадцать-двадцать лет назад и не всем так повезло, как мне.

Э в а. Правда, Боричек, правда, с этим я согласна...

Б о р и с П е т р о в и ч. Потом: ну, верхушку департамента пиши всю. Кулько, Магазеев, Аюпов, Нигматуллин, Руммель, Эйделькинд, Четырская – Четырская одна, без мужа, – потом Петров и Карманников.

Э в а. Ты же Петрова не переносишь...

Б о р и с П е т р о в и ч. Поэтому и зову.

Э в а. Не понимаю... На свой день рождения – зачем звать неприятных людей?

Б о р и с П е т р о в и ч. А что ты вообще понимаешь? Ты – асоциальный элемент. Живёшь всю жизнь на моей шее как у Христа за пазухой.

Э в а. Не такой уж я асоциальный элемент... Я пытаюсь... В этом году три книги перевела... Не слишком тут много работы для меня, Боричек...

Борис Петрович. Да я что, я доволен. Сиди дома, я согласен. Нужды нет никакой тебе работать, графиня Шепальска.

Э в а. Олега Викторовича пишем?

Борис Петрович. Да, обязательно. Он меня, слава Богу, с того света вытащил. Гениальный врач, очень приличный человек, остроумный, и – завотделением, в его-то годы. Пишем обязательно.

Э в а. Слава Богу, хоть одного приличного человека нашёл. А ты никого не хочешь позвать из молодости, из университета или из лаборатории? Я помню, эта пара... Маша и Ваня... как они нам помогали, ключи от квартир и дач доставали, когда мы... ну, когда был наш маленький пожар. У вас же такая дружная была компания. Я хоть уже вас на закате застала, но помню – так весело было... Песни, танцы, КВН, капустники... Я тогда и Россию полюбила по-настоящему – за безумие, за бескорыстие, за этот... размах, да...

Борис Петрович. Разошлись мы все, Эва. Распались. Получилось, каждому – своё...

Э в а. Не говори этих слов! Ты знаешь, что это за слова для Польши!..

Борис Петрович. Прости... Да, жили мы неплохо, бедно, весело... Я вспоминаю с удовольствием. Но, Эвочка, звать сейчас абсолютно некого. Нас разметало по полной программе. Уже и покойники есть, и эмигрантов полно, и алкашей безнадежных... Кое-кто в Москве, они вряд ли приедут... Бабы? Безмужних

опасно приглашать – начнутся истерики, а которые за мужем – я их мужей не знаю, может, совсем люмпены... Вот, можно Сергейчика позвать, он с пути сбился, в артисты пошёл, мне говорили – он заслуженный, большие роли в театре играет, зашился... Хотя эти зашитые – вот хуже нет в компании... Нет, Эва, тут глухо. Надо, знаешь вот, пиши, надо этого журналиста, из «Ленправды», позвать, который интервью у меня брал. Он такой юркий, хитрый – далеко пойдёт. Фамилия, кажется, типа Казинец... или Калинец...

Э в а. Какая «Ленправда», Боричек? Ты имеешь в виду газету «Санкт-Петербургские ведомости»?

Б о р и с П е т р о в и ч. Да не один хрен, что ли? Так-так. Ну, пиши: херр Хельмут Айнсдорф с супругой.

Э в а. Ты приглашаешь Айнсдорфа?

Б о р и с П е т р о в и ч. А как же.

Э в а. Странно как-то. Ничего ты не боишься. Насколько я понимаю, ты получил от Айнсдорфа...

Б о р и с П е т р о в и ч. Да, я получил от Айнсдорфа. И мы построили, наконец, бассейн, ты купила себе машину и, если я не ошибаюсь, кое-что ушло твоим польским родственничкам, так что бывший краковский горком тоже порезвился на мой счёт. Эта сделка была выгодна всем: город получил прекрасное оборудование немецкого качества, херр Айнсдорф – контракт на пять лет, что для него полное спасение в условиях экономического спада в его Дойчланде, я – взял своё вознаграждение. Где несчастные, обездоленные? Где вдовы и сироты? Кого я ограбил, а?

Э в а. А если ты попадешься?

Б о р и с П е т р о в и ч. Нет. Не попадусь. Попадают по глупости и по жадности, а я не глуп и не жаден.

Никаких долбанных вилл в Испании, миллионных счетов в Швейцарии, никакого беспредела. Всё тихо, аккуратно, интеллигентно. Курочка по зёрнышку клюёт. Что это ты надулась, а?

Э в а. Про моих родственников ты даже... никаких идей, что их тоже можно пригласить... они нас принимали, ласкали... На кооператив тогда – они нам одолжили, да! И мама так тебя любила, защищала – всегда...

Борис Петрович. Вот только мне сейчас не хватало краковского горкома партии! Графьёв Шепальских! Деда твоего, ветерана Армии Людова, с партизанскими рассказами, папашу – урожденного марксиста и маму – романистку из несчастной жизни великого польского народа. Полный набор шизофрении – пусть все любуются на пышное приданое моей польской жены.

Э в а. Снег пошёл... Какой крупный снег... Сейчас прилетит Снежная крулева... Я всё слушаю тебя, Боричек, и думаю: почему я тебя слушаю? Что со мной? Заколдовал меня, что ли, кто-нибудь? Я была чистая девочка, я любила тебя. Теперь я тебя совсем не люблю, Боричек. Я привыкла к тебе, и мне всегда надо было кого-нибудь слушаться, и я... не умею всё время зарабатывать на жизнь, я слабая... мне надо при... при... как это по-русски? Прибежать? Нет, приобнять? Прилечь... пригодиться... привлечь... а! при-сло-нить-ся, да. Но это как-то совсем неинтересно получилось... Я надеялась долго... я не люблю ссориться... но... Что это за список, Боричек? Это – большое дерьмо, этот список. И это твоя жизнь, такая, как сейчас есть и как ты её хочешь видеть.

Борис Петрович. Не понял... Я не понял, Эва, ты что говоришь?

Э в а. Я говорю, что список, который ты мне продиктовал – дерьмо.

Борис Петрович. Нет, до этого, ты там щебетала что-то про люблю – не люблю.

Э в а. Я тебя не люблю.

Борис Петрович. Давно?

Э в а. Давно, да...

Борис Петрович. И продолжаешь со мной жить?

Э в а. Продолжаю, да...

Борис Петрович. И что значит вся эта театральщина тогда, если ты живёшь со мной, владеешь имуществом, спишь, и ничего не заметно – любишь, не любишь?

Э в а. Наверное, это ничего не значит. Такая мелочь, правда? Когда-то ты из-за неё поломал себе жизнь, из-за этой мелочи – моей любви. А теперь для тебя важны все эти... рожи. Тебе пятьдесят лет, и вокруг тебя – одни рожи. Наглые, лживые, жадные рожи. И ты сам...

Борис Петрович. Я сам – рожа? Говори, договаривай...

Э в а. Я шла замуж за другого человека. Этот человек был молодой и смелый, он ничего не возглавлял и смеялся над всякими начальниками. Да, я транжира, я люблю комфорт, я люблю деньги, но почему, Боричек, почему у вас обязательно – если деньги, так надо терять себя? Деньги – это нормально, они во всём мире есть, их можно иметь – и быть человеком. А у вас так не бывает.

Борис Петрович. Так. *(Замолкает на мгновение.)* Собирайся.

Э в а. Куда?

Борис Петрович. Туда. К подружкам, к своим журналисткам, модельершам... Давай, живи у них, пока развод. Я не позволю! Ты меня унижать не будешь, паразитка! Сидит у меня на шее, тварь, и надо мной издевается! Господи, дома, выходной день, и нет покоя человеку. На работе война и дома война. Хватит. Убирайся.

Эва (*гордо*). Пан желает развода? Пан получит свой развод. (*Уходит.*)

Борис Петрович один. Прошелся по комнате. Стукнул кулаком по столу.

Борис Петрович. Ну и что? Ну и разведусь. Сейчас не совок, на парткоме разбирать не будут... Карманников вообще пидер, а всем без разницы. Разведусь... Она думает, у неё там что-нибудь особенное, на женском месте? Польская дрянь. Господи, я ж её ненавижу. Вот убил бы. Мог бы убить. Интересно, в самом деле, мог бы я её убить? Не любит она меня, оказывается. Тварь, чистая тварь. Когда надо, любит! Когда что приспичит, так стелется! И хитрая какая. И, главное, морда у неё ещё моложавая, ещё может обольстить какого-нибудь лопуха русского. Отсудит у меня дачу и замуж выйдет. Нет, надо ее убить. Эва! Эва! Эва, чёрт тебя подери!

Входит Эва, одетая по-дорожному.

Эва. Что вам угодно? Я собираюсь.

Борис Петрович. Да, это дело серьезное. Одних тряпок пять чемоданов. Накупила на мои деньги. На мои грязные деньги накупила, говорю, тряпок.

Э в а. Я тебе всё оставляю.

Борис Петрович. На кой мне ляд твои обноски? Забирай. Потом снесёшь в комиссионный, когда сядешь на мель. Ох ты, на какую ж ты мель сядешь без меня, графиня Шепальска.

Э в а. Лучше голодать, чем жить с ничтожеством.

Борис Петрович. Ничтожество – это я?

Э в а. Ты. Вор. Взятчик. Аферист.

Борис Петрович, издав короткое рычание, бросается на Эву и пытается её придушить. Эве удаётся освободиться. Она бросается к камину и хватает чугунную кочергу.

Э в а. Пся крев! Не подходи! Убью!

Борис Петрович (хватается за голову). Уходи, Эва. Не доводи до греха. Я правда убить тебя могу.

Э в а. Езус Мария, как набросился. Ты как этот... кабан, вепрь, раненый зверь, да...

Борис Петрович. Эва, уходи.

Э в а. Главное, чего ты завелся, я не понимаю. Я сказала что-то, так надо спорить, дискутировать, а ты сразу – развод, душить... Дикий русский мужчина.

Борис Петрович. Ты дура, ты ничего не знаешь. Я не вор. У меня нормальный цивилизованный бизнес. Я использую свои возможности, вот и всё. Я хороший работник, лучше многих. В моем департаменте всё чисто, за три года ни одной проверки... Ты воров не видела, настоящих. А я видел, Эва.

Э в а. Вот ничего себе схватил, а? Теперь что у меня на шее, интересно, будет? Тебе надо спортом заниматься, Боричек. У тебя много лишнего... этого... темперамента.

Борис Петрович. Главное, достала ты меня ужасно. Ведь кругом враги, Эва, кругом. Ты говоришь – друзья, друзей позвать, а какие могут быть друзья, когда они на мою дачу посмотрят – и у них от злобы всё нутро горит. Сейчас за рубль убить могут, а ты – друзья! Только семья, больше ничего. Ты, мама, сын... Если бы брат не оказался советской сукой, я ему, пожалуйста – зелёную бы улицу открыл. Пожалуйста! Разве я жадный? Честно скажи, в глаза мне посмотри – я жадный? Эва, было одно время, теперь другое время – я что, виноват в этом?

Эва. Вот у вас всегда – время, время... Может, и нет никакого времени. Только люди есть. А времени и нет... Я потому что разволновалась за твой список... Никаких близких – ну, как это...

Борис Петрович. Хорошо, ладно, какие проблемы! Позовем маму, и Витьку позовем, и Татьяна пусть приходит, а, гори оно всё! Ну, иди сюда...

Эва подходит к Борису, они обнимаются.

Эва (плачет). Я так испугалась... Куда я пойду, зима, холодно...

Борис Петрович. Неужели ушла бы?

Эва. Да, и ушла бы! Ты забыл про польскую гордость!

Борис Петрович. А вот ты не можешь свою польскую гордость куда-нибудь засунуть подальше?

Эва. А ты меня без моей гордости разлюбишь.

Борис Петрович. А действительно, чёрт его знает... Эва... (Целует жену.) Пойдём?

Эва. Что, прямо сейчас?

Борис Петрович. Прямо сейчас, а чего ждать? Или что тебе надо, с Лехом Валенсой посоветоваться?

Э в а. Может, после обеда?

Б о р и с П е т р о в и ч. Начинается.

Э в а. Да что начинается, ничего не начинается... Ты меня так расстроил, у меня нервы дрожат... Пообедаем и пойдём, честное слово.

Б о р и с П е т р о в и ч. Ладно, давай тогда по маленькой накатим за мир и дружбу между народами.

Э в а. Давай накатим, Боричек... Только я что-нибудь сладкое...

Б о р и с П е т р о в и ч. Всё-то тебя тянет на сладкое. Располнеешь скоро.

Э в а. Глупости, Боричек, я всегда слежу за собой.

Б о р и с П е т р о в и ч. Растолстеешь, я тобой разведусь и женюсь на модели. Чтоб доска, два соска, посредине гвоздик.

Э в а. Фи, Боричек, как ты огрубел там в своем департаменте...

Б о р и с П е т р о в и ч. Ну, ещё накатим, графиня Шепальска?

Э в а. Давай...

Б о р и с П е т р о в и ч. Песенку спой мне – ту, Вовки Москвина, про Вавилонскую башню.

Э в а (поёт).

А когда, а когда
Навсегда улеглись
В наших мудрых сердцах
Немудреные страсти,
Мы, как два муравья,
Создавать принялись
Вавилонскую башню

Семейного счастья.
 А когда, а когда
 После тягостных мук
 Водрузилась она,
 С виду неколебима –
 То, взойдя на неё,
 Мы слышали вдруг,
 Что на разных с тобой
 Языках говорим мы...

Борис Петрович. Слушай, Эвка, бери список на юбилей. Давай действительно Володю Москвина позволю – помнишь, мы одно время дружили.

Эва. Боричек, он три года как умер.

Борис Петрович. Ох ты, я не знал.

Эва. Я говорила тебе. *(Становится у окна.)*

Борис Петрович. Значит, мимо головы пролетело. Ну, так давай посмотрим, кого ещё звать. Ты думаешь, стоит маму тащить? Не знаю, не знаю. Старые люди – это, знаешь... старые люди. Потом, ты говоришь, Татьяна, бывшая моя... Тут тоже засада... Придёт ещё с эдаким укоряющим лицом... Эва!

Эва молчит, плечи ее вздрагивают.

Борис Петрович. Эва! Ты что молчишь-помалкиваешь, а? Э-ва!

Эва молчит.

Конец второго па-де-де.

ПА-ДЕ-ДЕ №3

Не делайте бисквиты в плохом настроении

Действующие лица

Регина.

Мужчина, он же – Мистер Икс.

Действие происходит в Петербурге, осенью. Бар из простых, дешёвых, столы деревянные. Вошедший мужчина задумчиво и с удовольствием разглядывает ряды бутылок.

Г о л о с Б у ф е т ч и ц ы. Мужчина, вы что хотели?
М у ж ч и н а (весело). Почему – хотели. Я и сейчас хочу.

Буфетчица в ответ фыркает. В баре заиграла музыка, запел Кай Метов, или Алёна Апина, или ещё кто, родимый и ужасный. Мужчина серьёзно читает меню.

М у ж ч и н а (буфетчице). Значит, так, родная... коньячку... сто пятьдесят... ну, и лимончика. Есть лимончик?
Г о л о с Б у ф е т ч и ц ы (игриво). Только для вас.

Регина, эффектная, немолодая, с лицом итальянской трагической актрисы, в чёрном пальто, ярко покрашенная – вошла в бар, отрёшенно глянула кругом, присела в углу. Закурила. Мужчина заметил её, покумекал, взял свой заказ и решился подойти.

М у ж ч и н а. Простите, у вас не занято?
Р е г и н а. Вы прекрасно видите, что нет.

Мужчина. Может, вы кого ждёте.

Регина. Я уже всего дождалась.

Мужчина. Мне показалось – у вас беспокойство в глазах.

Регина. Не стоит так внимательно смотреть в мои глаза.

Мужчина. Что, думаете, я пропаду?

Регина. Думаю, да.

Мужчина. А точно, в вас есть что-то... Вы, наверное, обладаете сверхъестественными способностями?

Регина. Да я только сверхъестественными способностями и обладаю. Естественные все отсохли.

Мужчина. Здесь неплохо, правда?

Регина. Это самая грязная забегаловка во всем районе. Никогда не вытряхивают пепельницы. У буфетчицы есть сын. Он часто сидит и читает. Зачем он читает? Брось эти глупости, мальчик.

Мужчина. А мне как-то понравилось. Просто у меня – хорошее настроение. Можно, извините, я вас угощу?

Регина. Можно. Я пью коньяк.

Мужчина. Вот, хорошо! А то я однажды так попал. Так возмущалась женщина – думаете, я хуже вас? Думаете, я заплатить не могу за себя? Унизить меня хотите? Оказалось – феминистка. О, Господи. Ещё тоже, мало нам головной боли, да?

Регина. Я уважаю светлые идеалы феминизма, но совершенно не собираюсь воплощать их в жизнь. Я решительно всем разрешаю за себя платить. Мужчины меня погубили, так пусть хоть чуток потратятся.

Мужчина. Минуточку... я коньячок... тема такая интересная...

Слышно (но не видно), как вошла шумная компания, в подпитии и преддверии скандала.

Мужчина. Прошу! За наше знакомство! Меня зовут...

Регина. Нет. Не надо. Я буду звать вас – Мистер Икс.

Мужчина. Пусть я буду Мистер Икс. А вы?

Регина. Меня зовут Регина.

Мужчина. Регина. Значит, королева.

Регина. Женщины с экзотическими именами редко бывают счастливы.

Мужчина. Вот вы сказали – мужчины меня погубили. Как это они вас погубили? Незаметно, что вы погибшая.

Регина. Как погубили? Вы разве не знаете, как это бывает? Вы сами-то что, никого не губили? А в юности? Какая-нибудь девушка разве не съела из-за вас свою аптечку? А потом её привезли в дурдом. А когда привезли, она увидела на полу зелёных червячков, сняла тувельку и ну их бить и приговаривать: а ещё больница, называется! Развели всякую дрянь на полу! (Хочет.)

Мистер Икс (сочувственно). Это, наверное, с вами так было?

Регина. Было, не было, со мной, не со мной... не всё ли равно. А ваша совесть, значит, совсем чиста?

Вошедшая компания что-то забузила. «Валя, я тебя умоляю, Валя!» – пищала женщина. «Ты, давай, полегче, давай». Разбили стакан.

Мистер Икс. Мне, знаете, сорок с большим гаком. Совсем-то чистой совести в таком возрасте, я думаю, не бывает. Вы знаете...

Регина. Конечно, знаю. Но ваши жалкие тайны меня не волнуют.

Мистер Икс. А меня ваши тайны очень волнуют.

Регина. Я кажусь вам таинственной?

Мистер Икс. Да.

Компания побузила и стихла, как ветер. Наоборот, впали в благодушие, стали напевать.

Регина. Вы не находите, что мои серьги слишком крупны?

Мистер Икс. Нет, ничего.

Регина. А как я раскрашена! Это же вульгарно – так краситься. И ни к чему. Возраст-то не скроешь. Ведь это ужасно, когда женщина теряет чувство времени?

Мистер Икс. Ничего не вижу вульгарного. Просто вы хотите обратить на себя внимание. Это ваше право.

Регина. Отчего вы так доверчивы, мистер Икс?

Мистер Икс. Родился такой.

Регина. А вдруг я в стоворе с буфетчицей? Сейчас мы вам клофелинчику в коньячок, и привет. Проснётесь утром, голенький и холодненький, на сырой земле. Где деньги, где документы? У вчерашней чаровницы. Где чаровница? Ау.

Мистер Икс. Если вы так говорите, вряд ли сделаете.

Регина. Может, у меня на уме что похуже.

Мистер Икс. Совсем я вас не боюсь. Вы, Регина, никому не может принести вреда. Кроме себя.

Регина. А вы не просты, мистер Икс.

Мистер Икс. Я людей-то видел-перевидел всяких.

Скандальная компания взялась подпевать песне «Ах, какая женщина». Орут с надрывом и пьяным восторгом. Регина смотрит на них с ненавистью.

Регина. Уроды. Ну, мистер Икс, так я кто, по-вашему? Одинокая леди в поисках приключений?

Мистер Икс. Со мной какие могут быть приключения? Я человек мирный.

Регина. А я – нет. Я немирный человек.

Регина, в строгом черном платье, стоит одна на пустой сцене в луче прожектора. В зале один человек – Мистер Икс, неотрывно глядящий на неё. Такой театр одной актрисы.

Регина. Я, знаете, кому завидую? Святым и преступникам. Потому, что они решились. Понимаете? Они решились пойти – одни вверх, другие вниз. Всё равно, куда идёшь, главное – смелость. А мы проживём всю жизнь, так и не узнав, на что мы способны. Может, я в душе выдающийся убийца. Если б я решилась хоть на крошечное убийство! Я сегодня видела кучу людей, которых бы с удовольствием прикончила. О, как бы все запрыгали вокруг меня – ангелы, черти, адвокаты, следователи, газетчики, все, все! А так я никому не интересна. Какая-то молекула. Старая, больная молекула.

Опять бар. Мистер Икс глядит на Регину сочувственно.

Мистер Икс. А вот... просто жить. Жить. В мире.

Регина. Я не умею просто жить. Я бы ещё с вами выпила.

Мистер Икс. Ради бога! Конечно! (Отходит к буфету.)

Голос ребенка. Мама!

Голос Буфетчицы. Что тебе, детка?

Голос мальчика. Смотри, тут у меня в учебнике нарисовано, какая хорошая планета – Юпитер. Какая большая... Я бы хотел туда.

Регина (*глядя вслед Мистеру Иксу*). Нет, не глупый. Кажется, добрый. Но всё равно идиот.

Мистер Икс. Я вижу, у вас плохое настроение. На душе тяжело. Расскажите мне, что случилось. С незнакомыми людьми легко разговаривать.

Регина. С людьми легко быть не может.

Мистер Икс. А вы кто по профессии?

Регина. По профессии я – никто. Такое профессиональное никто. А вы?

Мистер Икс. Я – кондитер. С большим стажем.

Регина. Кон-ди-тер? Вот это да. Как из детской книжки:

Жил-был кондитер грустный
На крохотном острове
И торт большой и вкусный
Весь день жевал в тоске...

Мистер Икс. Я – весёлый кондитер. Я вообще-то сам не из Питера. Город Славск – знаете?

Регина. Понятия не имею.

Мистер Икс. Что вы, это сердце России.

Регина. Кой мне чёрт сердце России?

Мистер Икс. Какая вы нервная. Не люблю хвастаться, но я – знаменитый кондитер. Только что вышел в финал всероссийского конкурса. Буквально как раз – сегодня. А финал завтра. Мне даже работу предложили

тут, у вас... Так что, может, сделаюсь я этим... петербуржцем.

Регина. У вас – конкурсы?

Мистер Икс. А как же! Я на бисквитах вышел. Я, может, первый в стране по бисквитам.

Регина. По бисквитам?

Мистер Икс. Да что вы как заколдованная! Вы что, не знаете, что такое бисквиты?

Регина. Что-то мне в последнее время было не до бисквитов.

Мистер Икс. Зря.

Регина. И что, эти ваши бисквиты помогают вам жить?

Мистер Икс. Конечно. Ещё как помогают!

Мистер Икс на воображаемой кухне – в белом халате и колпаке.

Мистер Икс. Я и вас могу научить. Только сразу не получится. Продукты нужны самые простые – яйца, сахар, мука – но важна последовательность и осторожность. И вдохновение, да! И есть один секрет: никогда, слышите? Никогда. Никогда не делайте бисквиты в плохом настроении. Они не взойдут! Не будет этой, знаете, нежности, лёгкости... воздуха. Ведь вот, скажем, яйца и мука. Они разной природы. Они, в общем, друг друга не хотят, скажем прямо. Их надо приручить, уговорить, уболтать... обмануть немножко. А настоящий кондитер – это фокусник, волшебник, мильй обманщик! Короче, продукты надо заморочить, выбить из них это упрямство, эту их косность, нежелание мешаться друг с другом. И вот постепенно они начинают вам доверять. Они забывают о себе. Впадают в экстаз. Раз! И в огонь. И мгновение остановилось. Вы победили, и это бисквит.

Регина впечатлилась, но виду не показала.

Регина. Я не ем сладкого.

Мистер Икс. Хотите, я для вас сделаю бисквит?
Самый лучший. Королевский! Бисквит «Регина»!

Компания в баре опять завывала дурными голосами.

Регина. Да уймись вы. Чтоб я больше слова этого не слышала. Чушь какая-то. Бред. Кондитер, продукты разной природы... Кстати, о бисквитах – это вы ко мне в гости собрались, бисквиты свои варить?

Мистер Икс. Нет, их не варят, их пекут.

Регина. И где вы собираетесь их печь?

Мистер Икс. Можно в духовке. Тут главное...

Регина. Тут главное, что в моей духовке.

Мистер Икс. Я вижу, вам грустно. Я не помешаю. Как вы захотите, так и будет. У меня, понимаете, тут в Питере – ну никогошеньки знакомых.

Регина. Мне грустно, да. Я живой человек, а не кондитер.

Мистер Икс. Я тоже человек живой. Это просто такая профессия.

Регина. Профессия – это уродство. Способ забыть о жизни. В раю не было профессий.

Мистер Икс. В раю, конечно, не было. Бог сам всё за всех делал.

Регина. А как вы думаете, если его хорошенько попросить, может, он опять согласится?

Мистер Икс. А мы что будем делать? Я стану никому не нужен.

Регина. И бисквиты ваши будут не нужны.

Мистер Икс. Жалко.

Регина. Ничего не жалко! Вот эгоист. Из-за такой ерунды лишает человечество счастья.

Мистер Икс. Я так крупно не думаю.

Регина. Понимаю. Когда вам думать. У вас же – профессия. Мужчины так боятся жизни, что всегда выдумывают себе работу.

Мистер Икс. А как же! А жить на что, интересно?

Регина. А, пустяки. Бог денежек пошлёт. Я вот не работаю, а живу. Да мне надо немного. Я ем мало, одежду сама шью, а коньяк мне мужчины покупают.

Мистер Икс. Хорошо вам живётся.

Регина. Ну, будем осматривать мою духовку, мистер кондитер?

Мистер Икс. Регина! Вы – чудесная женщина, честное слово!

Регина. Чудеса только начинаются. Пойдёмте скорее, а то я сдохну от этой музыки.

Регина и Мистер Икс на улице. Хотят перейти дорогу, а машины не останавливаются. Регина машет руками, ругается.

Регина. Сволочи! Ублюдки! Русские свиньи! Уроды!

Мистер Икс. Региночка, золотая моя, тихо, тихо. Боже мой, дорогая моя, нельзя так орать.

Регина. Куда рвётесь, кретины – в могилу? *(Плюёт вслед машине.)*

Мистер Икс. Тише, Региночка, это ужасно вредно – так кричать.

Регина *(делает величественный жест)*. Вы видите, что это?

Мистер Икс. Да. Это – пешеходный переход.

Регина. Хоть одна сука остановилась, чтобы нас пропустить?

Мистер Икс. Нет. Ни одна сука не остановилась, чтоб нас пропустить.

Регина. А вы когда-нибудь видели, чтоб хоть одна сука остановилась на пешеходном переходе?

Мистер Икс. Много раз видел.

Регина. Ну, это, наверное, в городе Славск.

Мистер Икс. У нас-то, конечно, в этом смысле – полный рай... Тридцать иномарок всего на город, у кого, все знают...

Регина и Мистер Икс заходят в магазин. Пустынно.

Регина. Ну, и что? Какого вы тут коньяка хотите, в этом, извините за выражение, магазине? Вы гляньте на эти рожи. Тут всё фальшивое. Так они и надувают друг дружку всю дорогу. Этот коньяк фальшивый продаст, а тот бензин разбавленный нальет, а у того машина ворованная, так и живут.

Мистер Икс. Регина, вы теряете энергию. Спокойно. У меня свой метод.

Подходит к прилавку и глядит пристально, пронзительно и нежно невидимому продавцу в глаза.

Мистер Икс. Сынок, такое дело. Коньяк нужен, и жить хочется.

Голос продавца. Возьмите водку... ливизовскую...

Регина аплодирует.

Регина и Мистер Икс поднимаются по лестнице.

Мистер Икс. Вот, раз мы с вами всё купили для бисквита, я вам его попозже и сделаю, обязательно. А меня в гостинице «Север» поселили, ничего так, только шумно очень, и тараканы...

Регина. Сшила чёрное пальто. Две недели сидела. Стильно, эффектно, бледное лицо, серебряные серьги... Каждый вечер замываю грязь. Потому что русские свиньи не убирают свои свинские улицы. Двадцать первый век, обратите внимание! Двадцать первый! Грязь как при царе Горохе.

Мистер Икс. Я вас умоляю не ругаться. Сколько энергии вы зря тратите! С ума сойти!

Регина. Да я сама русская свинья. Сейчас сами убедитесь.

Квартира Регины. Артистический беспорядок соединен со следами многолетней разрухи. Последствия протечек на потолке. Чёрные шторы. Много фотографий, искусственных цветов. Картины, куклы, маски. Афиша с изображением Регины и надписью: «Автор-исполнитель Регина Морская. Дом учёных, 18 апреля». Диван накрыт куском бархата. На столе клочки разных материй.

Мистер Икс (*ошеломлён*). Значит, вы тут и живете.

Регина. Что, удивлены? Снимайте пальто, бросайте где хотите. У меня вешалки нет.

Мистер Икс пристраивает пальто на диване, пытается расчистить уголок на столе, выкладывая покупки.

Мистер Икс. Да, жилище интересное. Регина Морская. (*Нашёл книгу на столе.*) Вот оно что. Регина Морская. Это ваша книга? (*Читает.*) Стихи разных лет.

Регина достает две стопки, где-то завалившиеся в книгах.

Регина. Да. Моя книга.

Мистер Икс. Так вы – поэтесса?

Регина. Нет. Я бездарность. Я просто люблю писать стихи. Они плохие. Совсем.

Мистер Икс (*открывает книгу наугад*).

Глазами жёлтыми вновь осень смотрит вдаль,

Тягучий взгляд, больной и неотвязный.

Ей жаль всего, ей ничего не жаль,

И вдоль дорог уже желтеют вязы...

Почему плохие, совсем не плохие. «Уже желтеют» как-то не очень, а так...

Регина. Помолчите, пожалуйста! Без вашей критики обойдусь!

Мистер Икс. Не буду. Я люблю стихи, вообще... Региночка, а нельзя стопочки помыть? И пару бы тарелочек?

Регина. Водка убивает микробы. Тарелок нет и не будет.

Садится с трагическим видом на единственный стул.

Мистер Икс. Да я сам, сам, сидите, пожалуйста, отдыхайте...

Свет гаснет и зажигается – оказывается, что праздник удался. Мистер Икс накрыл чисто, умело. Парочка наша сидела в дыму и чаду, говорила мирно.

Регина. Столько талантов было! И пою, и танцую, и стихи пишу... А потом оказалось, что молодость и была талантом. И всё прошло вместе с ней. Очнулась, когда за сорок перевавило – ни семьи, ни профессии, ничего...

Чему училась, всё забыла. Кружок рисования веду, и то из милости дают.

Мистер Икс. Хорошая это водочка у вас, мягкая. У нас в Славске тоже хорошая водочка, особенно такая, называется – «Берёзовая». Но я не злоупотребляю, нет, давно уж нет. У меня дом, сад большой. Жена умерла три года назад. Такая нелепость, молодая женщина, сгорела от рака в два месяца. Сын взрослый. Как я сегодня вышел, а! Делали торты, на скорость, ну, и на фантазию. Ничего, знай наших, мы из Славска! Этот пижон московский цукатов навалил, думал нас удивить. Ха-ха. Вот что я вам скажу. Ха-ха. А мы без цукатов, мы мармеладиком переложили, и давай Бог здоровья...

Регина. Я не умею обыкновенно жить. Не понимаю, как заполнять минуты, часы, дни... У меня длинное огромное время, и оно тянется, тянется...

Мистер Икс. Такое хорошее настроение у меня! Наверное, месяца три не было такого настроения! Я вот у вас в Питере поселюсь, буду к вам в гости ходить, согласны? Регина Морская! Спойте мне, моя царица!

Регина (*встаёт, покачиваясь, пересаживается за пианино*). Вы меня напоили, я хожу с трудом. Пой ему. Сам пой, кондитер. Кондуктор... Ничего не помню. (*Перебирает клавиши. Поёт.*)

Плывёт пароходик
Невой-рекой,
Всё мимо проходит,
А ты со мной.

Забавное «здрасьте!»,
Смешливый «привет!»,

Бумажное счастье –
Счастливым билет.

На солнечных зайцев
Гляжу в тоске,
Охоту смеяться
Держу в руке.

Забавное «здрасьте!»
Смешливый «привет!»
Бумажное счастье,
Счастливым билет.

На палубе стыну,
Скрывая боль,
Куда не прикину,
А в сумме ноль.

Забавное... а-а...
Смешливый – а-а...
Бумажное а-а...
Счастливым а-а...

Плывёт пароходик
Невой-рекой.
Всё мимо проходит,
А ты со мной.

Забавное «здрасьте!»
Смешливый «привет!»
Бумажное счастье,
Счастливым билет.

Мистер Икс. Спасибо вам. Эх, какая вы женщина... как в сказке. Я песню эту не знаю. Я из культурной семьи, вы не думайте. Мама в кино работала, билетёром.

Регина уронила голову на руки, плачет. Мистер Икс гладит её по голове, спине, рукам, он удручен и тронут.

Мистер Икс. Что, что такое? Золотая моя!

Регина. Я вам нравлюсь?

Мистер Икс. Очень! Ужасно нравитесь!

Регина. Вы обещаете выполнить мою просьбу?

Мистер Икс. Обещаю. Хоть Луну с неба. Что хотите.

Регина. Вы не могли бы меня убить?

Мистер Икс огорошен.

Регина. Я прошу вас меня убить.

Мистер Икс молча мотает головой.

Регина. Я какая-то ошибка природы. Я даже никогда не была беременной. Я низачем, ни к чему, понимаете? Я хочу умереть, и не могу сама. У меня всё готово, смотрите – вот записка. Что никого не винить. Завещание, ну, тут подружке одной кое-что, немножко украшений есть, бусы жемчужные, настоящие. Мы всё вытрем, все отпечатки пальцев, я приму снотворное, а вы включите духовку, и пойдете себе. Никто не подумает на вас, никто не видел. Тем более записка. А вы доброе дело сделаете, вас Бог наградит. Вы же мне обещали!

Мистер Икс. Какое доброе дело, стыдно слушать. Вы что! Вы что! Я верующий человек!

Регина. Я вас прошу, умоляю, вы добрый, вы такой милый, послушайте, нет сил жить и нет сил умереть...

Становится на колени, плачет. Испугался весёлый кондитер.

Регина. Регина Морская! Какой вздор! Регина Морская! Надо же было выдумать, идиотка, я Женя, Женя Капустина, в Герцена училась... Я усну, вы уйдете, только духовку включить. Одной душой будет меньше на свете. Целый день ходила сегодня, думала, решалась, пойми меня, добрый, хороший человек... Мне тут всё противно, всё ужасно противно, холодно... Не нужно меня совсем... Вот я таблеточку приму, и спать. Платье хорошее, чулки снять только. Я тут лягу, а тут записка. А мужья мои все разъехались, один в Израиль, другой в Америку... А вы на могилу приходите ко мне. Бисквиты свои птицам покрошите.

Мистер Икс. Хорошо. Я согласен.

Регина. Вы обещали.

Мистер Икс. Да. Я всё сделаю.

Регина улеглась на диванчик, мистер Икс пристроился рядом, гладит её по лицу.

Мистер Икс. Спи, спи, дорогая моя.

Регина. Но ты обещал! Ты добрый... Только я не ем ничего сладкого. Я так мало ела... Всё только пью. Я ничего готовить не умею... (Засылая.) Стихи, они говорят, за свой счёт можно... напечатать... а у меня никакого своего счёта... опоздала на продлёнку, такая гадина эта директорша... мне вчера пятьдесят два года, мама, когда умерла, пятьдесят пять было всего... и зачем столько времени... а я просто засну...

Мистер Икс. Да, да, спи, Регина Морская, спи.

Регина уснула.

Мистер Икс. Что мне с вами делать, что делать! Женщины – это... Господи прости, смотрю и плачу... Кухня такая запущенная, надо помыть. (*Засучивает рукава.*) Ну что, Илья Иванович, за работу. Этой судьбы нам не переменить, так хотя бы оставим в ней свой вкусный след. Регина моя морская, проснёшься – помяни меня, не сердись... Да... напряжёнка вот оказалась с сексом в Питере, а я думал – вторая столица, они тут весёлые, на всё готовые... Вона... Опять сорвалось... Такое дело вроде простое, а как всё сложно, господи ты боже мой...

Под бодрую музыку Мистер Икс занимается уборкой и приготовлением бисквита.

Г о л о с (*после шумной, торжественной музыки*).
А теперь: наш Гран-при. Для объявления итогов конкурса слово имеет... Степан Кузьмич Лурье!

Г о л о с Л у р ь е. Так-так... Волнуюсь... Итак. Гран-при второго всероссийского конкурса на звание «Кондитер года» присуждён... это лучший из лучших... это волшебник вкуса и магистр сладких наук... Илья Иванович Песков! Город Славск!

Фанфары.

Утро. Регина просыпается. Она долго кряхтит, стонет. Потом видит перед собою на столе бисквит, оставленный добрым кондитером. Пробует, ей нравится. Отколупывает кусочки. Берёт визитную карточку.

Регина (*читает*). Илья Иванович Песков. О Господи... Что это, кто это... Что вчера было – ничего не помню. Вроде я в бар зашла... а потом что? Ведь сколько раз говорила себе, говорила – не пей с утра, идиотка, не пей, не пей... О Господи. (*Жуёт бисквит.*) Вкусно... А-а, тот мужчина в баре, а-а, что-то припоминаю... домой пошли... а потом что? странно. Первый раз с утра за сто лет – настроение ничего себе. Даже... хорошее. Господи, определённо – хорошее настроение. А почему – неизвестно. Всегда так – когда плохое настроение – всё понятно, почему, а когда хорошее – чёрт его знает, с чего!

ИЗОБРЕТЕНИЕ
ЖЕНЩИНЫ

Фантазия для сцены

Действующие лица

Мария, его сестра.

Ольга, его жена.

Татьяна, его подруга.

Действие происходит в начале 50-х годов XX века, в доме-музее писателя-классика.

Автор предлагает играть пьесу без антракта.

Уведомление автора: встреча этих трёх женщин могла бы и произойти – в начале 50-х годов, спустя почти полвека после смерти А. П. Чехова, все они были живы. Но это сочинение ни в коем случае нельзя считать биографическим. Это фантазия на тему жизни и творчества А. П. Чехова. Не стоит выискивать несоответствия и фактические ошибки, сравнивать героев этой драмы с М. П. Чеховой, О. Л. Книппер-Чеховой и Т. Л. Щепкиной-Куперник, это был бы напрасный труд. Итак, нам снится зимняя Ялта. 28 января 1952 года...

СЦЕНА ПЕРВАЯ: «ЗА ЗАВТРАКОМ»

Комната в Доме Классика. М а р и я накрывает стол к завтраку. Ей, как и всем действующим здесь лицам, много лет, но она энергична, бодрa, двигается легко и осмысленно. Одета скромно, украшений (кроме часов) не носит.

М а р и я. Есть соблазн – взять и поставить четвёртый прибор, для него. А впрочем, тогда надо и для всех ушедших – для матери, для папаши, для Саши, для Коли, для Вани, для Миши, для тётки Фенечки... эдак и посуды не хватит... Как там у Пушкина... «Кому ж из нас под старость день лицея торжествовать придётся одному?» Вышло – мне. Вышло мне...

Появляется О л ь г а, нарядная, с красиво уложенными волосами, словом – настоящая дама.

О л ь г а. Машенька!

М а р и я. Олечка, свежая, нарядная, когда ты всё успеваешь, дорогая. (Обнимает её.) Боже мой, какой запах...

Ольга. Да-с, оружия не складываем никогда-с! Как тут мало зеркал. Было же большое зеркало у входа, куда делось... Вообрази, мне на прошлой неделе Каштанников предложение сделал.

Мария. Кто такой?

Ольга. Наш артист, из вспомогательного состава. Молодой, шестьдесят восемь лет.

Мария. И что ты ответила?

Ольга. Ответила вежливо. Дескать, после того мужа, что у меня был, никакого другого мужа быть не может. А если насчёт всякого-прочего, то мне это уже неинтересно... в техническом отношении. Зачем-то я употребила это глупое выражение – в техническом отношении.

Мария. Я не понимаю, что ты хотела сказать.

Ольга. Я хотела сказать, что любовник мне уже не нужен.

Мария. Господи, неужели он бы стал тебя склонять...

Ольга. А как же, непременно стал бы склонять.

Мария. Это невероятно, Олечка.

Ольга. Что тут такого невероятного? Вопрос темперамента. Вспомни французскую кокетку Нинон Ланкло. Она в середине жизни вдруг стала молодеть и встретила смерть в почтенном возрасте – абсолютно цветущей женщиной. До последнего дня у неё были мужчины.

Мария. Я этого, извини, не понимаю.

Ольга. Не все же такие... непреклонные, как ты.

Мария. А зачем ты меня дразнишь? Я вовсе не была непреклонной... Но для этого есть молодость.

Ольга. А когда, по-твоему, кончается молодость?

М а р и я. Человек всегда знает, когда кончается молодость, она кончается естественным путём.

О л ь г а. Ты можешь знать, когда закончилась твоя молодость, а не моя. Ох, вот зачем тут эта моя фотография? Как я не люблю её. Тут какой-то смуглый суслик, а не я. Никогда фотографии не передавали моего очарования, никогда. Просто катастрофа... А ты ничего, хорошенькая была. Вечная девочка... Глазки умные... Но почему всё время такая насупленная... Так вот, ты можешь считать свою молодость законченной, хотя ты глубоко заблуждаешься, по-моему, тебе пожизненно двадцать восемь и ни копейкой больше... А что до меня, я никогда не буду старой. Хватит мне старух, что я на театре переиграла. Вообрази, мне ещё пятидесяти не было, а они мне подсунили госпожу Пернель в «Тартюфе»! Пришлось блеснуть талантом.

М а р и я. Тешишь себя иллюзиями...

О л ь г а. Иллюзии, какие иллюзии? Мы с моим последним расстались всего-то лет восемь тому назад. Что такого? Я свободная женщина, актриса, вдова. Никого не компрометирую. Если мне не изменяет память, мой муж Антон Павлович умер в 1904 году.

М а р и я. На руках у верной-верной жены.

О л ь г а. Что-о?

М а р и я. Как он боялся жениться! Предчувствовал, бедный.

О л ь г а. Ты решила прямо с утра испортить мне весь день, да? Ты вздорная, Маша. Ты меня не любишь. А он меня любил. Любил, любил! Вон туда, вверх по лесенке, я пробиралась к нему каждое утро, после купания, а ты слышала мои шаги и злилась!

М а р и я. Ничего я не злилась. Как на тебя можно злиться? Когда тебя нет, одно дело, а когда ты перед глазами... (Вздыхает и машет рукой.)

О л ь г а. Что у нас на завтрак?

М а р и я. Творог, сыр, булочки. Кашка есть рисовая...

О л ь г а. Творог, это хорошо для костей. Кости стали хрупкие... В прошлом году руку сломала, я тебе писала, помнишь? Так скверно теперь всё заживает...

М а р и я. Ага, это к вопросу о молодости.

О л ь г а. При чём тут!

М а р и я. Кости старые. Кожа старая. Волосы...

О л ь г а. Что, съела гриб? Волосы – свои! Роскошные! Антон так и говорил – роскошные!

М а р и я. У Лики Мизиновой получше твоих были.

О л ь г а. Слов нет.

М а р и я. У Лики волосы пепельные были, вот такие – до попы.

О л ь г а. А женился Чехов на мне, а не на этой твоей толстой Лике.

М а р и я. Не толстая она была, не толстая! Просто крупная женщина – всё большое, глаза, грудь... Да на улице извозчики останавливались, когда она шла. Спорить бесполезно, Лика была фантастическая красавица.

О л ь г а. Она мне будет описывать Лику! Твоя Лика к нам в театр показывалась, так мы от стыда друг на друга не смотрели – от стыда за её бездарность. Как все бездари, она дурнела на сцене – тогда как талантливые люди на сцене хорошеют! Мало того, что глупа, так ещё и без талии. Кому нужна женщина без талии... А где она, кстати?

М а р и я. Я писала тебе. Умерла в Париже.

Ольга. В лагере?

Мария. Нет, своей смертью, от туберкулёза. В тридцать девятом году.

Ольга. Повезло.

Мария. Повезло.

Ольга. В тридцать девятом – и от туберкулёза.

Мария. И в Париже.

Ольга. Да.

Мария. Теперь всё уже истлело, и волосы, и талия...

Ольга. Талии не было.

Мария. Зато душа была.

Ольга. Теперь я вспомнила, ты мне писала. Я всплакнула...

Мария. Как выразался Лесков – «в голове у маркизы бегал заяц». Это про тебя, Олечка.

Ольга. Ладно, ладно, не будем о мёртвых, а впрочем, если не о мёртвых, так про кого нам и говорить? Мы будем завтракать наконец?

Мария. Надо подождать Щепкину-Куперник.

Ольга. Так мы до обеда будем ждать эту Куперник. Она же у нас богема. Она никакого утра не видела, может, лет шестьдесят... Ну, разве ночь прогуляет до рассвета, тогда... Зачем она приехала, не понимаю.

Мария. Я тоже не совсем понимаю, но она имеет право... Антон с ней дружил, это факт, и, кстати, ценил её как писателя.

Ольга. Она скорее переводчик. Переводит недурно... Ростан, Гюго, Лопе де Вега... Правда, специалисты говорили мне, что она приписывает много своего.

Мария. Да все переводчики приписывают, беды нет, беда в том, что она так же талантлива, как безвкусна.

Ольга. Я всегда немножко её... пф... сторонилась. Что-то в ней...

Мария. Я тебя понимаю.

Ольга. Так откровенно...

Мария. Однако же у неё было двое мужей.

Ольга. Мужчины ревнуют к мужчинам... На шалости женщин они смотрят снисходительно. Да вообще, всё это ерунда, если подумать... Всё равно один конец, почему не побаловать своё тельце? Такие пустяки, в сущности...

Мария. Антон одно время любил с ними погулять, с Таней Куперник и Лидой Яворской. Они его забавляли.

Ольга. А как ты думаешь, они... Там всё невинно было, или...

Мария. Не хочу ничего знать.

Ольга. Интересно же...

Мария. Это пошлость, Оля!

Ольга. Ничего не вижу в этом пошлого. Наоборот, оригинально... Заладили – певец сумерек, скука жизни, то да сё... А он сам знаешь, какой был. Если знакомился с тремя сёстрами – ну, все три сестры были его. Что, неправда? Ведь правда? Конечно, я его уже больного получила, а всё равно – глазами! Никого не пропускал! Не хочешь говорить, я сама у Татьяны спрошу.

Мария. Без меня.

Ольга. Столько лет прошло, ты всё ревнуешь.

Появляется Татьяна, небрежно и странно одетая, непричёсанная.

Татьяна. Ой, доброе утро, милые дамы.

Ольга. Доброе утро, Татьяна Львовна.

Мария. Здравствуй, Танечка, как спалось?

Татьяна подходит к столу, берёт печенье, грызёт.

Т а т ь я н а. Во-первых, жарко. Сильно печи топят. Зачем их топят сейчас, когда надо было топить зимой девятьсот третьего года, когда Антон Павлович тут замерзал и голодал?

М а р и я. Никогда Антон Павлович тут не замерзал и тем более не голодал.

Т а т ь я н а. Да? А он мне писал – двенадцать градусов. И никого нет – ни сестры, ни жены, и никто ему не готовит нормальной еды...

М а р и я. Он не мог ничего такого писать.

Т а т ь я н а. Как же не мог, у меня письма есть.

М а р и я. Какие письма?

Т а т ь я н а. «Какие письма!»! Ко мне писанные. Глазки-то загорелись... Я тебе их не отдам, Мария Павловна. Ты из них всё вычеркнешь, что тебе не нравится – а это история, из неё нельзя ничего вычёркивать. Итак, во-первых, жарко. Тургенев утверждал, что женщины говорят «во-первых», и забывают об этом, и никакого «во-вторых» у них не бывает, поэтому я продолжаю в пику Тургеневу. Во-вторых, душно. В третьих, жуткая слышимость, и я уже полчаса не сплю и всё слышу, что вы говорите.

О л ь г а. Пардон, пардон!

М а р и я. Извини, Таня.

Т а т ь я н а. Извинения принимаются. Тем более, вы не сказали ничего такого, чего бы я не знала, что вы про меня скажете...

М а р и я. Прошу к столу.

Рассаживаются.

Т а т ь я н а. Есть варенье?

М а р и я. Да, пожалуйста, вишня, инжир...

О л ь г а. Инжир! Это звучит волшебно – инжир...

М а р и я. У нас ведь свой растёт... От кашля хорошо.

Т а т ь я н а. Я варенье в творог добавляю и тем самым вкус, присущий ему, убиваю. Творог надо кушать, а кушать его противно...

М а р и я. Творог – противный? Не нахожу.

Т а т ь я н а. Пресный, бессмысленный вкус.

М а р и я. Чудишь ты, Танечка.

О л ь г а. Вы надолго приехали?

Т а т ь я н а. Я надолго никуда... долго нигде не бываю. Приехала на день рождения нашего святого Антония... Видите ли, я так понимаю, это мой последний год.

М а р и я. Ладно тебе, ты ещё молодка у нас. Тебе ведь, кажется, и восьмидесяти нет?

Т а т ь я н а. Семьдесят восемь будет... не будет... Расскажи, Маша, что у нас завтра, кто придёт.

М а р и я. Придёт, в основном, местная интеллигенция.

Т а т ь я н а. Какая ещё местная интеллигенция?

М а р и я. Есть несколько человек, представь себе. Трое... нет, даже четверо были знакомы с Антоном. Старички, да... Потом директор первой школы придёт, директор дома актёра, потом из библиотеки... Обещал заглянуть первый секретарь нашего горкома...

О л ь г а. Нашего!

М а р и я. Да, нашего, ялтинского.

О л ь г а. Маша, хоть между собой-то мы можем говорить по-человечески... нашего горкома...

М а р и я. Я как-то попривыкла, за тридцать-то пять лет...

О л ь г а. Тридцать пять лет! Господи.

М а р и я. И конца-края их царствию не видно. Гитлер не одолел! Лучшая армия в мире зубы обломала.

О л ь г а. Театр товарищи большевики всегда поддерживали, ничего не скажу.

Т а т ь я н а. Но пьесы писать они так и не научились. Всё метут, слава Богу – Мольера, Гольдони, Лопе де Вегу, Ростана. Я, девочки мои, живу не просто так, я живу припеваючи. Тут по случаю купила Рокотова, портрет неизвестной...

М а р и я. Кому завещаешь?

Т а т ь я н а. У меня куча племянников, сестра плодущая оказалась. Да, театр... всё-таки защита. Я в Москве по вечерам обычно в театре сижу.

О л ь г а. К нам ходите?

Т а т ь я н а. Хожу, но с трудом. Скучно у вас. Играют всё хуже и хуже... Разве что Степанова...

О л ь г а. Степанова! Палка прямая. Шея не гнётся и звук горловой, жестяной.

М а р и я. Но талия ведь имеется?

О л ь г а. Талия имеется, бёдер нет. И никакого очарованья!

Т а т ь я н а. Очарованье – это к Тарасовой.

О л ь г а. Не говорите мне про Тарасову, не портите мне аппетит, а?

Т а т ь я н а. Антону понравились бы и Степанова, и Тарасова. Он обожал интеллигентных актрис...

М а р и я. Не только актрис. Вообще – интеллигентных женщин.

Т а т ь я н а. Да, да... И чтобы она была изящна, одевалась порядочно, и была с образованием, и поговорить могла, и чтоб письма увлекательные писала.

М а р и я. И никакого мещанства, никакой ревности, упреков, истерик – он этого не выносил.

О л ь г а. Таких женщин было много... Полвека назад. Пока слуги не выгнали господ.

Т а т ь я н а. Да, удивительно много. Цветы, роскошные цветы... только без почвы. Для жизни потребовались совсем другие женщины.

О л ь г а. Кувалды. Помнишь, Маша, у него в записных книжках персонаж рекомендует свою жену – «знакомьтесь, моя кувалда»? (Смеётся.)

Т а т ь я н а. Ну, всё-таки ещё остались...

М а р и я. Вот именно – остались. Новых не будет. До чего дошло – женщины пьют, спиваются. И это никого не удивляет.

О л ь г а. Разве в наше время женщины не пили?

М а р и я. Мецанки, кухарки – пожалуйста. Но как может женщина пить и при этом считать себя интеллигентной?

Т а т ь я н а. Ах, Машенька, за это звание давно уже никто не борется. Интеллигент – это такое ругательство...

О л ь г а. Ну да, пить по-чёрному мы не пили, но выпивали, однако... рюмочку-другую... кстати, Маша...

М а р и я. С утра?

О л ь г а. Рюмочку...

М а р и я. Бенедиктин – будешь?

О л ь г а (кивает). Откуда вдруг бенедиктин?

М а р и я. Чудеса нашей советской торговли. Неожиданно стали продавать ликёр времён моей молодости! Что у них там творится...

Т а т ь я н а. И мне, пожалуйста, налей, Машенька...

М а р и я. Чтобы отбить вкус варенья?

Татьяна. Злючка-колючка ты... Не может без шпильки... Про бенедиктин можно предположить следующее. Дефицит кадров, ну и пристегнули к ассортименту какого-нибудь ещё с до-революции... Какой-нибудь помощник младшего технолога в щель времён завалился и дожил. Вот он пораскинул умишком, написал рацпредложение – в связи с возросшими культурными требованиями трудящихся, предлагаю выпуск вкусного и полезного советского ликёра бенедиктин...

Мария (разливает). А что руководящие товарищи?

Татьяна. А высшие-то руководящие товарищи сами все... с до-революции. Они прекрасно помнят тот самый бенедиктин. (Пьёт.) Мм... почти то.

Ольга (пьёт). Похоже. Но чего-то не хватает...

Мария. Естественно, это вообще не бенедиктин, одно название. Вы вспомните их колбасу... Картофель – и тот...

Ольга. Что – картофель?

Мария. Был круглый, белый, крепкий – а сейчас он маленький, гнилой и грязный.

Ольга. Картофель – из земли, если я не ошибаюсь? Налипает...

Мария. Что – налипает?

Ольга. Эта... земля.

Мария. А до революции почему не налипала? Потому что обтирали, мыли, сушили. Сортировали!

Ольга. Да, ты права, Машенька. Я просто не ем картофеля, так и не знаю...

Татьяна. А чем вы вообще питаетесь, Ольга Леонардовна?

Ольга. Я капустку люблю, во всех видах. Редиску, огурцы. Морковь уважаю... Это если из овощных.

Мария. У нас в Мелихово овощи росли великолепно! Ни одного неурожая.

Ольга. У Антона всё росло, он чувствовал всё живое удивительно, необычайно...

Мария. Положим, огород всегда был на мне.

Ольга. И ты, и ты тоже.

Мария. Конечно, я всегда «тоже»... Второстепенное действующее лицо. Рабочая лошадка семьи... Антон сажал, Антон строил, Антон выращивал. И при нём такая маленькая фигурка, тихая мышка – сестричка, ну, она «тоже»...

Ольга. Так ты лошадка или мышка? Ты как-то определись, Маша.

Татьяна. На фоне Антона мы все маленькие. Кто мы такие, в сущности? Ты – его сестра, ты – его жена, я – его подруга. Отсчёт ведётся от него. Никто никогда не скажет про Антона, что был он муж Книппер, брат Маши, друг Щепкиной-Куперник, никто, никогда...

Мария. Что ж, нам было нужно в могилу вместе с ним лечь?

Татьяна. Нам было нужно хотя бы до этой могилы его не доводить.

Пауза.

Ольга. Начинается...

Мария. Я вижу, все позавтракали, я убираю стол. Чай попозже будет...

Ольга. Спасибо, Машенька...

Маша убирает стол, Ольга прогуливается по комнате, смотрит в окно, Татьяна берёт книгу, пролистывает.

Татьяна. Если я не ошибаюсь, ни у одного нашего писателя не было такого количества женских образов. Ни в прозе. Ни в драме.

Ольга. Островский?

Татьяна. У Островского обычно прекрасно выписана героиня и её мамаша либо тётка. А у Антона, вспомните хотя бы «Чайку» – Аркадина, Нина Заречная, потом – Маша, да ещё и Полина Андреевна – прекрасные, полноценные роли, все имеют судьбу, вплетены в клубок взаимоотношений. Все интеллигентны, образованы, умны...

Мария. Все несчастны.

Татьяна. Да, но это высокие страдания – муки любви, неудовлетворённость собой...

Ольга. Какие у Аркадиной муки любви?

Татьяна. Но ведь она любит Тригорина, она стареет, ревнует...

Ольга. Это высокие страдания? Любая кухарка стареет и ревнует... Страдания у Аркадиной самые обыкновенные, только она умеет их подать изящно. В этом всё дело. Всех чарует изящество формы, всех, всех, и нашего Антона чаровало – именно это. Когда сырое мясо жизни – хорошо приготовлено, умело сервировано, да... И женщину, это сырое мясо жизни, тоже надо... сервировать. Отсюда наши платья, наше бельё, наши украшения, наши духи. Он всё это ценил. У тебя в книге есть «Дуэль»? Где это... вот. Одна дама учит героиню – «Милая! Муж ничего не должен знать, и жена должна быть перед ним чистой, как ангельчик! Я каждое утро просыпаюсь чуть свет и мою холодной водой лицо, чтобы мой Никодим Александрович не заметил, что я заспанная...»

Татьяна. Но в повести она тупая пошлячка, эта дама.

Ольга. А совет даёт правильный. Нравственная распущенность героини выражается и в том, что она опустилась в быту.

Мария. Ольга права, Антон ненавидел нечистый, бескультурный быт. Я постоянно что-то мыла, скребла...

Татьяна. Три сестры! Три сестры! Наташа!

Мария. Не кричи. Что значит – три сестры, что ты хочешь сказать?

Татьяна. В «Трёх сёстрах» у Антона выведена исключительно чистоплотная мещанка, обожающая порядок, это – Наташа. Гадина, тварь, шершавое животное. Хорошие люди могут облениться, опуститься в быту, но злобных гадин никакая чистота не спасёт. Изящество формы – это не главное, Олечка.

Ольга. Кто говорит, что это – главное? Но это любят, моя дорогая, и вы это любите. Ведь и цветы – не главное, а кто ж не любит цветы?

Мария. Антон обожал цветы.

Татьяна. Вы меня сбиваете с толку. У меня была мысль...

Ольга. А вы гоните её, гоните прочь... После завтрака хорошо бы лёгкую музыку... Маша, у тебя есть что-нибудь вроде Штрауса?

Мария. Штраус есть, Оффенбах есть... (*Заводит патефон.*)

Ольга. Как техника-то вперёд шагает! Помните граммофоны?

Мария. Граммофоны! Я царя Александра Третьего помню...

Ольга (*танцует*). Что ж... В конце концов, поиграли в советы и вернулись к самодержавию.

Татьяна. Всё ж таки есть разница между...

Мария. Я бы не хотела поддерживать дискуссию по этому вопросу.

Ольга (*танцует*). Никаких и нет дискуссий. Родились при Александре Втором, умрём при Иосифе... Первом.

Татьяна. А может быть...

Мария. Ничего не может быть. Это навсегда.

Ольга. Мы за жизнь могли успеть заметить, что навсегда у нас ничего не бывает....

Татьяна. Я-то нет, но ты, Машенька, вполне можешь кое-кого похоронить. В тебе есть что-то вечное...

Мария. Я сама не понимаю, почему всё живу и живу. Никакого особенного аппетита к жизни не имею... Живу – как службу служу. Вот – этот дом берегу, наш с Антоном дом...

Ольга (*перестаёт танцевать*). Уф! Да и мы с Татьяной Львовной живы.

Татьяна. Это нам Антон с того света ворожит...

Мария. Ты думаешь, он нам наворожил долгую жизнь? Значит, долгая жизнь – благо?

Татьяна. А разве – нет?

Ольга. Конечно, жизнь – благо. Наша жизнь, я имею в виду. Мы ни часу не были в нужде, ни дня не голодали, никаких преследований, никаких репрессий, мы счастливые люди.

Татьяна. Но рядом... но вокруг...

Ольга. Рядом и вокруг – это рядом и вокруг. Я про нашу жизнь говорю. Татьяна Львовна, у вас переводы идут в ста театрах или в ста пятидесяти?

Татьяна. По Москве – в двенадцати...

Ольга. Дом-музей Чехова в Ялте содержит государство?

Мария. Естественно, Антон в школьной программе...

Ольга. Стоит ли так уж сильно критиковать существующий порядок вещей?

Татьяна. Вы забываете, Ольга Леонардовна, что мы и до революции очень неплохо жили. Я – дочь киевского адвоката... Мы бы прекрасно обошлись и без всей этой... петрушки. Играли бы на сцене, переводили... Зимой ездили бы в Ниццу, летом – куда-нибудь в норвежские фьорды...

Ольга. Ах, вот это, конечно, тоска... До войны ещё пускали иногда, а теперь... Письма – и те через раз доходят.

Умолкает патефон.

Мария. Тебе Миша пишет? Я получила два письма.

Ольга. Пишет.

Татьяна. Миша, сын Саши, племянник Антона? Божественный был актёр. Где он теперь?

Ольга. Он теперь в Калифорнии, актёрское мастерство преподает.

Татьяна (*мечтательно*). Ка-ли-фор-ни-я...

Ольга. Смешно и странно, наш головастик, Миша Чехов – в Калифорнии... И что он там может преподавать? Он играл на чистом таланте, на вдохновении. Если нет таланта, нет вдохновения – никакие ученья не помогут. Согласна, существует техника, но это очень личная вещь, у меня, например, своя техника. Если надо, могу заплакать...

Татьяна. Заплачьте, Ольга Леонардовна.

Ольга. Пожалста. *(Делает жалобное лицо и плачет настоящими слезами.)*

Мария *(смеётся)*. Это фокус! Это она ещё Антону показывала! Она что-то носит с собой, такое... слезоточивое!

Ольга. Ничего, кроме таланта, ей-богу...

Татьяна. Так, всё это очень мило, но я хотела спросить – я завтра буду выступать на вечере или не надо?

Мария. Давайте обсудим. Точного плана нет, вечер неофициальный, можно сказать, домашний.

Ольга. Я могу почитать... Или рассказать про Антона?

Мария. Расскажи про Антона, а потом почитай.

Татьяна. И я могу рассказать про Антона. Конечно, про то, как он к нам с Лидой Яворской в гостиницу приходил пьянствовать, я рассказывать не буду...

Ольга. Я не ревную, не ревную, это до меня было, а кстати, там всё у вас было невинно или...

Татьяна. Это как посмотреть... На мои глаза – говорить не о чем, ну, а для ханжеских глаз зрелище предназначено не было. Но об этом давайте забудем, а то Маша меня съест... Я расскажу про нашу с Антоном переписку, об его уроках литературного мастерства. Он со мной долго возился.

Мария. Отдала бы его письма, сделала бы доброе дело...

Татьяна. После моей смерти весь мой архив поступает государству, а умру я в этом году. Потерпи, Машенька.

Мария. Я потерплю. Я терпеливая...

Ольга. Удивительно, как он находил время постоянно возиться с молодыми писательницами... Я имею в виду – учил их писать. Не скучал, не ленился, прилежно всё читал, отвечал... Причём именно для женщин завёл он такое правило.

Татьяна. Видимо, это обостряло ощущения...

Мария. Ощущения?

Татьяна. Так он же всех... он состоял в любовной связи со всеми своими литературными корреспондентками. Почти со всеми. Наверное, овладеть не только телом, но и душой женщины через вмешательство в её творчество – это приносило особенные ощущения. И потом. Вот мысль, которую я пока что до вас не донесла. Он нас изучал.

Мария. Он нас изучал? Ты считаешь это мыслью? Разумеется, он нас изучал, он вообще изучал жизнь, как всякий писатель.

Ольга. Подожди, Маша. Тут что-то есть... Объяснитесь, Татьяна Львовна.

Татьяна. Не сейчас, не сейчас... вы меня сбили, я устала... Я не выспалась совершенно. Я отдохну, выйду к обеду, и объясню свою мысль. Потому что – это мысль. Даже – открытие... Я совершила открытие... *(Смеётся и уходит.)*

Ольга. Она шутит, как думаешь?

Мария. Да ну её, нашу Танечку. Всю жизнь пишет о принцессах, вот и тронулась маленько.

Ольга. Нет, не скажи, с головой у Щепкиной всё в порядке.

Мария. У всех нас голова в порядке.

Ольга. Да. Это счастье, Машенька... или это несчастье?

СЦЕНА ВТОРАЯ: «ОКОЛО ОБЕДА»

М а р и я одна. Она сосредоточенно сервирует стол.

М а р и я. Они все привыкли делать, что хотят, писательницы, актрисы, только домохозяйки обязаны думать о еде, о посуде, о том, на что жить, что покупать сегодня, что отложить на завтра... Проза жизни! Антон писал прозу, а я – делала прозу жизни... Терпи, Маша, раз Бог таланта не дал... А точно – не дал? Разве у меня не было талантов? Левитан хвалил мои этюды... Впрочем, он мог лукавить. Бунин восхищался моими письмами, но он был влюблён... Всё это – домашнее, для личного обихода. Приятная молодая женщина, рисует, пишет. Кто тогда не рисовал, не пел, не писал? Нет, настоящего таланта у меня не было. Или был? Надо спросить Щепкину, она меня не любит – значит, скажет правду.

Появляется О л ь г а, она переделась к обеду и стала ещё наряднее.

О л ь г а. Машенька, тебе помочь?

М а р и я. Спасибо, я справлюсь. И чем ты сможешь в таком наряде? Париж?

О л ь г а. Париж. Через Германию...

М а р и я. Ольга?

О л ь г а. Конечно Ольга.

М а р и я. Как она там?

О л ь г а. Процветает! Выпускает свою линию косметики и книгу воспоминаний.

М а р и я. Это бы нам нехстати.

О л ь г а. Не думаю. Я, Машенька, почти уверена, что моя дорогая племянница Олечка – большевистская шпионка. И что ты делаешь такие глаза? Наилучшее занятие

для красивой женщины. Я бы сама – с превеликим удовольствием... Служить отчизне, а жить при этом за границей – идеал! Что у нас на обед?

М а р и я. Всё лёгкое... Куриный бульон, котлетки.

О л ь г а. А принцесса Грёза проснулась?

М а р и я. Не знаю.

Появляется Т а т ь я н а, она приделась и причесалась.

Т а т ь я н а. Принцесса Грёза проснулась. Смейтесь, смейтесь, милые дамы, а никто не отменит того факта, что Эдмон Ростан – это на самом деле Щепкина-Куперник. Сирано де Бержерак – это я, принцесса Грёза – это я. Пролетарский писатель Максим Горький восхищался строчками «мы все под полуденным солнцем и с солнцем в крови рождены» и не знал, что марш гасконских гвардейцев из «Сирано де Бержерака» я придумала от начала до конца.

М а р и я. Настанет время, твоего Ростана переведут другие.

Т а т ь я н а. И Эдмон Ростан тогда исчезнет из русского театра. Другого Ростана, кроме моего, быть не может.

М а р и я. Похвальная скромность, видна ученица доктор Чехова... Прошу всех к столу.

О л ь г а. Я что-то не проголодалась... Хотя погуляла часок вокруг дома. А что там у тебя в графинчике такое прозрачное, а, Машенька?

М а р и я. Что-что. Что к обеду положено по чуть-чуть.

О л ь г а. Чуть-чуть! Виват чуть-чуть!

Т а т ь я н а. Я дома никогда ещё столько не ела. Завтрак, потом чай пили, теперь обед... Наверное, и ужин

будет? А я как животное прямо живу – хватаю кусок, когда чую голод. Когда работаю, забываю поесть...

Ольга. Заведи прислугу.

Татьяна. Да у меня в доме всё время кто-то толчётся, только они все такие же безбытные, как и я.

Мария. Ты нам хотела рассказать про своё какое-то открытие.

Татьяна. Да! Внимание, господа! Открытие моё лежало на поверхности – я внимательно прочитала томик писем Антона, который ты, Маша, подготовила. И вот, в раннем письме к брату Александру, наш господин пишет следующее... Вы можете потом проверить, а я перескажу своими словами, как поняла. Итак, рассуждает Антон Павлович, закончилась ли эволюция человека? И да, и нет. В отношении мужчин, пожалуй, закончилась. А вот с женщинами вопрос открыт. Скорее всего, эволюция женщин продолжается. Если сегодня женщины – дуры, и среди них нет гениев, это вовсе не значит, что завтра они не станут все сплошь умными и не подадутся в гении. И наша задача – уверен юный Антон – помочь эволюции!

Ольга. Помочь эволюции?

Татьяна. Именно! Задача прогрессивных мужчин – активно воспитывать женщин, подталкивать их к прогрессу, к развитию, к идеалу.

Мария. В чём тут открытие? Это с шестидесятых годов так повелось, женский вопрос...

Татьяна. Да никакой не женский вопрос, а личное изобретение Антона. Он изобретал эту будущую женщину. Он нас изучал. Он нас воспитывал. Он подгонял эволюцию! Сам лично. Поэтому столько связей с интеллигентными женщинами, столько возни с молодыми

писательницами, с актрисами, с художницами, столько писем и добрых советов. Он гнал нас к своему идеалу – не поодиночке, а целой толпой!

Ольга. Но позвольте, Татьяна Львовна, когда мы повстречались с Антоном, моё развитие уже полностью завершилось, я была зрелой женщиной.

Татьяна. Да, тут таилась трагическая ловушка.

Ольга. Может быть, будем выбирать выражения?

Татьяна. Без обид, Ольга Леонардовна, я совсем о другом. Вы великолепны, вы обворожительны, вы уже тогда были на свой лад идеальной чеховской женщиной. Но вот в чём вопрос. Антон нуждался в жене...

Мария. Антон не нуждался в жене. Если не иметь в виду вашу несносную постель, о которой вы постоянно толкуете и которая не так уж много значения имеет в жизни интеллигентного человека, то я, я, я – я была его женой! Я полностью разделяла его жизнь. Никто не посмеет сказать, что это было не так.

Ольга. Маша... Уф... Ты... для тебя постель, может быть... но люди... мужчины... да и вообще люди...

Татьяна. Да, Маша, ты неправа. Антон хотел семью.

Мария. У него была семья!

Татьяна. Ах вот как. Хорошо, давайте начистоту. Антон был ещё мальчиком, когда вся его семья – папаша с мамашей, со всеми братьями и сестрой села ему на шею. До своей смерти Антон содержал эту семью – заботился о крыше над головой, о еде, об одежде, о плате за учение, и даже взрослым своим братьям одалживал бесконечно денег. Это притом, что ни папаша, ни мамаша никогда не читали его сочинений и не ведали, что там Антон царапает на бумаге. Этот адский хомут Антон волок годами, деся-

тилетиями, лишь изредка, в письмах друзьям, вырывались у него краткие стоны. Он полностью обеспечивал всех вас и лично вас, Мария Павловна. И просто не мог позволить себе завести собственную семью, потому что все силы, всё время, все заработки – сжирала вы, родственники.

Ольга. Но, Татьяна Львовна, это был его личный выбор.

Татьяна. Какой личный выбор, если никто из этой жадной своры не работал и не собирался работать?

Ольга. Он их любил.

Татьяна. Он их любил! А они – они любили его? Конец восьмидесятых годов, у него уже горлом хлещет кровь, а они знать ничего не хотят, как будто не понимают, от какой такой болезни кровь идёт горлом! Ах, Антоша, ах, сходи к врачу. К какому врачу идти врачу... А не лучше ли вам пойти потрудиться, чтобы Антоша ваш хоть на месяц-два передохнул от своей домашней каторги. До чего дошло – он на каторгу настоящую отправился, на Сахалин, чтобы из своего проклятого дома убежать!

Мария. Вот ты что, оказывается, про нас думала всё это время...

Татьяна. Теперь про жену.

Ольга. Вот только не надо меня попрекать театром и Немировичем-Данченко. Это скучно, Татьяна Львовна...

Татьяна. Вас как раз упрекать-то и не в чем. Вы прекрасны, Ольга Леонардовна. Горе в том, что Антону нужна была жена, а он женился на актрисе. Ему была нужна обыкновенная добрая женщина, которой не коснулась никакая эволюция, дура набитая, мышшь серая. Но чтоб она любила одного Антона, служила – одному Антону. А он напоролся на свой идеал! Изящная, умная, талантливая,

образованная, одевается превосходно, письма пишет мастерски, и притом – страстная, живая... Никакой пошлости, никаких сцен ревности, вы что... Всё, конец эволюции, чего ещё желать! Желать больше нечего... Да только эта идеальная женщина – не твоя. Она свободна, она сама по себе. Она венец эволюции: свободный прекрасный человек. То есть не жена и не мать.

Ольга. Много ты знаешь, что нужно было Антону. Может, ему и надо было, как ты выражаешься, напороться на свой идеал...

Татьяна. Откровенно говоря, я думаю, Антону лучше всего было бы жить с Левитаном.

Ольга (смеётся). С Левитаном! А что, не лишено...

Мария. Как это – с Левитаном, в каком смысле – с Левитаном? О Господи, как язык повернулся...

Ольга. Татьяна, вы – человек несемейный, в семейных делах не разбираетесь, и ваши мнения вам надо было оставить при себе. Ну, представьте, вас бы услышал Антон... «Сели на шею», «жадная свора»... что за кухонный разговор. Вы извинитесь перед Машей, ладно? И закончим обед.

Мария. Я... в себя прихожу понемножку... Ох ты, сердце куда-то упало... Не выношу грубости... как можно – вот так... о моих любимых людях... Ведь это из жизни, из душ человеческих клубок, разве можно его давить сапогом? Ты, посторонний человек, смеешь говорить о моём брате, о моей матери, о моём отце... а если я начну...

Татьяна. Да говори сколько угодно. Нет, Маша, если честно, ты что, никакой вины за семьёй не признаёшь? Это не вы Антона уморили, нет? А вы, Ольга?

Ольга. Я... я не разбираюсь в болезнях. Я думала, он ещё поживёт... Я... такое моё устройство – вся повёрнута в жизнь и не чувствую ничего, что от смерти. Я была до последних минут уверена, что Антон выздоровеет. Честное слово. Я бы никогда не повезла его в Баденвейлер, если бы знала, что это конец, никогда.

Татьяна. Все знали, а вы – нет?

Ольга. Понимаете, я такой рождена... Да, представьте себе, все знают, а я нет, кругом болезни, несчастья, смерти, а я ничего этого не чувствую, не понимаю. Жизнь, жизнь, милая жизнь! Только тебя понимаю и принимаю!

Татьяна. Пожалуй, вы проживёте дольше всех нас...

Мария. Это самый трудный вопрос всей моей жизни.

Ольга. Ты о чём, Машенька?

Мария. То, что сказала эта извращённая женщина. Вопрос о моей вине. Она утверждала, что я никогда не работала, и это ложь. Я преподавала в гимназии несколько лет... Хорошо, я признаю, что вклад в обеспечение семьи у меня был мал. Но Антон никогда... Антон считал естественным... Это само собой подразумевалось – что работает Антон, а я распоряжаюсь домом. Я была как жена ему, а жену кто ж гонит из дома на работу? Я ни часу не проводила без дела. Большая квартира в Москве, имение в Мелихово, наконец, Ялта... Учтите, постоянные гости. У нас не было управляющих, я была управляющей, это разве не работа? Это квалифицированный труд, за него платят... Я не актриса, не писатель... У меня не было таланта. Ведь у меня не было таланта?

Ольга. Вообще все Чеховы талантливы. Как и все Книпперы...

Т а т ь я н а. Кто ж сейчас разберёт, был у тебя талант, Маша, или его не было? Чтобы это понять, надо работать. Способности у тебя были. А у кого их тогда не было?

О л ь г а. У Лики Мизиновой не было – причём, никаких.

М а р и я. Вся молодость – в нужде прошла. Куски сахара считала, луковицу из супа для папаши берегла – а то скандал, где мой лук, с утра до вечера ходят, стучат сапогами, пьют чай бесконечно, зимой вечный холод, отовсюду дует, и никуда не деться от этого быта, от ссор, мелких дряг, и счета, счета, счета... Как растянуть пять рублей на неделю, поверит ли на слово лавочник, у которого пьяные братья наделали долгов, протянут ли башмаки ещё год... Это вся моя молодость, вся! Я порядочно стала одеваться, по своему вкусу, мне уже за тридцать было. А тебя послушать, я паразитка, попрыгунья какая-то... которая не заметила гения. Он сам гением себя не считал...

Т а т ь я н а. Да, не умел себя правильно преподнести Антон Павлович. Топнул бы ногой, сказал: кто я? И чтоб домашние все кланялись. А вы сами не могли догадаться, кто там рядом с вами... покашливает? Положим, мамаша неграмотная, с неё спроса нет, но ты, Маша?

О л ь г а. Вы тут не правы, Татьяна Львовна. При жизни масштаб писателя определить невозможно. Вспомните, что писали про Чехова критики – это большое спасибо скажи, если признают хоть какие-то способности, слово «талант» редко употребляли, а гений... Современники о современниках так не говорят. Пока жизнь не окаменела, не стала музеем восковых фигур, не разобрать, кто почём. Только про актёров всё понят-

но сразу, как там у Островского говорится – «Делает сборы, значит, талант». Меня вот публика признала ментально...

М а р и я. Он был мой брат, самый близкий человек, я любила его больше жизни, какая мне была разница, гений он или не гений?

Т а т ь я н а. Конечно, какая вам разница. Чехов писатель, и Боборыкин писатель, и Потапенко писатель...

О л ь г а. И Щепкина-Куперник писатель...

Т а т ь я н а. Я своё место знаю, Ольга Леонардовна, не надо иронизировать попусту. Я говорю лишь о том, что близкие Антона могли бы его поберечь как кормильца семьи и гениального человека. Для себя и для мира...

О л ь г а. И близкие Пушкина могли бы его поберечь, не правда ли? Смешно! Это живая жизнь, кто тут рассчитывает... Люди живут своими страстями... Вас послушать, так нам надо было непременно дотащить Антона до семнадцатого года, когда бы его благополучно шлёпнули комиссары.

Т а т ь я н а. Не шлёпнули, Ленин читал «Палату №6», восхищался, да и Горький бы помог...

О л ь г а. Не представляю себе Антона в нашем красном кордебалете... Нет, он бы эмигрировал, конечно... О, был бы вариант, да... Получил бы Нобелевскую премию вместо Бунина... Жили бы в Париже...

М а р и я. Встречались с Ликой Мизиновой...

О л ь г а. О, нет, нет. И потом, как бы я бросила театр?

М а р и я. Антон всё в своей судьбе определял сам, у него была огромная воля, если он прожил свою жизнь с нами, то прожил её исключительно по своему желанию, и никаким посторонним лицам судить нас я бы не совето-

вала. Зима девятьсот третьего года – да, на моей совести, я задержалась тогда в Москве. По причинам, простительным для любой молодой женщины! Приехала, как только смогла.

О л ь г а. Увлеклась Машенька... Закружилась...

М а р и я. А ты, свободная женщина, что ж ты сама не отправилась ухаживать за своим другом?

Т а т ь я н а. Я? С какой это стати? Он и не звал. И не тот я человек, чтобы ухаживать за больными...

М а р и я. Вот именно. Вы тоже хороши, подружки, это вы – попрыгуны, он с вами возился, писать вас учил, помогал вам, а вы – что сделали вы для него? Ха-ха да хихи, обеды да пикники, приехали – да и уехали. Фотография на память: я и Чехов, отлично, можно сказать, пенсия на всю жизнь, «я дружила с Чеховым». Ты, дочь знаменитого киевского адвоката, подарила бы ему тысячу рублей, пусть отдохнёт, полечится. А? Не подарила?

Т а т ь я н а. Откуда у меня? Да, папа гремел, папа много зарабатывал, но у него было столько детей! Он сам шутил – «я от разных матерей нажил сорок дочерей...» Я переводить стала, чтобы хоть одеваться прилично. Я жила и живу собственным литературным трудом, какая тысяча рублей, ты что! Антон имения покупает, Антон по полгода в Ницце живёт, а полуслепая от бесконечных переводов Щепкина-Куперник ему должна тысячу рублей дарить на отдых?

О л ь г а. Почему-то у Антона никогда не было свободных денег.

М а р и я. Когда у Антона были свободные деньги, он строил школы для крестьянских детей. Даже тут, в Ялте, собирался основать лечебницу для учителей...

О л ь г а. Удивительный, конечно, был человек. Благотворительность, святое дело. Знаете, я совершенно к нему не способна. У меня бы ничего не вышло... В мире так много горя... неужели с какого-то одного человека будут строго спрашивать, если он... ну, не уменьшает этого горя, что ли, не умеет, не интересно ему, наконец! Помогать ближнему – я понимаю, ближний – это рядом, а каким-то неизвестным дальним... Мне кажется, даже и требовать такого от человека как-то странно. Антон построил на свои деньги четыре школы! Зачем? Сейчас, наверно, и брёвнышка не осталось от тех школ...

М а р и я. Но кто-то в них успел выучиться...

О л ь г а. И выученный ушёл на Гражданскую войну...

Т а т ь я н а. Да... может быть, это и к счастью, что Антон ничего этого не увидел.

О л ь г а. А ты всё твердишь, что надо было его беречь – для чего, в сущности? Чтоб подольше мучился?

М а р и я. Неправда, Антон любил жизнь.

Т а т ь я н а. Молодой был, любил. А потом в нём так стремительно стал расти дух, что он жизнь – перерос. Дух, переросший жизнь, судит её строго...

О л ь г а. Поначалу так, а потом дух опять смиряется с жизнью...

Т а т ь я н а. А потом опять её перерастает...

О л ь г а. Да это у кого как. Во всяком случае, нам, женщинам, это не грозит. Никакой дух у нас никуда перерасти не может.

Т а т ь я н а. Вы говорите за себя, Ольга Леонардовна.

О л ь г а. Татьяна Львовна, лопнуло моё ангельское терпение. Вы всерьёз считаете себя умнее всех нас?

Т а т ь я н а. Честно ответить или вежливо?

М а р и я. Разумеется, честно.

Т а т ь я н а. Без всякого сомнения, я думаю, что я умнее всех вас.

После этого заявления действующие лица некоторое время молчат.

О л ь г а. Маша, дай поднос, я посуду соберу.

М а р и я. Оставь, Олечка, сейчас Катя придёт и всё уберёт.

О л ь г а. Я тогда пойду к себе, полежу, читаю... Заходи, Маша, пошепчемся.

М а р и я. Я зайду.

Т а т ь я н а. Что я такого сказала?

М а р и я (Ольге). Тебе там удобно? Ещё подушек не надо?

О л ь г а. Можно, а то спина что-то ноет... (Показывает на горшок с растением.) Это какой цветок?

М а р и я. Это нефролепис. Папоротник...

О л ь г а. Какой милый.

Т а т ь я н а. Я не сказала, что я умнее вас. Я сказала – Я ДУМАЮ, что умнее всех вас.

О л ь г а. Умные люди такого не говорят даже в шутку.

Т а т ь я н а. Значит, я не умна, а только думаю, что я умна.

О л ь г а. Ах, да думайте вы что хотите! Думайте! А не говорите!

Т а т ь я н а. Я так давно не общалась с людьми своего поколения... Ехала сюда с предчувствием счастья, так хотела увидеть ваши лица – ведь это моя молодость... Я... я так люблю вас, если бы вы знали...

М а р и я. Оригинальная любовь у тебя. Наговорила гадостей про семью... Мы, значит, Антона умили, глубокая мысль.

Ольга. Наверное, нельзя столько переводить романтических драм, начинаешь всюду видеть героизм – и злодейство...

Мария. Антон болел, а кто не болел... Брат Коля умер от чахотки, брат Иван умер... Это тоже я виновата? Мы все болели, это вообще опасно – переселение с юга на север, мы так мучительно приживались на новом месте, а что делать, интеллектуальная жизнь, театры, газеты, журналы – всё в Москве или Петербурге...

Ольга. Да, он скучал в Ялте...

Татьяна. Зря он приехал сюда. Несчастный это дом...

Мария. Опять она за своё!

Татьяна. Ты хочешь сказать – это счастливый дом? Кто здесь был счастлив? Мамаша и моря-то в глаза не видела и в ужасе дома сидела, потому что вокруг всё было чужое и страшное. Ты, Маша, мечтала только о Москве, о филармонии, выставках, вечерах в Художественном театре, о флирте со знаменитыми людьми, которым интересна хорошенькая сестра того самого Чехова. А он как всегда – сажал цветы и деревья... Окружённый толпами людей бесконечно одинокий человек... Знаю, знаю, «врачи рекомендовали поменять климат», так не Ялту же они ему рекомендовали. Мог уехать в Ниццу и жить там без вас всех. Так нет, потянул всю колымагу за собой... Чего стоили одни только эти орды чахоточных, которые осаждали его с утра до вечера! Несчастный дом...

Ольга. Может быть, может быть...

Татьяна. Никого я не обвиняю! Я говорю, что было.

Ольга. Вы говорите то, что думаете, будто оно было.

Т а т ь я н а. Да, я думаю, что Антон был гениальный несчастный человек, который изобретал идеальную женщину, торопил её к вершинам эволюции, а в результате не нашлось ни одной реальной женщины, которая разделила бы его жизнь и помогла жить, а потом помогла умереть. И я такая же, и я не помогла. Никто не помог.

Пауза.

О л ь г а. А бывает иначе?

Т а т ь я н а. Сколько угодно! Анна Григорьевна Достоевская.

О л ь г а. Да, пожалуй... Но она кто была – стенографисточка.

Т а т ь я н а. Да, стенографисточка, и что? Любая посудомойка, которая любит своего мужа, варит щи и верна ему, в сто раз лучше, выше какой-нибудь бездарной дуры, которая занята никому не нужным самоутверждением.

М а р и я. Это такая самокритика?

Т а т ь я н а. Почему самокритика?

М а р и я. А ты, ты сама?

Т а т ь я н а. Я-то тут при чём?

О л ь г а. Потрясающе! Она тут при чём!

Т а т ь я н а. Ко мне всё это не относится. Я вышла из этой игры.

М а р и я. Что это значит – вышла из игры?

Т а т ь я н а. А это значит, что я никого не обманывала, делая вид, что я могу быть настоящей женой и так далее. Никакой семьи, никакого быта. Пусть я дегенерат, но сознательный и честный. Никто не был несчастлив из-за меня. Мой путь прямой и ясный: я работаю, я живу в своё удовольствие,

а быть женой и матерью – это не моё. Это нужно понять как можно раньше, и тогда не будет трагедий...

М а р и я. Разве можно в юности это понять? Что мы в это время знаем о себе? Что мы можем знать вообще?

Т а т ь я н а. Как мы можем не знать свои желания? Женщины или хотят замуж, или не хотят. Это так сложно понять?

М а р и я. Сложно! Для меня – сложно... Я никогда не хотела замуж, так сказать, «вообще», меня увлекали некоторые люди, их было совсем мало... и я никак не могла определить, то это или не то... Не знала, есть у меня талант какой-нибудь или нет... Выйдешь замуж, осядешь при муже, и какие уж тут поиски себя, тут не до своих амбиций. А совсем отринуть идею замужества – как-то страшно. Вдруг способности подведут, ничего не принесут, и останешься навечно «сестрой Чехова» – ни семьи, ни карьеры... Так я металась и колебалась, и всё молчком, с кем мне было посоветоваться? Антон не представлял своей жизни без меня... Не все так ясно понимают сами себя, как ты, Таня.

Т а т ь я н а. Не понимаю, что тут не понимать. Если бы ты вышла замуж за Бунина, стала бы «сестра Чехова, жена Бунина».

М а р и я. То есть меня самой нет и никогда не было... Не было! Не было! Я призрак и всю жизнь прожила как призрак! Вы видите моё тело – а нет никакого тела, это всё видимость, морок, мираж... Я и хожу как привидение – бесшумно... У меня нет плоти! Я состою из пыли старых книг... Вот, вот, полюбуйтесь (*показывает на фотографии*) – «слева направо: М. П. Чехова... во втором ряду: М. П. Чехова...» Кто это? Что за бесцветное, бездарное лицо? Ничего интересного, ни

единой чёрточки! Невозможно запомнить, не то что полюбить...

Ольга. Машенька, детка, что ты говоришь! В тебя Бунин влюбился!

Татьяна. Бунин влюбился в Чехова.

Мария. Она опять издевается надо мной!

Татьяна. Классическая замена объекта.

Ольга. Бунин был свирепый женолюб, Татьяна Львовна.

Татьяна. Это так, поэтому, влюбившись в Чехова, он перенёс эту любовь на его сестру.

Мария (*плачет*). Я поэтому ему и отказала... я догадалась...

Ольга. Как-то мне немножко надоело... Я пойду передохну. А то ведь ещё ужин будет... Надо набраться сил всё это выносить...

Татьяна. Прости, Маша. Маша, Маша, прости, прости...

Маша плачет и ничего не отвечает.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ: «ДО УЖИНА»

Мария сидит в кресле, читает книгу. Входит Ольга, она снова переделась, и тоже с книгой.

Ольга. Отдыхаешь, Маша? А где... госпожа Сирано де Бержерак?

Мария (*пожимает плечами*). По-моему, она ходила в сад.

О л ь г а. Опять снег... Люблю снег. И дождь люблю. И солнце. Всё люблю. Что читаешь?

М а р и я. Антона читаю. Я заметила, у него в пьесах брат всегда нежно любит сестру...

О л ь г а. Вишнёвый сад?

М а р и я. Гаев любит Раневскую, разве нет?

О л ь г а. Ну, может, и любит, а что толку... Тебя это утешает, что какие-то персонажи кого-то любят? Ты хочешь доказательств, что Антон тебя любил, чудачка?

М а р и я. Да нет, просто интересно – жизнь, творчество... всё так переплетено... Кстати, у Антона ни в прозе, ни в пьесах нет ни одной хорошей жены.

О л ь г а. Кстати? Ты о чём? Мы прожили-то всего ничего, вот он и не успел...

М а р и я. Чего он не успел?

О л ь г а. Всё он успел, успокойся. Я понимаю, куда ты клонишь. Я – плохая жена? Отлично: я плохая жена. Я согласна. Я не жена, я актриса, я чайка, я крокодил, я зло природы. Пусть так, только отвяжитесь от меня, хорошо?

М а р и я. Актриса... А что это такое – быть актрисой?

О л ь г а. По совести, Маша: не знаю. Знаю, что есть женщины, которых занесло на сцену, судьба так сложилась, обстоятельства, то да сё. А есть актрисы по рождению. Тут что-то в природе... что-то с природой...

М а р и я. Что – с природой?

О л ь г а. А то, что запри меня в доме, в семье, и я умерла. Страсть к свободе, жадность к впечатлениям? Может быть, но и что-то ещё... какие-то флюиды... какое-то острое, опасное приключение души...

М а р и я. Опасное приключение души...

Появляется Татьяна, и она с книжкой.

Татьяна. Я хотела вам прочитать из «Ариадны».

Ольга. Надо же, я как раз перечитывала «Ариадну»... Говорили в своё время, что эта ужасная хищная героиня списана с вашей подруги, актрисы Лиды Яворской?

Татьяна. В этом образе можно узнать многих. Тут – целый тип женщины...

Ольга. Я слышала, вы её ревновали, чуть не зарезали?

Татьяна. Ревновала. Эта развратница совершенно заворожила меня... А у вас, я слышала, во время замужества за Антоном Павловичем, были ещё по крайней мере три любовника?

Ольга (*хотела было рассердиться, но раздумала*). А, что уж теперь... как говорится, Господи помилуй мя грешную. Да, мне есть что вспомнить... как и вам, госпожа Сирано де Бержерак.

Татьяна. Я и не спорю, я грешница.

Мария (*Ольге*). Ты хочешь завтра на вечере памяти читать из «Ариадны»? Это нельзя, нельзя! Возьми другой рассказ, обязательно что-нибудь про бедных, про угнетённых...

Ольга. Да разумеется, Оленька, у меня давно сложена чеховская программа, вся сплошь про бедных и для бедных.

Татьяна. К нашему разговору про эволюцию женщин... вот это место из «Ариадны». «...Мы не удовлетворены, потому что мы идеалисты. Мы хотим, чтобы существа, которые рожают нас и наших детей, были выше нас, выше всего на свете... Но беда вот в чём. Едва мы женимся или сходимся с женщиной, проходит каких-ни-

будь два-три года, как мы уже чувствуем себя разочарованными, обманутыми; сходимся с другими и опять разочарование, опять ужас, и в конце концов убеждаемся, что женщины лживы, мелочны, суетны, несправедливы, неразвиты, жестоки, – одним словом, не только не выше, но даже неизмеримо ниже нас, мужчин...»

Мария. Не забывай, что это говорит герой рассказа, а не автор.

Татьяна. Ах, оставь эту демагогию, Машенька, я сама писатель и прекрасно знаю все эти штучки. Это голос Чехова. Потом вот это место: «В городах всё воспитание и образование женщины в своей главной сущности сводятся к тому, чтобы выработать из неё человека-зверя, то есть чтобы она нравилась самцу и чтобы умела победить этого самца. Да-с... нужно, чтобы девочки воспитывались и учились вместе с мальчиками, чтобы те и другие были всегда вместе. Надо воспитывать женщину так, чтобы она умела, подобно мужчине, сознавать свою неправоту, а то она, по её мнению, всегда права... Приучайте её логически мыслить, обобщать и не уверяйте её, что её мозг весит меньше мужского и что поэтому она может быть равнодушна к наукам, искусствам, вообще культурным задачам...»

Ольга. И что? Так всё и сбылось, по его слову. Шутка ли, тридцать пять лет равноправия. Сейчас, кажется, опять будет совместное обучение в школах, да и без него новая женщина – с серпом и молотом! с веслом! с ружьём! – давно нам явилась во всей красе. Товарищам ведь всё удаётся, удалось и это.

Татьяна. С веслом, с ружьём, с серпом – а что, женщины перестали быть «лживы, мелочны, суетны, несправедливы, неразвиты»?

М а р и я. Разве мы были лживы и неразвиты?

О л ь г а. Женщины нашего круга, чудесные, дивные женщины... У Антона имелся богатейший выбор... Ходил и лакочился, как медведь в малиннике... Ну, а воспитывать, учить – это уж их обязанность, а нам надо делать вид, что мы слушаем. (*Изображает пациентку.*) Да-да-да, доктор, мы суетны, неразвиты, несправедливы, ах, полечите, полечите нас, доктор... мне раздеваться?

Т а т ь я н а. Вы абсолютно правы! Вот именно! Женщины прилежно выполняют всё, что от них требуется в тот или иной исторический момент, но это – им навязано, это – не от них самих... И поэтому, понимаете, всё исчезнет, всё... Как исчезли изобретённые Чеховым идеальные интеллигентные женщины, так исчезнут и наши суровые равноправные товарищи с веслом... Всё – мираж, понимаете? Ми-раж. Это и была моя мысль...

М а р и я. А что – не мираж?

Т а т ь я н а. Есть одна такая штучка, а как она называется в народе, я тебе на ушко скажу, можно? Она – не мираж. Она нас с тобой родила. А мы никого не родили. Ни ты, ни я, ни Ольга Леонардовна. Вот этим и заканчиваются обычно все эксперименты по изобретению какой-то небывалой в природе женщины... Бесплодием они заканчиваются.

Некоторое время действующие лица молчат.

О л ь г а. Я могла бы родить! Это было несчастье... кровотечение, потом операция... Антон меня утешал – ещё, писал, собака моя, родишь немчиков... Ничего не вышло. А кругом все хихикали. «Опозорилась наша Ольга, от такого человека не удержала!»

Татьяна. Я никогда не была беременна. Для чего? Кто мог у меня родиться?

Мария. Я... хорошо, признаюсь. Все мои романы были... невинны. Я не могла решиться... Я то, что называют «старая дева».

Ольга. Я так и думала, Машенька...

Татьяна. С точки зрения природы, мы три уroda.

Мария. Ты говоришь об этом с непонятным для меня удовольствием, Таня.

Ольга. Так ей нравится быть уродом, ты что, не понимаешь, она же – Сирано де Бержерак!

Татьяна. Какая ты умная, Ольга Леонардовна. Я всегда была немножко влюблена в тебя, чуть-чуть. Ты из тех некрасивых женщин, что держатся как красавицы, и все им верят, а это удивительней красоты. Могучая и ясная-ясная вера в себя... Да, я счастливый, осознающий сам себя урод, потому что я – поэт... Непризнанный, неизвестный поэт! Полвека я пишу под псевдонимами – Ро-стан, Гюго, Кальдерон... Я лечу сквозь столетия, в одной руке у меня яд, в другой – шпага, и я влюблён в испанскую королеву!

Ольга (*притоптывая ногой*). «Хоть бы хрен – рубаха нова, и порвата – хоть бы хрен... Хоть бы хрен – девчонки любят, и не любят – хоть бы хрен...»

Мария. Это что такое, Оля?

Ольга. Вдруг захотелось чего-нибудь русского. А мы ужинать будем или так посидим, ещё поговорим, не говорились...

Татьяна. Где вам понять меня... Тридцать лет я не публикую лучшие свои стихи. Сегодня Вера Инбер поэт, а я никто, так, толмачка-переводчица...

Ольга. Так давай, публикуй. Наверняка у тебя нет никакой крамолы в твоих стихах. Я уверена, Иосиф Виссарионович ничего не имеет против испанской королевы.

Татьяна. Умерла моя публика.

Ольга. Подумаешь, горе какое. И моя публика умерла. А я иду на сцену, играю для товарищей. Может, из этих брёвен тоже со временем выйдут какие-нибудь... буратины. Они на меня смотрят в священном ужасе – жена Чехова! Всё равно, что жена Пушкина...

Мария. И на меня смотрят в ужасе. Я – привыкла... Я – домовою... Я навечно слилась с этими стенами, с этими стульями, с этими картинами, и мне кажется, если я уеду отсюда – то просто-напросто растворюсь в воздухе. И никто не заметит... шуршала мышка и перестала...

Ольга. Смешно, Маша! Всю жизнь ты вертела всеми как хотела, настоящая была командирша, фашисты – и те испугались тебя, дощечки в доме не тронули... Живёшь, можно сказать, в собственном доме на казённых харчах, и на что-то жалуешься! Спасибо Антону, всем выписал с того света охранную грамоту, но и у тебя, Маша, характер уж точно не мышинный.

Мария. Почему я живу?

Татьяна. Все мы живём, пока Бог смерти не дал, и ничего мы в этом не поймём, и не надо нам понимать. Я скоро буду там...

Ольга. Где – там?

Татьяна. Надеюсь там, где Антон.

Ольга. Кланяйся ему. Скажи, и я скоро буду. Вот интересно себе представить: прибуду я на тот свет, найду Антона – оп-ля! А он с Ликой Мизиновой живёт. Какая,

скажет, вы мне жена, гражданочка? Наши земные приключения здесь недействительны.

Татьяна (смеётся). И ведь скажет, ей-богу, скажет!

Мария. Он бывает здесь иногда, я его чувствую.

Татьяна. Что ты чувствуешь?

Мария. Тепло, свет... не наше тепло, не наш свет... не объяснишь... Он что-то говорит мне – не нашими словами... Я поняла только, что я не умру, пока не сделаю или не пойму что-то важное. Но – что?

Ольга. А я не умру, пока не кончится моя сила жизни.

Татьяна. Силища!

Ольга. Как это мудро устроено, что никто не знает своего часа. А то бы человек извёлся от ожидания.

Мария. Не надо ничего ждать... Сейчас нам ужин принесут.

Ольга. А к ужину что-нибудь... чтоб сон покрепче был?

Мария. Есть местное вино.

Ольга. Люблю местное вино!

Татьяна. Всё-то вы любите, Ольга Леонардовна...

Ольга. У меня правило: выпивать только в обществе, за столом, и чтобы еда была вкусная, а разговор – приятным. Тогда человек слегка пьян, обязательно весел и никогда не напивается...

Мария. Наш разговор показался тебе приятным?

Ольга. Конечно, приятно вспомнить молодость. Я имею в виду – первую молодость.

Мария. А сейчас у тебя примерно какая молодость по счёту?

Ольга. Примерно... девятая!

Женщины смеются.

**СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ:
«НОЧЬ ПЕРЕД РАССВЕТОМ»**

Входит М а р и я, со свечой в руке. Что-то ищет в шкафчике.

М а р и я. Голова моя, голова, зачем столько боли, кому это нужно... Две таблетки не помогли, ничего уже не помогает...

Появляется Т а т ь я н а.

Т а т ь я н а. Маша, ты не спишь?

М а р и я. Голова болит. Иди, Таня, не беспокойся, я привыкла, это почти каждый день... Иди спать.

Т а т ь я н а. Плохо сплю, с каждым днём всё хуже. «Гламисский тан зарезал сон, и больше тан кавдорский не будет спать, Макбет не будет спать...»

М а р и я. Это твой перевод?

Т а т ь я н а. Не мой, Пастернака. Меня попрекают от-себятиной, а у Бориса Леонидовича её в сто раз больше, и никаких упрёков.

М а р и я. Ты считаешь, твои переводы лучше пастернаковских?

Т а т ь я н а. Этого я не утверждаю. Но вот что очевидно: славу артиста, славу писателя и поэта создают женщины. Женщины – это толпа искусства, их восторг – это наши дрова, понимаешь? Так теперь сравни, сколько дров в печке у Пастернака и сколько – в моей... Шекспира он у меня отобрал навсегда.

М а р и я. Надеюсь, Ростана он переводить не будет. «Сирано де Бержерак» навечно твой...

Т а т ь я н а. Да! Ростан – это мой пропуск, моя охранная грамота, моя соломинка... Когда моё имя станет тонуть в пучине забвения, Ростан меня вытянет, спасёт!

М а р и я. Тебе это так важно?

Т а т ь я н а. У меня ничего нет, кроме моего имени.

М а р и я. У тебя красивое имя.

Т а т ь я н а. Я любила и отца, и маму, поэтому – взяла обе фамилии. И уже не меняла никогда. И на что менять? Выскочила от большого ума в шестнадцать лет за Лёню Мунштейна, так становится Татьяной Мунштейн? Воображаю...

М а р и я. И Ольга сохранила девичью фамилию. Всегда гордилась, что она Книппер. Потом – гордилась, что она Книппер-Чехова... Одна я родилась просто Чеховой и умру просто Чеховой. А как же, Таня, ты говоришь – надо уже в юности понять, жена ты или не жена, а сама – в шестнадцать лет?

Т а т ь я н а. Да боже ж мой, разве ж это брак был. Это ж смех и грех был, а не брак. Мы всё время хохотали сами над собой.

М а р и я. Да зачем тогда?

Т а т ь я н а. А он влюбился! А мне – четырнадцать лет. Стихами завалил... Что я понимала?

М а р и я. Вот и не учи других, как жить, когда сама...

Т а т ь я н а. Человеку, который не жена по сути, женой ещё можно быть, если с юмором... Ну, игра такая, «я жена». Мать другое дело, с этим не шутят.

Появляется Ольга.

О л ь г а. О! Они тут полуночичают без меня!

М а р и я. Не спится, Оленька?

Ольга. Глупости, я сплю как бревно. Но мне теперь совершенно хватает пяти часов сна, и они закончились.

Мария. Как в молодости спалось! Голова на подушку, и мигом проваливаешься...

Татьяна. И никто этого в молодости не ценит, не понимает, какое это блаженство – крепкий сон, здоровые ноги, хорошее зрение...

Ольга. Добавь ещё нормальный слух и – нет запоров...

Татьяна. У меня никогда не было запоров, у меня склонность к... наоборот.

Мария. Ну хватит! Две старые ведьмы!

Татьяна. Три старые ведьмы, Машенька. Три ведьмы – как в «Макбете».

Ольга. Герой погиб – а ведьмы живы...

Татьяна. Символично...

Ольга. Маша, а у нас остался... бенедиктин?

Мария. Ладно, давай накрою... Ещё и сыр есть, и варенье... и лучше вино, а не этот бенедиктин... (Хлопочет.)

Татьяна. Помните, Ольга, у Чехова где-то такой пассаж... дескать, люди обедают, просто обедают, а в это время решаются их судьбы... это о драматургии...

Ольга. Помню, а вы это к чему? Наши с вами судьбы давно решены.

Татьяна. Здесь – да, а там?

Мария. Готова ночная закуска, прошу к столу.

Ольга. Там-там... там-там-там... Ничего не знаю про там-там-там...

Татьяна. Вы же христианка, как мы все – и ничего не знаете?

Ольга. Да никто не знает. Сказано: царство небесное, а как «там» что устроено? Ходят ли «там» трамваи, растёт ли инжир, есть ли «там» бенедиктин или хотя бы водка? Море – есть? Носят ли женщины платья? Театры – существуют?

Татьяна. Мне почему-то кажется, что существуют. Но – другие...

Ольга. Ну что ж, тогда поиграем в этих других. Тогда я согласна и на «там-там-там»...

Мария. Нам обещали встречу с родными. Мы встретим «там» всех, кого любили...

Татьяна. Не может быть, чтобы всех... Я и не хочу – всех...

Мария. Наверное, не всех, но – самых главных. Отца, маму...

Татьяна. Отца и маму – вот это хорошо...

Мария. Антона...

Ольга. Конечно, я рада буду встретить Антона. Я уверена, что он меня ни в чём не винит...

Татьяна. Ты учти, они «там» всё знают. Им видно.

Ольга. Брр... Нет, нет! Не мог деликатный Антон за мной подглядывать!

Татьяна. Очень нужно за тобой подглядывать. Твои шалости всегда были известны всей Москве.

Ольга. Как и ваши, Татьяна Львовна. Мы с вами на ты не переходили...

Мария. Это уж в Москве налажено! Мне стоило с Буниным – здесь, в Ялте! – посидеть вечерком, так наутро это обсуждала вся Москва... а мы просто разговаривали!

Ольга. Это ты зря.

М а р и я. Что – зря?

О л ь г а. Просто разговаривала. Девочки хвалили Бунина – характер, мол, тяжёлый, а мужчина исправный...

М а р и я. Какие ещё девочки!

О л ь г а. Ох, да ладно тебе. Ты одна, что ли, в мире девочка... Вот теперь ходи по дому и казни себя вечной думой – ах, если бы... Ах, если бы...

М а р и я. А тебе нечем казнить себя? У тебя нет своего «ах, если бы»? Ах, если бы я не заграбастала себе Антона...

О л ь г а. Если бы я не заграбастала себе Антона, не было бы ни «Трёх сестёр», ни «Вишнёвого сада». Он написал эти пьесы – для меня и моего театра.

М а р и я. Он бы и без тебя написал...

Т а т ь я н а. Не скажи, Машенька. Вернёмся к зиме девятьсот третьего года. Когда Антон здесь сидел в холоде и одиночестве и писал «Вишнёвый сад». Это он о себе писал, он сам был – вишнёвый сад, он знал, что всё прекрасное должно погибнуть, значит, и он, Антон Чехов, погибнет. Прекрасный и ненужный...

О л ь г а. Опять пошла романтическая драма...

М а р и я. Ненужный! Сотни тысяч поклонников... Вспомни, что было, когда он умер...

Т а т ь я н а. Это да. Это обязательно! Формулу русского успеха знаете? Талант, помноженный на труп.

О л ь г а. Какое мерзкое слово – труп... А вино, Машенька, неплохое. Не скажу – хорошее, но – неплохое. Интересное совпадение: ухудшение материального мира, очевидное в последние тридцать пять лет, совпало с моей... с моим... прибавлением возраста, так что я не

понимаю – это от возраста притупились чувства и ощущение или в самом деле всё – дерьмо?

Татьяна. Слова «старость» в вашем словаре нет, я понимаю. Утешьтесь, Ольга Леонардовна: в самом деле всё дерьмо.

Мария. Ничего мы уже не решим, ни о чём не договоримся... «Ах, если бы...» Если бы папаша не разорился, мы остались бы в Таганроге, я вышла замуж за лавочника, а Антон стал, возможно, провинциальным врачом... Если бы... никакого нет «если бы»... Если бы Антон не умер, что, не было бы революции семнадцатого года? Гражданской войны не было бы? Товарища Сталина?

Татьяна. Кто его знает.

Ольга. Это уже не романтизм, а патология.

Татьяна. Да, я верю, что всё может зависеть от одного человека. Антон был страшно важен для России. Пока он был жив, он – и Лев Толстой, сохранялась... какая-то опора, какой-то нравственный скелет жизни...

Ольга. Не может один человек быть... фу, какое выражение... нравственным скелетом жизни, он не выдержит, он рухнет...

Татьяна. Он и рухнул... Настоящий герой... Вот, вздумал женщин воспитывать. Нас воспитаешь! Скажем, вы, интеллигентные дамы... Да, вы делаете вежливые лица, но как и положено злобным бабам, ненавидите меня и вдобавок друг друга, что, не так?

Мария. Я тебя, Таня, недолюбиваю, но уж ненависть – это чересчур...

Татьяна. А за что? Я в Москве живу как в пустыне! Вы, женщины моего поколения, прекрасно мне знакомые,

вам трудно позвонить, спросить, как дела? Заживо меня хороните!

Ольга. Сама могла бы позвонить.

Татьяна. Не хочу!

Ольга. И я не хочу. И что это за дурацкие обвинения насчёт меня и Маши? Маша, конечно, ревновала, но потом...

Мария. Ты забываешь, что мы с тобой дружили ещё до твоего замужества. Я тебе доверяла. И вдруг такой удар в спину!

Ольга. Удар?

Мария. Поженились тайком, матери телеграмму прислали! Мне вообще никто ни слова не сказал! Украла Антона среди бела дня...

Ольга. Вам скажи, так не выберешься из вашей паутины.

Мария. Паутины? Паутины? Сидела тут, ела-пила, любезничала с нами, мы с тобой нежничали, как и всегда со всеми женщинами Антона, а она вот что.

Ольга. Со всеми женщинами?

Мария. Да! Со всеми! Потому что мы интеллигентные люди!

Ольга. Особенно мамаша ваша...

Татьяна. Так. Я начинаю понимать, что вы действительно меня просто немножко недолюбливаете...

Мария. А за что тебя любить? Ты – чужая, понятно. Зачем ты приехала?

Татьяна. Это моё право.

Мария. Никаких у тебя прав нет! Ты Антону никто!

Татьяна. Ему было хорошо со мной... Вы все что-то требовали, а я – ничего... В большую атмосферу вашей

ненормальной семьи я несла радость, веселье... Я помирила Чехова с Левитаном... Я всегда старалась, чтобы ему было легко в моём обществе. Теперь я... я умираю, умираю, умираю! Что, даже это не даёт мне право... (всхлипывает) хотела родных людей увидеть... молодость вспомнить...

Ольга. Не хнычь... Разве испанские королевы плачут?

Татьяна. Я не испанская королева, я больная старуха.

Мария. Таня, мы все больные старухи и скоро...

Ольга. Ничего не скоро! Ну, хватит, Татьяна Львовна... глупости всё это. Никто тебя не ненавидит, очень даже любопытно было свидеться. Вернёшься в Москву, приходи в театр, я ещё немножко играю...

Татьяна. А я тут новый перевод Мольера сделала, «Мизантропа»... Несмотря на перевод Лозинского... У меня лучше, романтичней. Лозинский такой сухой и холодный...

Ольга. Приноси перевод, я посмотрю.

Мария. Таня, ты чертовски талантлива и всегда была талантлива...

Татьяна. С талантом жить интересней, но несколько не легче...

Пауза. Что-то непонятное происходит в доме, как будто промелькнул свет, раздался странный звук, сменилась атмосфера...

Мария. А? Оля, ты что-то сказала?

Ольга. Нет, я ничего...

Татьяна. Что-то рядом...

Ольга. В воздухе?..

М а р и я. Я что-то как будто услышала, и... как сквозняк...

Т а т ь я н а. Похоже на свет...

О л ь г а. Как будто по голове меня кто-то погладил...

М а р и я. Я же вам говорила. Антон...

О л ь г а. Антон! День рождения! Маша, он когда родился – ночью, утром?

М а р и я. Я не знаю. Теперь и спросить не у кого... Вроде бы ночью, под утро...

Т а т ь я н а. Да! Это Антон, настал его день рождения, и он подал нам знак. Давайте выпьем за него!

Мария наполняет бокалы.

О л ь г а. Антон, милый мой! Наш союз был настоящим и глубоким – я не только была твоей женой, твоей собакой Олькой, но и переиграла все твои дивные пьесы. Так случилось, что я после тебя прожила ещё много-много дней и продолжаю жить... и не было дня, чтоб я не вспоминала тебя, честное слово! Я старая! Вы счастливы, Маша и Татьяна Львовна, я – старая, вам нравится это слышать? Я старая, а ты никогда старым не будешь. Мы ушли в историю, и никто уже никогда не поймёт и не разберёт нашу с тобой живую жизнь. Меня многие ненавидели и при тебе и после тебя – ненавидели без всяких причин, но ты! ты меня любил. И это звание, этот орден у меня никто не отнимет. Антон, ты слава и гордость России, а я твоя жена, и... кому это не нравится, пусть пойдёт и повесится... С днём рождения, мой драгоценный!

М а р и я. Брат мой, любимый мой брат, мне иногда кажется, будто я понимаю, зачем живу, зачем берегу наш дом... Ведь две тысячи лет повторяется эта история, после Христа... Появляется человек, необычайный человек, не от мира сего, в котором есть... этот свет с того света... и он вдруг умирает, и его близкие опять пытаются что-то сохранить, сберечь от этого человека... и я берегу наш дом, потому что это – как церковь, понимаешь? Этот дом – церковь твоего имени, а я её хранитель... Есть твои книги – это твоё учение, а есть дом – это твой храм. Пусть высокопарно звучит, мне это безразлично. Я никто, я мышь, я старая дева, но я – твоя сестра, служу тебе и буду служить вечно. Я выполняю свой долг... И от этой мысли растут мои силы, и я спокойно смотрю в будущее и не боюсь смерти.

Т а т ь я н а. Антон Павлович, ты читал мои сочинения без всякой усмешки, без всякого снисхождения к «бабе, которая что-то там пишет», ты мне сочувствовал. Как важно встретить такого человека в молодости, когда ты ни в чём не уверен, хоть и храбришься, и только притворяешься хитрым, сильным, неуязвимым... Ты всё это понимал, ты вникал в человека... видел человека в женщине. У нас с тобой не было никаких драматических историй, всё было легко, ясно, чудесно! С тех пор я пишу – и представляю себе, что ты это читаешь, и всё вычеркиваю, вычёркиваю... Скоро и меня вычеркнут из жизни. Что останется? Надеюсь, хоть что-то останется. Ведь, скажут, её ценил Чехов, она дружила с Чеховым... Да, Маша, ты права, это моя пенсия, и я живу на неё! Антон Павлович, я перед тобой ни в чём не виновата, но если виновата – прости. Прости женщину! Ты пони-

мал нас, умных глупых женщин, ты надеялся, что мы со временем станем людьми – и мы станем, доктор, мы тебя не подведём! С днём рождения! И какое счастье, что ты когда-то родился.

Ольга. Эх! Ну, пойду попробую ещё поспать, может, получится... Надо на вечере хоть как-то выглядеть...

Татьяна. Рассветает...

Мария. Да...

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
РУССКИЕ МОНОЛОГИ	
Фердыщенко	9
Дарю тебе платочек	40
«Мамочка, рапортую!»	57
Что-нибудь новенькое	64
СКАЗКА ПРО АЛКОГОЛИКА	79
ЖЕНА ЛЕЙТЕНАНТА КОЛОМБО	155
ДОРОГАЯ КВАРТИРА	205
ПА-ДЕ-ДЕ	283
ИЗОБРЕТЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ	333

Татьяна Владимировна Москвина
ЖЕНА ЛЕЙТЕНАНТА КОЛОМБО

Редактор Павел Крусанов
Художественный редактор Александр Веселов
Корректор Владислава Петрова
Компьютерная верстка Ольги Леоновой

Подписано в печать 22.08.2018. Формат 84×108 1/32
Бумага офсетная. Печать офсетная
Печ. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ 4114

Общественная организация «Санкт-Петербургская
ассоциация содействия культуре»
191025, Санкт-Петербург, Стремянная ул., 19
Тел. (812) 314-36-06

Издание подготовлено: ООО «Издательство К. Тублина»
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 14
Тел./факс (812) 712 67 06
Отдел продаж: тел. (812) 575-09-63, факс: 712-67-06

Отпечатано в Акционерном обществе
«Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, д. 8
e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Татьяна Москвина

НИЧЕГО СЕБЕ РОССИЯ!

«Ничего себе Россия!» — новая книга широко известного писателя, публициста, театрального и кинокритика Татьяны Москвиной. Здесь собраны статьи, рецензии и эссе, написанные Москвиной в период 2006–2007 годов и публиковавшиеся в газете «Аргументы недели» и журналах «Искусство кино», «Петербургский театральный журнал», «Собака.ru» и «Русская жизнь».

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Татьяна Москвина

В СПОРАХ О РОССИИ: А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Для русской драматургии А. Н. Островский сделал ничуть не меньше, чем Шиллер – для немецкой и Расин с Мольером вместе взятые – для французской. Он – автор сорока семи пьес, большинство из которых уже сто пятьдесят лет не сходит с театральных подмостков и украшает репертуары как столичных, так и провинциальных российских театров.

В этой книге известный писатель, драматург и театровед Татьяна Москвина раскрывает перед нами грани неординарной личности А. Н. Островского, своеобразие его мышления и творчества, попутно анализируя последние театральные постановки и экранизации пьес великого драматурга, которого при жизни в московских и петербургских императорских театрах восхищенно называли «наш боженька».

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Татьяна Москвина

ЖАР-КНИГА

Татьяна Москвина – автор широкой одаренности и богатой палитры. Кажется, нет такого литературного жанра, в котором бы она не блеснула и не обрела читательского признания. Публицист, писатель, драматург, эссеист, театральный критик – все Москвиной по плечу, и на каждом поприще она индивидуальна, узнаваема, исполнена глубины мысли и остроты переживания. «Жар-книга» – полифонический сборник, познакомившись с которым, каждый сможет убедиться в истинности сказанных выше слов.

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Татьяна Москвина, *Сергей Носов* **ИСТОРИИ**

Замечательный прозаик, острый публицист, один из ведущих российских критиков и театроведов, бесспорный авторитет в области современного театра Татьяна Москвина, оказывается, еще и успешный драматург.

Она – лауреат конкурса современной драматургии 2003 года. Ее пьесы идут на сценах обеих столиц и в провинции, по ним снимаются кинофильмы.

Сергей Носов, напротив, сначала получил известность именно как драматург. Триумфальные постановки его «Дона Педро» поразили театральную общественность еще в конце прошлого тысячелетия, а в новое тысячелетие он ступил уже как блестящий прозаик. Редкий любитель современной словесности не восхищался его романами «Хозяйка истории», «Голодное время», «Грачи улетели» и проч.

«Истории» – сборник лучших пьес этих очень разных и очень ярких авторов.

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ЖИВЫЕ, или БЕСПОКОЙНИКИ ГОРОДА ПИТЕРА

В книге собраны очерки о самых ярких представителях культурного пространства Петербурга конца прошлого – начала нынешнего века. От Цоя и Курехина до Смелова и Топорова. Здесь двадцать одно имя, и список, разумеется, далеко не полон, но, делая свою работу, авторы соблюдали условие: личное знакомство с героями очерков. Персонажи этой книги – люди очень разные. Объединяет их только то, что они были деятельны и талантливы и все начала и концы для них сходились в Петербурге. Все они – порождение Петербурга, часть его жизни, его мифопоэтического пространства, и остаются таковыми до сих пор.

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Павел Крусанов

ДЕЙСТВУЮЩАЯ МОДЕЛЬ АДА

XX век укротил чуму, сибирскую язву, холеру и еще целый ряд страшных недугов, но терроризм как социальная патология оказался ему не по зубам. К настоящему времени бактерии терроризма проникли едва ли не во все уголки планеты и очаг разросся до масштабов всемирной пандемии. Чтобы лечить болезнь, а не симптомы, надо знать ее корни, понимать тайну ее рождения. Павел Крусанов не предлагает рецептов, но делает попытку разобраться в истоках явления, нащупать порождающие его психические и социальные протуберанцы. Иконы терроризма от Шарлотты Корде и Сергея Нечаева до Че Гевары и Карлоса Шакала предстанут перед читателем на страницах этой книги во всем своем зловещем блеске.

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Сергей Носов

ДАЙТЕ МНЕ ОБЕЗЬЯНУ

Это не учебник жизни. И не памфлет, разоблачающий «грязные» предвыборные политтехнологии. И не пособие по одурачиванию себе подобных. Эта книга куда познавательнее, полезнее, остроумнее и, пожалуй, опаснее и того, и другого, и третьего. Поэтому каждого, кто собрался её купить, следует предостеречь: «Осторожно! Вас вооружают знанием, обладание которым может представлять угрозу!» В первую очередь – для вас самих.

В книгу добавлено приложение, проливающее дополнительный свет как на личность самого автора, так и на фигуры некоторых персонажей.

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Сергей Носов

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Необычная книга о «тайной жизни» памятников, несомненно, спровоцирует петербургского читателя на дополнительные прогулки по городу, а не петербургского — на посещение Петербурга. Написана она другом и доброжелателем памятников писателем Сергеем Носовым. Сравнить ее можно разве что с увлекательными книгами о животных, в среде которых подолгу живет исследователь.

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Сергей Носов

КОНСПИРАЦИЯ, или ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПАМЯТНИКОВ – 2

Долгожданное продолжение известной книги Сергея Носова – лауреата литературной премии «Национальный бестселлер-2015».

Герои новой книги – в основном не самые известные, малоизвестные и вообще не известные (есть и такие в Петербурге) памятники. Все они «живут» напряженной и скрытой от неподготовленного наблюдателя жизнью, часто вступая в контакт с людьми и окружающей средой.

По существу, это книга не столько о памятниках, сколько о нас и нашей истории, о том, что часто называют «иронией истории», о странностях истории, ее трагизме и неповторимости.

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Сергей Носов

ХОЗЯЙКА ИСТОРИИ

Трудно представить, куда бы могла повернуть мировая История, если бы не был востребован полвека назад исключительный дар прорицательницы Е. В. Ковалевой, простой советской женщины, мечтавшей о домашнем уюте. Вопрос в другом – в ее втором муже М. Подпругине: допустимо ли персонажу романа редактировать автора?

Ответ утвердительный. «Хозяйка истории» – крепчайший сплав реальности с вымыслом, здесь возможно все.

За двадцать лет после журнальной публикации романа очень много изменилось на нашей планете. Изменился и сам роман – вырос, окреп, дописался. При всей его эксцентричности, он не намерен выглядеть сумасбродным, пусть хоть трижды безумным будет этот чокнутый мир.

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Книги

ИЛЬИ БОЯШОВА

*Лауреат литературной премии
«Национальный бестселлер»*

ПУТЬ МУРИ

ТАНКИСТ, ИЛИ «БЕЛЫЙ ТИГР»

ПОВЕСТЬ О ПЛУТЕ И МОНАХЕ

КОНУНГ

КТО НЕ ЗНАЕТ БРАТЦА КРОЛИКА!

КАМЕННАЯ БАБА

ЭДЕМ

КОКОН

ДЖАЗ

ЖИЗНЬ ИДИОТА

У ХРИСТА ЗА ПАЗУХОЙ (Сборник):

Путь Мури. Безумец и его сыновья.

Армада. Танкист, или «Белый тигр».

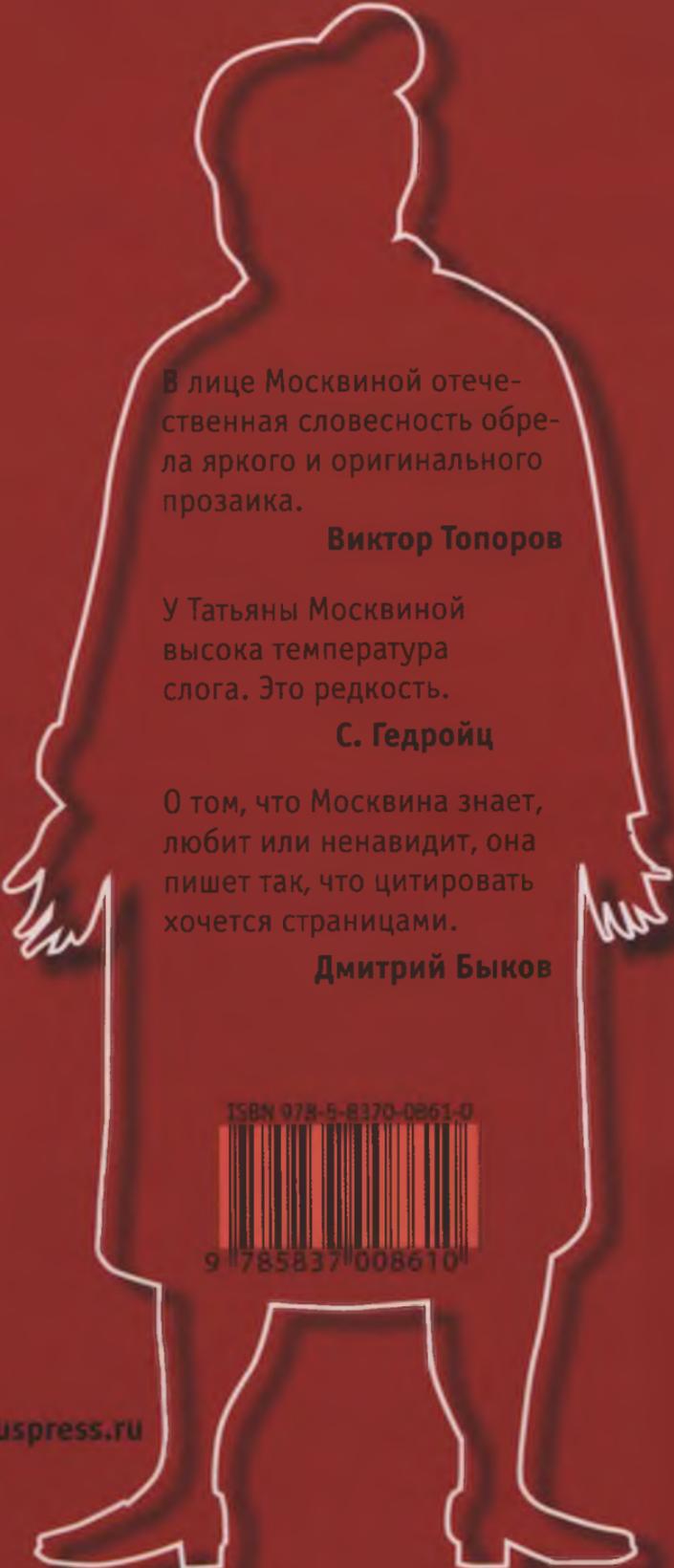
Конунг

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

В лице Москвиной отечественная словесность обрела яркого и оригинального прозаика.

Виктор Топоров

У Татьяны Москвиной высока температура слога. Это редкость.

С. Гедройц

О том, что Москвина знает, любит или ненавидит, она пишет так, что цитировать хочется страницами.

Дмитрий Быков

ISBN 978-5-8370-0861-0

9 785837 008610

www.limbuspress.ru

16+